

10.335/
1966/2

საქართველოს
საბჭოთავო
საბჭო

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Грузия

4

1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

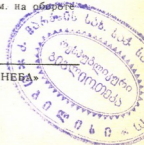
СОДЕРЖАНИЕ

Л. ГОШХОТЕЛИАНИ. Романтика плюс экономика	3
ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Лучшие годы	6
ГУРАМ ГЕГЕШИДЗЕ. Еу. Рассказ. Перевод с грузинского Н. Микава	9
ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Итальянская тетрадь. Поэма. Перевод с грузинского С. Куняева	17
НЕЛЛИ ТАРБА. Мациса. Повесть. Перевод с абхазского Р. Казаковой. Окончание	20
ГЕОРГИИ ДЗУГАЕВ. Монтер. Стихи. Перевод с осетинского А. Флешина	34
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Бухенвальдский колокол. Перевод с грузинского Э. Фейгина и Б. Гасса. Окончание	35
ИРОДИОН КАВЖАРАДЗЕ. Встреча в пути. Рассказ. Авторизованный перевод с грузинского М. Немировой	64

ВЕЛИКОМУ ЛЕНИНУ

М. ГОРГИДЗЕ. Ленин и грузинское студенчество в Петербурге	68
А. ШАРАШИДЗЕ. Из воспоминаний	72
ИЛЬЯ ДУВИНСКИЙ. Соратник Ленина	75

См. на обороте

483-67

4

АПРЕЛЬ

1966

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГУРАМ КАНКАВА. Рассказы Эдишера Кипнани 87
Л. ТИХОНОВА. Слушая рассказчика... 90

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

- СЕРГЕЙ БАРУЗДИН. До новых встреч 93

800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ

- ЕЖИ ЗАГУРСКИ. Исповедь грешника 95
Хроника 92

На 2-й стр. обложки — «В. И. Ленин». Скульптор Д. Наврозашвили. С выставки работ художников-самоучек и народных умельцев Грузии.
На 3-й стр. — «Космонавт-6». Плакат художника Ш. Купрашвили.

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕИГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

Л. ГОШХОТЕЛИАНИ,
управляющий трестом «Чиатурмарганец»,
делегат XXIII съезда КПСС

Романтика плюс экономика

Эти строки писались в дни работы XXIII съезда КПСС. Представьте себе высокоторжественную и деловую обстановку съезда, в которой мы, делегаты, были все эти дни. Проникнитесь нашими чувствами, с которыми мы шли на каждое заседание съезда, чувством огромной радости и огромной ответственности.

Мы приехали в Москву на съезд в конце марта. Первый квартал 1966 года уже шел к своему финишу. Новая пятилетка уже была в действии, в движении. Если говорить конкретно о Чиатура, о нашем тресте, о грузинском марганце, то начало новой пятилетки ознаменовалось для нас событием величайшей важности: «Чиатурмарганец» был награжден орденом Ленина. Это была награда за работу прошлых лет и в тоже время вексель на будущее. Да, вексель. Уже как-то приходилось читать о коммунистических векселях, которые выдавались в первые годы советской власти, еще при жизни Владимира Ильича Ленина, на крупных металлургических предприятиях Юга нашей страны. Вот и ныне горняки Чиатура в ответ на высокую награду как бы подписали вексель на то, что вернут Родине с лихвой все то, что Родина дала и дает им.

На съезд мы, три чиатурских делегата, приехали, как говорится, не с пустыми руками. В счет оплаты нашего коммунистического векселя был сделан первый взнос: план первого квартала первого года пятилетки горняки Чиатура завершили досрочно. Выданы дополнительно тысячи тонн руды. А что такое чиатурская руда, не приходится много говорить. Это значит в первую очередь качественная советская сталь. Это продукция большой химии. Это, наконец, крупные валютные поступления от экспортных поставок. Чиатурский марганец по-прежнему высоко котируется на мировом рынке. Те, кому это не нравится и кому это невыгодно, пытались было изобразить дело так, будто Чиатура «затухает». Нет, господа, Чиатура не только не истощена, не только не свертывает добычи, а наоборот, раскрыла новые тайники своих недр. В минувшем семилетии плановые задания по геологическим открытиям новых месторождений были намного перекрыты. А на текущее пятилетие намечен дальнейший большой рост чиатурской марганцевой промышленности, и он опирается на поистине неиссякаемые запасы наших подземных кладовых.

Но самое большое и еще более неистощимое богатство Чиатура — это ее люди с их безудержным творческим горением. В Москве, на съезде, когда обсуждались коренные проблемы новой пятилетки, я невольно думал все время о наших горняках, о тех, кто уже является и кто еще будет ее героями. Один из них, Д. Киладзе, машинист рудоуправления имени Ленина, сидел тут же рядом со мной. Его участок только в марте, ко дню открытия съезда выдал сверх плана 135 тонн руды. Д. Киладзе выступал на XXIII съезде Компартии Грузии. Он очень хорошо рассказал не только о своих делах передового горняка-коммуниста, но и о всем том, чем живет весь наш горняцкий коллектив. Мне, как управляющему трестом, почти нечего было к этому выступлению добавить. Горняк Киладзе мыслит по-государственному, широко ставит вопросы техники и экономики добычи и обогащения марганцевой руды, нового строительства. И не только он один. Так у нас мыслят тысячи горняков.

Вспоминаю первые довоенные пятилетки, первых ударников, стахановцев. Гремело имя Василия Самхарадзе, который одним из первых продолжил путь к высокой производительности труда на основе овладения передовой техникой. Вспоминаю нашего первого Героя Социалистического Труда Трифона Попхадзе, который и в дни войны и в дни мира неизменно был примером горняцкой доблести. У этих наших ветеранов выросли достойные преемники и наследники. Они сейчас являются лидерами новой пятилетки, ведут бой на самых выдвинутых вперед рубежах, увлекают за собой весь коллектив.

Из Москвы, из Кремля, всегда виднее родные места, даже самые далекие. Я увидел отсюда свой город, раскинувшийся в долине реки Квирилы, еще более прекрасным, чем привык его видеть каждый день. Это город-рабочий, который умеет и хорошо трудиться и хорошо отдыхать, грузить марганцем вагоны и отправлять длинные составы по электрифицированной магистрали и в то же время знает цену песням и танцам... Вот и сейчас до меня как бы донеслась бодрая песня наших горняков, славящих свой труд, свою родную землю и великую партию коммунистов, чудесно преобразующих каждый уголок нашей страны...

Через три года мы будем отмечать 90-летие чиатурской марганцевой промышленности. Быстро приближающаяся дата навеивает мысли о прошлом, сегодняшнем и завтрашнем дне нашего города, будит яркие воспоминания, заставляет глубоко и всерьез задуматься о всем том, что мы можем сделать в этом пятилетии для родных чиатурских нагорий.

Я хотел бы поставить раньше всего вопрос о «Чтениях Акакия Церетели», которые можно было бы регулярно проводить в Чиатура, посвящая их проблемам развития грузинской марганцевой промышленности. Звучит это, конечно, очень романтично, но разве не была романтикой вся поистине подвижническая деятельность великого поэта, который, ни на минуту не забывая лиру, весь отдавался техническим и экономическим расчетам, связанным с рождением марганцевой промышленности на его родной горячо любимой им земле. Поэт писал: «Десять лет тому назад, когда у нас никто еще не задумывался над тем, что такое марганец, этот черный камень, я обратил на него внимание и решил затеять одно полезное дело...» И еще через некоторое время: «Здесь, среди извилин гор... в скором времени пройдет железная дорога, пронесется этот дремлющий уголок, будет создано народное богатство и вместе с ним просвещение. Этому примеру последуют и в других уголках, и наша страна станет на ноги и укрепится».

В 1879 году газета «Иверия» сообщила: от имени Акакия Церетели на европейские рынки отправлена из Поти первая партия чиатурской руды. А уже в следующем году появление грузинского марганца вызвало предпринимательскую горячку. В Чиатура ринулись дельцы всех рангов и мастей. А на рудники стекались крестьяне из окрестных селений. Они шли с нагорий Ргани и Мгвимеви, Перевиси и Итхвиси, Шукрути и Пасиети; Дарквети, Мереви... Шли за лучшей жизнью.

Так стали рабочими-горняками прадеды и деды тех, кому, пройдя школу революционной борьбы, суждено было стать строителями нового, социалистического Чиатуры. Из такой потомственной горняцкой семьи и делегат XXIII съезда КПСС Давид Киладзе. Уверенно ведет он на-гора электропоезда, груженные рудой. Он не знал старой техники, ни кирки, ни лопаты, не видел, как марганец перевозился на арбах, вздымая тучи пыли на узких, крутых дорогах вдоль берегов Квирилы.

Нынешние марганцевые рудники Чиатура — это крупные, прекрасно оснащенные новой техникой предприятия: 6 рудоуправлений и 8 обогатительных фабрик. Это построенные в последние годы такие высокомеханизированные предприятия, как рудник Ахали-Итхвиси и новая обогатительная фабрика в Дарквети, центральная доводочная фабрика... Это богатый парк погрузочных машин, отбойных молотков, электровозов, скреперов. На открытых разработках используются шагающие экскаваторы и 25-тонные самосвалы. А над всем городом — густая сеть воздушно-канатных дорог, грузовых и пассажирских. В этом году к этим «небесным трассам» прибавится еще 8 пассажирских дорог. В этом году должна быть введена в действие и центральная флотационная фабрика, призванная извлекать крупинки металла из шламов, сбрасываемых в Квирилу. Вот тогда черные воды этой реки окончательно посветлеют...

В Чиатура много построено и много строится для людей. Готовится открыть свои двери Дворец пионеров, и в этом году примет гостей Дворец культуры. Для почти 30-тысячного населения города осуществляется большая программа жилищного строительства.

Успехи горняков Чиатура являются результатом того, что весь коллектив треста, партийные организации путем систематического внедрения опыта передовиков, улучшения технологических процессов, применения новых достижений науки изо дня в день совершенствуют добычу марганца.

В Чиатура впервые в Советском Союзе была осуществлена комплексная автоматизация технологического процесса обогащения марганцевой руды, на автоматическое управление переводятся канатные дороги, успешно испытаны малогабаритная погрузочная и новая бурильная машина, на подземном электротранспорте внедрена радиосвязь высокой частоты, создана высокопроизводительная беспоршневая рудоосадочная машина нового типа. Все эти и другие новшества были обусловлены еще и тем, что трест «Чиатурмарганец» имеет тесные связи с различными научными учреждениями и организациями нашей страны. Большую роль в совершенствовании процессов производства марганца играют Институт горного дела Академии наук Гру-

зинской ССР, Руставский, Ленинградский, Криворожский и другие научно-исследовательские институты. Эти учреждения совместно с нашими рабочими, инженерно-техническими работниками решают вопросы дальнейшего улучшения технологических процессов добычи марганца. Только в 1965 году на предприятиях треста «Чиатурмарганец» было внесено 323 рационализаторских предложения, из них принято к внедрению 188, уже внедрено в производство 138 предложений, что дало 609 тысяч рублей экономии.

Подъему производства марганца в большой степени способствует традиционное социалистическое соревнование трудящихся Чиатура с братскими украинскими горняками. Это соревнование, зародившееся в годы первой пятилетки, является красноречивым свидетельством нерушимой братской дружбы.

И все же у нас остается еще немало нерешенных вопросов. Многие из них являются следствием своеобразия Чиатура, и с этим нельзя не считаться. Так, город марганца теснейшим образом связан с окрестными селами, где живет значительная часть горняков. А развитого транспортного сообщения с селами еще нет. Не завершена и электрификация этих сел. Конечно, желательно, чтобы побольше горняков переселилось в город, откуда мы всегда можем быстро доставлять их на рудники с помощью канатных дорог. Но тогда надо шире ставить вопрос о жилищном строительстве в городе и на рудничных поселках. Во всех этих вопросах мы рассчитываем и на поддержку Министерства черной металлургии СССР. Оно теперь ближе стало к нам, квалифицированно занимается нами. Первые результаты экономической реформы уже сказываются.

У Чиатура прочная слава. Награждение орденом Ленина треста «Чиатурмарганец» еще более возвеличило труд наших горняков. Сейчас не требуются такие титанические усилия, какие затратил Акакий Церетели, чтобы пробить путь чиатурскому марганцу. Но доброе слово поддержки писателей и публицистов нам по-прежнему нужно. В послевоенные годы у нас был, например, такой хороший и близкий друг, как Акакий Белиашвили, но его не стало. А жизнь идет, и вместе с ней шагает в гору Чиатура. Новая пятилетка — в действии, возникает много вопросов дальнейшего роста этого крупного индустриального центра Грузии. Так пусть же тема Чиатура громко звучит со страниц нашей печати, в художественной литературе, на «Чтениях Акакия Церетели», которые, мы верим, утвердятся в жизни города горняков.

И пусть все это будет служить одной цели — успешному осуществлению решений XXIII съезда КПСС, досрочному выполнению плана новой пятилетки.

Ираклий АБАШИДЗЕ,
делегат XXIII съезда КПСС

Лучшие годы

Последние годы нашей жизни, пожалуй, без преувеличения можно назвать лучшими не только за время Советской власти в Грузии, но и за всю историю многовековой культуры грузинского народа. За эти годы произошли поистине прекрасные для нее события: близка к осуществлению такая долгожданная мечта, как создание грузинской энциклопедии; получила воплощение и другая не менее долгожданная мечта — учреждены национальные премии по литературе и искусству, носящие имя Руставели; принято решение о проведении юбилея, посвященного 800-летию со дня рождения духовного отца грузинского народа, нашего великого предка Шота Руставели. Этот юбилей, как известно, мы будем праздновать в конце сентября нынешнего года; подготовка к нему широко развернулась уже по всей нашей стране.

Об этих основных, дорогих нашему сердцу, и можно сказать, исторического значения событиях для нашей культуры достаточно подробно говорилось на состоявшемся совсем недавно XXIII съезде Коммунистической партии Грузии.

Поэтому не стану долго останавливаться на их значении. Скажу лишь, что современная национальная энциклопедия является своеобразным мерилем духовной зрелости нации, подлинным венцом всей ее культуры.

Очевидно и значение для общественной жизни нашей республики, для дальнейшего развития нашей культуры, в частности литературы, учреждения премии Руставели.

Несколько слов о юбилее великого Руставели, который перешагнул границы не только литературы, но даже и всей нашей культуры.

В юбилей великого гуманиста, певца человеколюбия и дружбы, страстного патриота мы вкладываем большой смысл, связываем с ним большие надежды.

Вопрос о праздновании юбилея Руставели в сознании грузинского народа явился радостной приметой внимательного и доброжелательного отношения к нашей республике со стороны нашей родной Коммунистической партии и Советского правительства. Заслуженным признанием труда нашего народа, строящего коммунистическое общество в дружной семье братских советских республик, явилось награждение нашей республики вторым орденом Ленина, а также правительственные награды, которых удостоена большая группа трудящихся Грузии.

Все это факты и события последних лет, отличие которых от предыдущего периода истории нашего государства очевидно для каждого.

Я не собираюсь говорить об этом периоде в общих чертах, о его результатах и о следах, оставленных им в жизни нашей партии и страны, во всех областях нашей общественной жизни: в сельском хозяйстве, промышленности, экономике, финансах, внешней политике, в работе с молодежью и так далее. Во всем этом я мало разбираюсь; у нас есть специалисты, работающие на этих участках — это их дело.

Не стану я говорить и обо всех вопросах идеологического порядка. И на идеологическом фронте у нас есть хорошие специалисты — это тоже их дело. Мне же хочется коротко остановиться на том участке идеологии, который называется литературой и искусством.

Каким был этот период для писателей и работников искусства нашей страны? Это были годы, когда произошла переоценка всех ценностей, во время которой с наших счетов, говоря словами экономистов, было сброшено многое такое, что мы считали основой основ нашей работы, что в течение десятилетий лелеяли, берегли и защищали, прилагая всю свою энергию, талант и опыт.

В годы, о которых идет речь, переоценка коснулась и ленинской формулы о нашей литературе и нашем искусстве, основе основ литературной политики партии — вопроса социалистического содержания и национальной формы.

Что это за вопрос?

Для работников литературы и искусства он является тем же, чем для нашей партии — национальный вопрос. Это вопрос политики партии в области литературы и искусства.

Высказывалась даже мысль, что вовсе не обязательно каждой входящей в Советский Союз нации звонить со своей колокольни. Это означало, что национальной форме в советских литературах объявлялась война. Это противоречило ленинской формуле. А составной и главной частью формы или формой номер один является язык. Разгорелся, к нашему стыду, даже спор о том, быть или не быть национальным языком. Сама постановка этого вопроса вызвала удивление и справедливое возмущение многих наших передовых людей. Все мы помним выступление русского поэта Владимира Солоухина в московской прессе, в котором он смело обрушился на такой антиленинский, ревизионистский подход к национальному вопросу.

Со всем недавно, всего несколько месяцев назад, на страницах московской литературной прессы вновь разгорелась дискуссия о национальной форме. Ревизионисты ленинской формулы на этот раз, как справедливо упрекнул их В. Пискунов в своей статье, опубликованной в «Литературной газете», пытались раз и навсегда уничтожить, стереть национальное своеобразие, национальные формы и слить их в единую интернациональную культуру.

Что кладут в основу своих суждений эти теоретики?

Вот рассуждения одного из них (И. Грекул): «С приближением советских народов к коммунизму в культуре их все большее место занимает общее, интернациональные элементы, и все меньшее — особенные, национальные...» «В нашей сегодняшней жизни, — продолжает И. Грекул, — мы все меньше вдаемся в детали национального, нас интересует в первую очередь интернациональное — и в производстве, и в быту, и в характерах отдельных людей... Советскую литературу и искусство надо рассматривать как единые, интернациональные и по содержанию, и по форме...»

Здесь автор, видимо, заметил, что слишком уж откровенно высказал свою мысль, и добавил под конец, хотя и достаточно стыдливо: «но включающие в себя некоторые национальные элементы».

Другой автор (Ю. Карасев) проявляет еще большее нетерпение в вопросе слияния в одно целое разных национальных форм. Приведем и его слова: «Но спрашивается: каким же образом мы придем все к общей для всех наций интернациональной культуре, если будем сохранять и развивать лишь то, что отличает одну культуру от другой? Ведь процесс «накопления» национального в национальных культурах может продолжаться до бесконечности!» Видите, оказывается, какое может произойти несчастье.

И затем автор продолжает ставить вопрос в том же духе: когда может в конце концов настать момент окончательного расцвета национальной культуры и могут ли вообще, в конечном счете, эти механически сложенные культуры создать единую коммунистическую. В то же время этого автора беспокоит, как и каким путем можно высунуть, наступила ли пора расцвета той или иной национальной культуры и созрели ли культуры входящих в Советский Союз наций для слияния одновременно в единую коммунистическую культуру?

Вот над сколькими вопросами приходится ломать голову нашим теоретикам. Ну как их не пожалеть. Они достойны жалости. Попробуй, не сжался над теоретиком, который мыслит подобными художественными фигурами: «Нет, единая культура будущего не сумма, а синтез, не лоскутное одеяло, а цельный блестящий ковер».

Омар Хайям позавидовал бы, услышав такую по-восточному изящную поэтическую фразу.

С великим нетерпением ждут эти теоретики, чтобы все национальные культуры были брошены в один котел. Они требуют искусственно ускорить этот процесс, по их словам «естественный и справедливый».

Этот спор вокруг национальной формы и социалистического содержания, начатый в названном нами десятилетии, продолжается и по сей день. И как говорит упомянутый нами выше писатель Пискунов, он всегда проходит необычно драматично и темпераментно, так как затрагивает судьбы и будущее многих советских народов.

Русская литературная газета, предоставив трибуну этой дискуссии, по нашему мнению, поступила очень правильно. Она подчеркнула этим тот факт, что в нашей среде еще заметны следы и результаты того периода, что среди нас есть люди, в чьем сознании укоренились эти антиленинские взгляды на национальную форму и социалистическое содержание в литературе и искусстве.

«Литературная газета» подвела итог дискуссии статьей одного из своих авторов, разделен во многом его взгляды.

«На заре нашего века К. Каутский выдвинул предположение об ассимиляции всех наций одной нацией, всех языков одним языком. Почти пятидесятилет-

ний опыт культурного строительства в нашей стране не подтверждает этого прогноза. (Подчеркнуто мною. И. А.) Как показывает история советской культуры, она не утрачивает национального своеобразия, а укрепляет и развивает его на качественно новой интернациональной основе. Национальное впервые становится предпосылкой высшего интернационального единства человечества. Здесь все ясно и правильно.

Возникает вопрос: а где же наши видные советские мастера литературы и искусства? Шолохов, Федин, Твардовский, Бажан, Межелайтис, Шостакович, Сарьян, Тихонов; почему они не скажут своего слова по столь злободневному вопросу? Они не вмешиваются в этот спор потому, что для них, как и для меня, вопрос этот был абсолютно ясным с самого начала и таким же останется всегда. Их убеждения по данному вопросу никогда и ничто не могло поколебать. Они твердо стояли на своем в то десятилетие и будут также непоколебимы в дальнейшем. Более того, каждый из них на практике, своим творчеством утверждал, двигал вперед, защищал и развивал национальное достоинство своего народа, национальную форму, и этим в первую голову они снискали любовь и уважение всех народов Советского Союза и мировой общественности.

Теперь, когда прошел XXIII съезд КПСС, мы вновь и вновь обещаем нашей партии не отступать с этих ленинских позиций. До полной победы коммунизма мы сохраним и бережно передадим потомкам национальные формы наших предков и, конечно же, форму номер один.

А в светлом будущем — коммунизме — пусть наши потомки сами решают, нужны им или нет эти формы.

Е у

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Н. Микава

Везде были разбросаны белые камни — по всему склону. От этих камней склон был похож на давно заброшенное кладбище, где остались только могильные плиты. Аробная дорога тоже была завалена этими глыбами и большими, толстыми ветвями. И все же на мягкой красной земле вырисовывались следы колес и копыт быков. Солнце стояло в зените и пекло немилосердно. Пожелтевшая трава и орешник, растущий по пригорку, придавали окружающему какой-то бедный, нищенский вид. Горячий воздух казался застывшим.

Сандро отер пот с лица и перешел на другую тропинку. Она вела напрямик с этого склона на другой и поднималась на холм Унагира. Вдалеке, огибая холм, белела на солнце аробная дорога. Здесь были известняковые и красноземные почвы. И камни были белые. Солнце жгло плечи и шею Сандро, и на его рубашке расплывались неровные пятна пота.

В легких кедах Сандро нетрудно было идти по камням — он шагал быстро и размеренно. Поодаль возвышался горный хребет. Склоны его, поросшие лесом, мягко зеленели, и только там, где шел Сандро, было голо и пустынно. Сандро перешел холм Унагира. Неожиданно потянуло ветерком — и сразу по-свежело.

Внизу, в котловине, лежала деревня. В ней всего-то было десять до-

мов, да и те не все виднелись из-за деревьев. Посреди деревушки бежал ручеек. Залитые солнцем берега его отливали белизной. Земля и там была богата известью. В конце деревни Сандро увидел дом Евтихия, или Еу, как звали его соседи. Дом этот стоял на пригорке, склоны которого поросли ольхой, а выше поднимались ореховые и буковые леса.

За деревней были холмы, ближе к деревне — зеленые, лесистые, а дальше — голые, опаленные солнцем. Все вокруг было объято тишиной и неподвижностью. Деревья и покрытые осокой мегрельские пацхи¹ казались нарисованными. Деревня словно спала, никого не было видно, будто все исчезло куда-то. Даже коровы на полянке стояли не двигаясь, словно окаменев, Сандро показалось, что перед ним не реальный живой пейзаж, а фотоснимок.

Сандро начал спускаться вниз прямо по склону. Правда, чуть поодаль, через кустарник и крапиву, вилась узкая тропинка, но он не хотел идти по ней — боялся змей. Здесь, в этих местах, их было много. Сандро не выносил их. И в самом деле, какое удовольствие, когда змея обвивает твою ногу? Однажды, когда он купался в реке, змея оплелась вокруг ног, и это было отвратительное ощущение. Когда он почувствовал что-то хо-

¹ Пацхи — плетеные хижинки, стены которых обмазываются глиной.

лодное и липкое, он так закричал от брезгливости, что лежавшие на солнышке товарищи стремглав бросились к нему, думая, что кто-то тонет. Это было в детстве. Тогда Сандро не было и двенадцати лет. Потом Дзаба — жена Еу — научила его заговаривать змей, и он стал бояться их уже меньше, но брезгливость испытывал всегда. В реке тогда он кричал больше от брезгливости, нежели от страха. Сандро, ушедший в дрему воспоминаний, улыбулся.

Он вышел на аробную дорогу, которую перегораживал здесь плетёный заборчик. Прощел в ворота, потом прикрыл их опять, надев на шесть проволоочное кольцо. Дорога пошла по ровной местности. На белесой от солнца тропинке, бегущей по берегу ручья, показался человек. Он шел медленно. Сандро узнал Еу и ускорил шаг. Потом окликнул его:

— Еу! Еу!

Еу остановился, подождал Сандро. Когда Сандро нагнал его, они пошли вместе.

— Где ты был, Еу? Коров на выпас гонял? — спросил Сандро.

— Да, — ответил Еу.

Еу не любил много говорить. «Интересно, спросит ли он, где я был?» — подумал Сандро, но Еу не поинтересовался. Сандро засмеялся без видимой причины. Собака Еу, размахивая хвостом, носилась по кустам, что-то вынюхивая. Шли медленно, потому что Еу прихрамывал. Его уже несколько лет мучали мозоли на ступне, но ему было лень съездить в город и срезать их, и он хромал.

За рощей начался подъем, но небольшой. Домика Еу не было видно, потому что его скрывал горный склон. Где-то ржала лошадь — наверное, донимали мухи. Немного погодя среди лип Сандро увидел развалины старинного замка. Замшелую каменную ограду обвивал плющ.

Еу и Сандро остановились под тенью липы. Еу с трудом, жалуясь

на боль, сел, а Сандро упал в траву.

— Как жарко, черт поberi! — сказал Еу.

Из-под Сандро выпорхнула стрекоза. Пахула, высунув язык, носилась по кустам. Потом исчезла куда-то и долго не показывалась.

— Пахула, Пахула! — позвал Еу.

Пахула, задыхаясь, прибежала, села перед Еу, весело помахивая хвостом. Еу погладил собаку.

— На охоту не водишь? — спросил Сандро.

— Пока нет, — ответил Еу, — в сентябре возьму.

— Но у тебя же нет ружья.

— Достану.

Сандро посмотрел на свои грязные, вымазанные землей кеды.

В прошлом году Еу продал ружье и на вырученные деньги купил драку для крыши. До этого дом лет пять стоял без крыши, только одна маленькая комнатка была перекрыта. В этом году Еу наконец закончил строительные работы по дому, хотя в галерее все еще не было пола. Но главное он закончил.

— Да... Очень жарко, — сказал Сандро.

— Что-то живот разболелся, черт поberi, — сказал Еу.

Он встал, медленно разогнул поясницу, направился к развалинам. Сандро пошел следом.

— И ты идешь? — спросил Еу.

— Да.

Из замка, который не имел уже крыши, им было видно ослепительное синее небо и разбросанные по нему прозрачные белые облака. Они огляделись.

— Очень хороший замок, — сказал Сандро, — оказывается, он двухэтажный.

Узкая каменная лестница вела на второй этаж.

— Кто знает, какие люди жили тут раньше? — проговорил Сандро.

— И вправду! — ответил Еу.

— Кутили, джигитовали за этой оградой. И в голову, небось, не приходило, что замок может стать развалинами.

— Эх, где сейчас эти люди, а?
 — В земле, — сказал Сандро.
 — И с нами будет то же, — сказал Еу.

— Их и в земле нет, нигде нет, — сказал Сандро, — исчезли те люди, а замок остался.

— Ну и на что он годится? — отрезал Еу. — Пустой замок. Есть он или нет — это не имеет никакого значения.

Они вышли из замка. Издали доносившийся чей-то крик. Далеко, в лесу, кто-то кого-то звал.

Еу направился по тропинке, нависывавшая. Он очень любил нависывать. Заметив, что и Сандро посвистывает, он замолчал. Некоторое время Сандро свистел один. Потом ему надоело, и он тоже замолчал. Из леса веяло прохладой. На склонах уже лежала тень. Часть ее легла и на рошу.

— А где сейчас Кекуа, который жил в этой роше? — спросил Сандро. — Куда он переселился?

— Кекуа? — переспросил Еу. — Кекуа переселился в Сенаки¹.

— А что он делает в Сенаки?

— Как что? Ест белый хлеб.

Сандро пожал плечами.

За склоном показался дом Еу. Друг из кустов выползла змея и свернулась на тропе в кольцо. Сандро вздрогнул.

Еу вскрикнул и нагнулся за камнем. Но змея успела скрыться в кустах. Еу бросил несколько камней в кустарник. Пахула залаяла.

— Ускользнула, черт побери! — сказал Еу.

Сандро вспомнил заговор: «Ай, оджгише, оджгише, гверс метахи очини, дгас мис гуугебуне гверс угус гедгудуни, голас охонапуандес».

— Знаешь? — удивился Еу.

— Дзаба научила, — сказал Сандро.

— Много их стало — змей...

— Не люблю змей. Однажды в

речке змея обвила мою ногу, а змея сердце не лопнуло.

— Да, помню, — обрадовался Еу, — ты был тогда маленький.

— Да, десять лет прошло с тех пор.

— Это что! Я однажды в роднике увидел змею.

— А потом?

— А потом поймал и убил.

— Как ты ее поймал?

— Палкой. Вытащил из воды палкой и убил камнем.

— И вы пьете сейчас эту воду?

— Конечно. Змея ведь чистая.

Сандро глянул вниз, где по камням бежал ручеек.

— Кто-то нас ругает, черт побери! — сказал Еу.

— Пусть ругает. Пусть сколько хочет ругает. — Наконец они миновали дом Дуру, — Дуру был сосед Еу, почти ровесник Сандро, — и подошли к дому Еу. У ворот визжали свиньи, стремясь попасть во двор. Сандро и Еу перешли ручеек и вошли во двор. Пахула прыгнула прямо через забор.

Из амбара вышла Дзаба.

— Где ты был, Сандро? — спросила Дзаба.

— Бродил, — ответил Сандро.

— Не устал, сынок?

— Нет!

— Тогда хорошо. Скоро будет обед.

Еу сел на тахту под ясенем и начал посвистывать. Два огромных ясеня стояли рядом, их тень почти целиком закрывала двор. Дзаба вернулась в амбар. Сандро стянул рубашку и остался голый по пояс. На нем были красивые брюки, обтягивающие ноги, и новые кеды. Его меднокрасное тело переливалось на солнце. «Ну и черный же я!» — подумал Сандро.

— Пахула, Пахула, ату их, ксс! — закричал Еу.

Пахула с лаем бросилась к воротам и разогнала свиней. Свиньи с

¹ Сенаки (ныне Цхакая) — город в Западной Грузии.

¹ В Грузии существует поверье: если человек говорит о змее, значит кто-то о нем злословит.

визгом помчались по тропе и скрылись в кустах. Немного погодя, высунув язык, Пахула вернулась во двор, села и задней лапой стала чесать за ухом.

Жара постепенно спадала. Сандро сел на тахту рядом с Еу, и теперь они оба глядели в сторону бывшего дома Кекуа.

— Тебе не скучно, Еу, в этом лесу? — спросил Сандро.

— А что делать? — ответил Еу. «Нет, ему не скучно», — подумал Сандро.

Свиньи опять подошли к воротам и завизжали. За домом кряхтели куры.

— Сию минуту будет обед. Вот только мамалыга поспеет! — крикнула Дзаба.

Еу погладил рукой свои длинные седые усы, потом поднял прут и помахал в воздухе.

— Еу, ты любишь говядину? — спросил Сандро.

— О-о, говядину очень люблю, черт побери, — сказал Еу.

— Жареную, да?

— О-о, — оживился Еу. — Однажды мы с Дзуку, отцом Дуру, съели пять кило мяса.

— Как вы могли столько съесть? — Не говори!

— Пять кило — это очень много.

— Что много, я бы съел больше, если б было. — Еу окончательно оживился.

— А медвежатину ты ел?

— Как же не ел? — радостно воскликнул Еу. — Медвежатина не-сколько кисловата.

— Не кисловата, а сладковата.

— Да, сладковата, но все же не лучше, чем говядина. Говядина очень вкусная.

— Вкусная и сытная.

— Еу, Сандро, идите обедать, — позвала их в дом Дзаба.

Восторженность Еу сразу погасла, уступив место спокойствию и довольству. Они встали и направились в дом.

Обедали они посреди комнаты. В открытые окна виднелись верхушки

кукурузы. Она достигала уже подоконника.

После обеда снова вышли во двор.

— Уже не жарко, — сказал Сандро.

За домом Дзаба разговаривала с курами. Потом она пришла под ясеня и пожаловалась Сандро:

— Так замучила меня эта жара! Так замучила, что если б она была человеком — я б обязательно поссорилась с ней!

— Уже не жарко, — сказал Сандро.

Дзаба подошла к воротам и бросила свиньям куски тыквы. Свиньи чуть не перегрызлись между собой.

— Изменилась жизнь, — сказал Еу. Он опять смотрел на развалины дома Кекуа.

— Почему? — спросил Сандро.

— Народ просвещается. Все спускаются вниз, в долину. Вот и Кекуа ушел.

Сандро тоже взглянул на бывший дом Кекуа. Там земля была распашана и засеяна горохом.

— Ушел Нестор Гуния, Ночо Адамия ушел... Десять семей нас только и осталось.

— Чего они хотят, почему уходят отсюда? Разве здесь не лучше?

— Чем лучше? Этому лесу все предпочитают город. Здесь нужно пять километров за керосином идти. А в городе все можно достать, коньяк выпьешь. О, я люблю коньяк, черт побери!

— А вино ты не любишь?

— И вино люблю.

— Короче, ты любишь хорошо поесть и выпить, — усмехнулся Сандро.

— А кто не любит? — согласился Еу.

Жара совершенно спала. Солнце желтым слабым светом освещало лес и двор. К воротам, мыча, подошли коровы.

— Еу, загони коров! — крикнула Дзаба.

Еу лениво поднялся с тахты и, прихрамывая, направился к воротам. Сандро проводил его глазами,

натянул рубашку и подошел к Дзабе. Она готовила у амбара поило для коров.

— Я пойду, поднимусь на гору, тетя, — сказал Сандро.

— Не заблудись, смотри. Уже вечер, — предупредила Дзаба.

— Ничего, не заблужусь. Скоро вернусь, — сказал Сандро.

— Хорошо, сынок, иди, смотри только, возвращайся скорей, — сказала Дзаба.

Сандро прошел кукурузное поле за домом, перескочил через забор и спустился по склону. Склон был лесистый, но там, где шел Сандро, леса не было. На сухой земле были видны следы скота. Длинная тень Сандро легла на склон, словно Сандро был человеком необычайной высоты. Сандро шел и смотрел на свою тень. Было прохладно, и он шел с удовольствием. Добравшись до тропинки, он направился по ней. Издали было слышно, как кто-то из одного конца деревни кричал кому-то в другой. Сандро вышел на полянку и сел. Внизу виднелись дома Еу, Дуру и бывший дом Кекуа. Солнце садилось. До горизонта по всему пространству были разбросаны холмы. Они стояли словно церкви.

Вокруг была зелень и тишина. В воздухе носился прохладный запах земли и трав. Напротив на холме лес был разделен надвое желтой линейкой тропы. Солнце все опускалось, теперь оно сидело на холме, на самом краю неба. Перед заходом оно увеличивалось в размерах и стало краснее обычного. Потом солнце еще больше опустилось, и уже видна была только часть его, потом и эта часть, постепенно уменьшаясь, сузилась, стала совсем маленькой и, наконец, исчезла совсем. Сразу за вечерело. Сандро подумал, что солнце спустилось куда-то в море. Он представил себе море, синевой отливающие волны. Воспоминание о море перенесло его в Батуми, он вспомнил прошлую зиму, проведенную там.

«Сколько глупостей я наделал в своей жизни», — подумал Сандро. Прошлой зимой он жил в Батуми целый месяц и весь месяц был влюблен в одну девушку. Но потом все смешалось. Сейчас Сандро вспоминал про свою любовь то смеясь, то смущаясь.

Все это прошло. Пройденный этап его жизни. Часто ему казалось, что это случилось не с ним, а с каким-то другим Сандро, настолько все ушло куда-то вдаль: тогдашние его чувства, переживания. «Как я изменился. Стал совсем другим человеком, — подумал Сандро, — почему мне казалось тогда, что без этой девушки я не смогу существовать? Почему я так изменился за последнее время?!» Потом Сандро вспомнил Тбилиси, друзей, среду, в которой вращался он до сих пор и которая надоела ему до смерти; некоторые поженились, обзавелись семьями, некоторые нашли другие занятия, то хвалят друг друга, то ругают, хотя в сущности-то все они одинаковы, счастливы и довольны. «Когда же буду счастлив я? — подумал Сандро. — Не знаю! Счастье еще впереди. Счастлив вот Еу, он не ждет никаких изменений и не стремится к ним, а я всегда жду счастья и не знаю, когда оно придет. Я не знаю, что такое счастье. Я только жду его»... Сандро очнулся от мыслей и заметил, что уже стемнело: небо совсем черное. Дома Еу уже не было видно, только маленький огонек мерцал на том месте, где он должен был находиться.

«Как незаметно наступила ночь», — подумал Сандро. Он был доволен этим вечером.

— Сандро! У-у-у! — донесся к нему слабый зов снизу.

«Еу зовет», — подумал Сандро.

Встал и закричал:

— Ау-у!

В конце ущелья кто-то повторил этот крик голосом Сандро:

— Ау-у!

Сандро прислушался к тишине. Была приятна эта спокойная тишина.

— Сандро-о! — услышал он.

— Иду-у! — закричал Сандро и стал спускаться. «Воем, как шакалы», — подумал вдруг он, шагая в темноте.

У забора его встретила Дзаба с коптилкой.

— Это ты звала, тетя? — спросил Сандро.

— Да, испугалась, — ответила Дзаба, — а вдруг ты заблудишься.

— Нет.

— Идем, выпьешь молока. Идем, сынок. Еу ждет тебя.

«Как я мог не узнать голоса Дзабы?!» — подумал Сандро.

Еу сидел на веранде и дымил чубуком. Дзаба начала накрывать на стол. Сандро уселся на перила.

— Стало прохладнее, — сказал он немного погодя.

— Да, — сказал Еу.

Заскрипела калитка. Сандро увидел какую-то женщину, вошедшую во двор, которая направлялась к задней комнате дома. Пахула не залаяла, она только повизгивала. Сандро не узнал женщину.

— Кто эта женщина? — спросил он Еу.

— Жена Дуру, — ответил Еу.

— А разве Дуру женился? — спросил Сандро.

— Да, женился, — ответил Еу, — из Отобайа привез ее.

— Ты смотри! Я и не знал, — сказал Сандро.

— Идите, пейте молоко! — позвала из комнаты Дзаба.

В углу комнаты у дверей стояла жена Дуру. Она была в черном платье и босиком.

— Это жена Дуру, — сказала Дзаба.

Сандро поздоровался за руку с женой Дуру. Женщина очень смутилась и стала смотреть в сторону. Сандро сел за стол. Еу уже ел хачапури.

— Ты сел и кушаешь, а гостей не надо пригласить? — рассердилась на мужа Дзаба.

— А что приглашать-то. Вот еда, на столе — пусть кушают.

— Какой я гость? — сказал Сан-

дро и вдруг почувствовал себя не ловко. Он немного обиделся, что Дзаба назвала его гостем.

— Конечно, гость, а кто же ты, сынок? Раз в десять лет приезжаешь к нам, — сказала Дзаба.

Дзаба и жена Дуру вышли. Сандро стал есть. Чуть подсоленное молоко и хачапури были очень вкусны. Глядя на Еу, он почувствовал, что аппетит его еще больше разгорается. Еу налил себе второй стакан из кувшина и начал пить, громко прихлебывая.

Сандро, поев, стал ждать, пока Еу справится с едой. Потом они вернулись на веранду. Сандро уселся на перила. Было очень темно. Неумолчно звенели цикады.

Сандро прислушался к темноте. До слуха его донеслись какие-то удивительные, тихие голоса... Шли они из мрака. И вдруг он почувствовал страшную грусть и одиночество. Еу тихо посвистывал.

— Нина! — позвал кто-то изда-лека.

— О-о! — ответил тихо Еу.

— Нина! — опять позвал кто-то.

— О-о! — чуть повысил голос Еу.

— Ты что, в телефон разговариваешь?! — рассердилась на Еу вышедшая из комнаты Дзаба. — Не можешь повысить голос? — И она позвала жену Дуру: — Иди, Нина, тебя зовут!

Нина вышла на веранду и во весь голос крикнула:

— Иду, Дуру, иду!

— Иди скорее! — закричал Дуру.

— Наверное, ребенок проснулся и плачет, — сказала Нина.

Нина и Дзаба вернулись в комнату. Еу начал свистеть. Больше никто никого не звал.

— Значит, любишь говядину, Еу? — вспомнил опять Сандро.

— Да, люблю. Говядина — вещь сытная.

— А куриное мясо не любишь?

— А что куриное мясо? Его всегда мало.

— Ты прав, — согласился Сандро.

Нина словно тень прошла по дво-

ру и скрылась. В темноте скрипнули ворота.

— Еу, — сказал Сандро. — А когда ты был солдатом, ты наедался?

— Солдатом? В армии, когда я ел суп, краем уха всегда прислушивался: будет «добавка» или нет. И бежал к повару.

Сандро усмехнулся.

— Поедем, Еу, в Тбилиси. Я тебя такими шашлыками угощу, что никогда не забудешь, и таким вином напою, что... Ну, как тебе объяснить!

— Тбилиси далеко...

— Что ты говоришь? Как далеко?!

— Далеко. И что я там оставил, в Тбилиси? В молодости я туда не ездил, а сейчас зачем?

— А в Кутаиси ты был?

— И в Кутаиси не был. Ездил в Сенаки, Поты и Батуми. В Поты я покупал кукурузу в эту войну.

— А в Батуми зачем ездил?

— А в Батуми я в армии служил, еще в царское время. Там люди ели из одной миски. Посреди стола ставили огромную деревянную миску, садились все вокруг и ели плов. Очень любят они плов.

— А ты ел плов?

— Как же, ел... Там женщины все ходят с закрытыми лицами.

— Этого уже давно нет, Еу!

— Да, сейчас везде все изменилось.

— Едем, Еу, в Тбилиси. Вот где ты посмотришь, что делается на свете.

— А что мне надо в Тбилиси?

Издали доносился вой шакалов, словно кто-то, заблудившись, звал на помощь другого, тоже заблудившегося.

Наутро Сандро простился с хозьявами и отправился в путь. До этого за завтраком они выпили с Еу водки. На прощание Еу растрогался и прослезился. Он сидел на тахте и с трудом сдерживал слезы. Сандро расцеловал Еу, потом Дзабу.

— Не забывай нас, сынок. Приезжай иногда повидать, — сказала Дзаба, — мы ведь еще твоего отца вырастили.

— Приеду, — ответил Сандро, — как будет время, приеду. Только не переселяйтесь отсюда.

— Нет, сынок, мы никуда не переселимся, — сказала Дзаба, — где уж нам переселяться! Это молодые стремятся к новому, а мы, старики, остаемся на своем месте.

— Ну, будьте здоровы, и не переселяйтесь отсюда.

Сандро ушел. Он перешел мостик на речушке, перепрыгнул через забор бывшего дома Кекуа и напрямик пересек гороховое поле. Земля была мягка, и ноги увязали в ней. Налево, между деревьями, был виден дом Дуру. Сандро шел по белой тропинке вдоль ручья. Внизу виднелась котловина. Там опять, как и вчера, будто окаменев, стояли без движения коровы. Духота усиливалась.

Сандро вспотел. В кустах звенели цикады. Сандро остановился на мгновение и оглянулся. Со двора Еу в чистое небо поднимался дым. Не видно было ни Дзабы, ни самого Еу. Под утренним солнцем зеленая трава на дворе отливала желтизной. В этом оцепенении Сандро вновь показалось, что все, что он видит, — не действительность. Потом он долго шел в гору. А вот и поворот. За домом Ночо Адамия. Где же забор? Где же столетняя липа, которая росла у ворот? Виноградник одичал. Только одинокая пацха, покрытая осокой, стояла по-прежнему, и около нее повизгивали свиньи. Сандро не выдержал и вошел во двор. Высокие ясени, тень которых раньше покрывала весь двор, кто-то срезал под корень. Забор у огорода был сорван. Одичало поле, некогда покрытое зеленой травой. Сандро в памяти восстановил это место, каким он видел его, когда ясени стояли на своих местах, и сердце его сжалось. Совершенно иным был тогда этот двор. Другие чувства рождались в сердце Сандро, когда в то время проходил он мимо. А теперь вот Ночо Адамия уехал в Сенаки и построил двухэтажный дом. Наверное, правильно посту-

пил Ночо Адамиа, что уехал отсюда. Раз все уходит — видимо, так и нужно. Все изменилось. Детство Сандро было связано с этими местами. Сандро было больно, что его детство ушло, что ушло то время, когда он был маленьким, хотя то время не могло не уйти.

Он оставил усадьбу Ночо и продолжил путь в сторону Унагира. На проселке лаяли собаки, провожая его. Сандро, опустив голову, шагал по ухабистой аробной дороге. Издали доносилось мычание коров, лай собак. И то издали. Немного погода снова наступила тишина. Только звенели цикады. От раскаленной земли поднималось марево.

Сандро вышел из деревни и увидел трех мужчин в сванских шапочках, сидевших в тени ясеня у края дороги. Ни одного из них он не знал.

Сандро поровнялся с мужчинами и поздоровался с ними.

— Здравствуйте!

— Здравствуй! — ответили те и поднялись. Один, который был постарше, снял шапку, обнажив седые волосы. Сандро смутился, но все же ему стало приятно, что здесь соблюдают старинный обы-

чай. Он продолжил путь и вскоре скрылся за кустарником. Направо по склону росли гранатовые деревья.

Сандро поднялся на хребет, и вдруг перед ним развернулась огромная долина. Сандро стоял на хребте, который, когда смотришь с поезда, кажется синим. В конце долины, на юге, бледно вырисовывалась узкая линия Гурийских гор. Горы будто исчезали в белесом тумане. Солнце палило землю. Множество линий перерезали друг друга на протяжении всей долины. Река отливала серебром. Где-то столбом поднимался дым, и Сандро чувствовал шум, который не был слышен на таком расстоянии, но шел с долины и ощущался в воздухе. Это был шум жизни. Это было кипение. В долине кипела жизнь. Вдруг Сандро почувствовал безграничную радость от того, что вся жизнь впереди, что это и есть счастье, когда все видишь. Он был очень доволен. Он последний раз оглянулся назад. В котловине виднелась деревня, как нарисованная. А в конце деревни, на холме, стоял дом. Сандро повернулся и быстро спустился вниз, в долину.

модер

ИТАЛЬЯНСКАЯ ТЕТРАДЬ

ПОЭМА

1

Куда хотите. Гостю все равно,
каким маршрутом — близким ли, далеким.
Тем более, что он мечтал давно
бродить по этим выжженным дорогам.

Тень колокольни тянется, как шпиль.
Зевает ослик, на стожок глаза.
И всадник скачет, поднимая пыль,
качается от зноя и от хмеля.

Стог... Девушка... И больше — ни души.
Жара не отступает, не спадает.
Блестит река. И в глубине души
негромко кто-то песню начинает.

Но вдруг, как слово, что нельзя забыть,
развалины на взгорье обнажатся,
как б... для того, чтобы спросить,
как д... то будет продолжаться.

Докол... гоить из года в год
и ожи... хозяйина доколе,
с нар... ускакавшего в поход,
и слушать рог, пьянящий ревом поле.

2

Меняется с веками человек,
меняются пейзажи и названия,
но хочет зрелищ просвещенный век,
и поднимается цена развалин.

А у меня есть Грими — мой оплот.
Мне зной Гареджи обжигает кожу.
Я каждый день штурмую их врасплох,
и каждый раз число побед итожу.

Я жил когда-то много лет назад
у дикарей. Их нравы были грубы.
Я не возделал пашню или сад —
пришлось ворочать вражеские трупы.

Над чуждой верой голову ломать
у них учил. Им было все не нужно.
Они и не хотели понимать,
что можно жить легко и безоружно.

Не верили, что можно обойтись
без разрушенья вражеского крова,

иметь свои — дома, и хлеб, и мысль,
святые, словно доски гроба...

3

Все тянутся и все летят назад
усталые от ласки солнца нивы.
Обнявшись, тени темные лежат,
и прикрывают их собой оливы.

Лежат и удивляются они,
что солнце для прогулок неизменно
идет на небо... А уже вдали
дрожит на солнце древняя Сиенна.

Сиенна! На горячих площадях,
где тени в полдень протянулись косо,
ты прошлое развеяла, как прах,
рассеяла, рассыпала, как просо!

Воркуя, бродят голуби вокруг,
туристы пересчитывают вечно.
А ты молчишь. И перед всеми вдруг
ты обнажаешь естество и немощь.

Давно забыта старая тропа.
Ты разлеглась под солнцем, словно лошадь.
Жуешь узду, и старая труба
тебя не встрепенет и не встревожит.

4

Уже в разгаре августовский день,
горячий, как крестьянские ладони.
Автобусы отбрасывают тень,
и мы уходим от ее погони.

По сторонам дорожку смотри,
сбирай запасы наблюдений точных
и думай, глядя на монастыри,
что в мыслях вдруг откроется источник.

Открыть — не означает находить.
Все найденное принадлежность тела,
необходимое, как «есть» и «пить»,
и как торговцу вывеска для дела.

Открытие — правомочность божества
и происходит по закону чуда,

закону, по которому жива
душа-дворец, жива душа-лачуга.

Я это чувствовал и понимал,
как зодчий знаменитого собора,
который к солнцу стены поднимал,
улав от мысли о величье бога.

5

В Венеции я видел цепь мостов
и улочек прохладных коридоры.
У побледневших от воды домов
в руках покачивалась тень гондолы.

А гондольеры медленно везли
влюбленных, юных, от желанья пьяных.
Луна и море до конца внесли
свой скромный вклад в чужой блестящий
праздник.

И все дворцы, и все колокола
и улицы — спокойно засыпали.
Вода венецианская спала
и лестницы, уткнувшись в воду, спали.

А я страшился вспоминать тебя
и думать о тебе, как мне хотелось...
Из темного кино неслась стрельба.
А я бродил. На месте не сиделось.

Мне было трудно широко вздохнуть.
Откуда-то с балкона пес трусливый
рычал. А я не знал: когда-нибудь
пройдет ли трепет мой необъяснимый?

6

На тротуарах пыль и шелуха.
В глубокоом сне лежал пустынный рынок.
Все емкости наполнила луна —
блестела в бочках, ящиках, корзинах.

А у стены, где винограда гроздь
сосала тень, — сидел неслышно сторож.
Обрушивалась ночь обвалом звезд,
захватывая беззащитный город.

Чему нас учат ночь и тишина?
Молчанию, что овладевает нами?
А может, смерти? Может быть, она,
к нам приближаясь, шевелит руками?

Но рано! Нет, не то чтоб никогда,
но вот сейчас о смерти думать рано.
Вы видели, как мчатся поезда,
вы видели, как бледные платаны

качаются на ледяном ветру,
как гордо держат головы? Как трудно
луне с любимой уличей игру
остановить, чтоб стало вдруг безлуно?

И я учусь у них в такую ночь,
и ты, и все — мы тянемся к ученью
о том, чтобы кому-нибудь помочь
водой и хлебом, солнцем или тенью.

Но, очевидно, мало нас, таких.
И очевидно, все-таки их больше,
чем нам казалось, жадных и скудных,
кто хочет жить послаще и подольше.

7

Пусть будет так. Пусть это подчеркнет,
что мы разнообразны, необычны.
Песок струится, а вода — течет.
А ломкое и гибкое — различны.

Но вновь за дело. Над моим окном
встает луна.

— Сочти меня достойным,
войди, луна, в мой полуночный дом! —
Хотя зачем созданным беспокойным

блуднице и поэту, и луне
зачем все эти комнаты? Но где же,
но где же гостя? Чтоб она ко мне
пришла, есть время и чуть-чуть надежды.

И голова болит. И звон в крови.
Уходит за минутой минута...
Пришла. И ожерелье на груди.
Как раз такое я дарил кому-то.

Оно к лицу тебе, любовь моя,
иди скорее. Голод или жажда
уже вконец измучали меня.
Я не забыл тебя. И, верно, завтра

я снова не сумею позабыть
по притяженью, что к тебе бросает...
Вот так и суждено вам уходить,
но каждая свой след в душе оставит.

Вы, женщины, такими родились,
чтоб одинаковым, но неоднобразным
движением давать безумью смысл,
как гласный звук дает его согласным...

8

Уже светает. Вовсе рассвело.
Ночь убегает быстрыми шагами.
Ночные стражи красное вино
пьют на скамьях глубокими глотками.

Из темноты выходит Рим, как лев.
Он разным временам не покорился.
Он в бесконечных войнах уцелел,
в бесчисленных пожарах закалился.

Рабы выносят на плечах дворцы.
Легионеры строятся в отряды.
Идут, непобедимы и горды,
и ожидают славы и награды.

Дым жертвенника, мелко трепеща,
над Капитолием кружит, взмывает.
Тень Цезаря выходит, и с плеча
запятнанная тога ниспадает.

Он снова ищет прежнюю тебя,
в нем, видно, память старая очулась,

чтобы частица твоего тепла
к его груди громадой прикоснулась.

Не знает Цезарь, что еще вчера
ты отдала, хранимые дотопе,
ко мне, к простому смертному щедра, —
огонь и мед его великой доли.

9

Но все идет по-старому пока.
Все та же пыль спускается на листья,
седой монах идет из кабачка
походкой знаменитого артиста.

Пришли причины будничных забот.
Мечта погасла. Подогретый завтрак
голодным переулкам раздает
веселый и бодрящий запах.

Я наудачу медленно брожу
по улицам рассветным, как в Тбилиси,
ночные впечатленья ворошу
и собираю по крупинке мысли.

Я занавес сегодня приоткрыл,
на этот город поглядел впервые
и ощутил волнение и пыл,
как будто бы я с женщиной впервые.

Смыкаю веки в мыслях о веках,
чтобы яснее прошлое припомнить,
бледнеющее на моих глазах,
но все равно, великое, как подвиг.

Как черный парус, в пеструю толпу
вошла монахиня, творя обеты
и твердо веря, что ее теплу,
ее земле не угрожают беды.

Монахиню едва ли убедить,
что человек сегодня выше бога,
что думает иначе, может быть,
из тысячи один — и это много.

В тени Везувия Помпей прах
горит. Обнажены ее покровы.
Окаменевшие печаль и страх
с чуть слышным запахом истлевшей крови.

Для нас для всех приходит время стать
превыше бога, властвовать над небом,
и наслаждаясь, воздухом дышать,
и воду пить, и насыщаться хлебом.

* * *

В такие дни, когда жара плывет,
приносят пользу памятников тени —
веселый древний солнечный народ
находит отдых в полутемной сени.

Уставший от скитаний и дорог,
от беготни, от рыночного крика,
подводит Рим сегодняшней итог
уже на грани завтрашнего Рима.

Перевод с грузинского С. Куняева

Нелли ТАРБА

МАЦИСА

ПОВЕСТЬ

Перевод с абхазского Р. Казаковой

10

Так жил этот искренний коммунист. И в самый разгар работы — снят, выгнан по злому навету, по клевете!

Да и на многих честных людей тогда же, в тяжелые для Бегуа дни, посыпались несчастья. Скольким из них не суждено было пожалть плоды своего труда...

Дела Бегуа все осложнялись. Некоторые пытались заступиться за него, но — напрасно. Факты оставались фактами: действительно, уважил княгиню Харихан, помолвлен с дочерью торговца... Бегуа через Едарата передал мне, чтобы я подождала, пока все уладится. А отец просто с ума сходил, из дому шагу мне сделать не давал, ни с кем словом перекинуться не позволял.

«Я тебе говорил, что как пришел, так и уйдет этот твой Кутарба и никакого счастья тебе не принесет! Это его портфель и седина ослепили тебя, так тебе и надо!» — злобно кричал мне отец.

Но до меня его слова не доходили. Что бы ни случилось с Бегуа, как бы ни унизили его, для меня он был самым хорошим, самым желанным. Ах, как хотелось мне быть около него, поддержать его, разделить его горе!

Во время всей этой сумятицы отец принял решение выдать меня замуж за какого-то князя Ачба. Оказалось, его родные уже обо всем договорились с моим отцом и назначили день свадьбы. За два дня до этого сообщили мне о моем «счастье».

Заметалась я, закрутилась — что можно сделать за два дня? Как сообщить Бегуа? Меня крепко сторожат, а Едарат пропал куда-то... Еле-еле упросила одну девушку найти его, чтобы он рассказал все Бегуа. Если Бегуа любит меня и хочет на мне жениться, пусть немедленно заберет меня из родительского дома, иначе — не видать нам больше друг друга.

За день до свадьбы я тайком ушла из дому к Бегуа.

Там устроили нам небольшую скромную свадьбу — ведь все произошло очень неожиданно. Мать и сестры Бегуа так радовались! Возможно, им и не по душе было мое прошлое, мои хрупкие руки и отросшие ногти, но они верили своему умному Бегуа и приняли в семью его избранницу.

Вот так мы соединили наши судьбы. Но — не на счастье...

Окончание. Начало в № 3.

На рассвете, когда разошлись гости, Бегуа пришел ко мне в амхара¹. Таким взволнованным я его еще никогда не видела. Он нервно ходил по комнате и твердил:

— Нет, я этого не переживу, Мациса, зачем ты связала со мной свою жизнь, что нам делать, Мациса?!

Я стояла окаменевшая, ничего не понимая.

Дверь внезапно открылась.

— Ты арестован!

К Бегуа подошли какие-то люди. Так вот оно что! Как луну окутывают черные тучи, так они окружили наш дом. И вдруг среди них мелькнуло знакомое лицо. Ачаабалырхва!

— Чего вы стоите, делайте свое дело, — сказал он подручным и окликнул меня:

— Дорогая моя глупышка, видишь, что ты натворила?..

— Может, немного спешишь, Алдемыр? — проговорил Бегуа, смеясь его презрительным взглядом. Потом бледный, особенно седой от этой бледности, рванулся ко мне. — Тут какая-то неразбериха, Мациса, не бойся, прошу тебя, и жди, я очень скоро вернусь!

Он растерянно замолчал, потом вдруг схватился за часы, стал снимать, видимо, хотел хоть что-то мне оставить, но — его увели...

11

Развалилось мое счастье. Ачаабалырхва черной кошкой перебежал дорогу моей любви, как голодный зверь, растерзал все, чего я ждала в будущем, вороном налетел и украл мою юность.

Если б могла я убить его в ту ночь! Поклялась, что кровь мести кувшинами ему отолью. И дождалась-таки этого часа, хотя — что уже могло измениться в моей жизни?

Сто веков проживу, не забуду, как уводили Бегуа. Как был он полетнему в белых брюках, в шелковой белой рубашке, в тапочках, без шапки, так его и забрали. Месяц он просидел в районной тюрьме.

После всего этого ужаса переменялась я до неузнаваемого. Я, когда-то такая послушная родителям, хрупкая, нежная, боявшаяся шагу из дому ступить, стала совсем другой. Теперь я думала только об одном: как помочь Бегуа, как вызволить его из беды.

На второй день моей свадьбы, услышав про несчастье, отец стрелой прилетел, чтобы вернуть меня домой. Но — не та уж я была.

— Если я тебе дочь, если любишь меня, помоги, а нет — так не мешай! — сказала я ему.

— Да будь ты проклята! — разгневался отец. — Проклинаю тебя перед иконой Дыдрипша! Не отец я тебе больше.

До того он рассвирепел, что и вправду пошел на гору, туда, где находилась икона Дыдрипша, и прилепил перед ней свечу пламенем вниз. То было высшей карой.

Меня это ничуть не огорчило, но мою свекровь словно подменили.

Пошли бесконечные попреки, недовольство. По мере того, как дела Бегуа ухудшались, гнев ее возрастал, она все больше ненавидела меня и считала причиной всех несчастий. Днями и ночами она твердила, что я отняла у нее сына, на злую беду переступив их порог. Свечка, горевшая перед иконой Дыдрипша, не давала ей покоя. Но я все терпела из любви к Бегуа.

¹ Амхара — комната или специальный домик для новобрачных.

Дни мои проходили у дверей тюрьмы, милиции, прокуратуры. Едарат был единственным, кто разделял мое горе. Как родной брат, он не оставлял меня ни на минуту.

В тюрьме Бегуа просидел три месяца. Со дня нашей разлуки мы так больше и не увиделись...

12

И осталась я в черном вдовьем платке в доме Кутарба. Пять лет прожила у них. Трудные это были годы. На третий год после ареста Бегуа умер мой отец. К этому горю добавлялось постоянное недовольство свекрови. Старуха грызла меня и грызла. Несколько раз приходили мои родственники, уговаривали уйти от нее, но я не сдавалась, решила терпеть из последних сил ради Бегуа, ради верности ему.

Куда девалась изнеженная, холеная девица! Я и дома хозяйничала, и в поле работала, в колхоз вступила, — всюду попевала, все делала сама и думала: вот похвалил бы меня Бегуа!

Многие меня жалели, сокрушались, что проходят мои золотые годы в чужом доме под ругань озлобленной старухи. Но не поэтому, а потому, что кончилось терпение, не стало сил больше молчать, однажды вечером тайком собрала я свои вещи и вернулась в родной дом. Решила жить у мамы и всю жизнь ждать Бегуа.

Тогда мне казалось, что на меня больше никто и не взглянет. Но нашлись люди, которые стали просить моей руки. Только я отказывала, велела передавать им, что моя судьба решена навсегда.

Бедная мама, как она за меня переживала! Родная дочь, которой пророчили столько счастья, сидела дома не вдовой, не девицей, не мужней женой.

А я не теряла надежды, верила, что Бегуа отыщется, посылала запросы, писала письма, обращалась то туда, то сюда... Безуспешно.

13

Однажды я отправилась в Гудаута за ответом на свои письма. Как и всегда, ничего не получила. Вдруг неожиданно-негаданно встретила Едарата. Не виделись мы с ним ровно три года. Когда забрали Бегуа и стала я жить в чужом доме, Едарат постепенно отошел от меня, видно, боялся, что злые языки оболют меня грязью за нашу дружбу, да и старуха его терпеть не могла.

Постарел Едарат, поседел его когда-то черные кудрявые волосы. Лицо посуровело, не было и в помине его всегдашней жизнерадостности. Я узнала, что за этот год Едарат схоронил мать и сестру. Село, где он председательствовал, находилось далеко от нас, поэтому и не слышали мы ничего о его горе.

— Как же ты живешь теперь? — спросила я с глубоким сочувствием.

— Да так и живу. Кроме отца, никого у меня нет. Да и он совсем слаб от старости.

— Почему же не женишься, Едарат? Ведь тебе очень трудно одному...

Холодная улыбка тронула его губы.

— Одни нас не хотят, других мы не хотим... Оттого и не женюсь.

С того дня я часто вспоминала Едарата. Все виделось мне его грустное лицо. «Одни нас не хотят, других мы не хотим...» Я знала, что означают эти слова, но все-таки не верила, что Едарат еще не забыл ме-

ня и что я — причина его одиночества. Вновь и вновь в памяти вали его слова: «...Никогда не попрошу твоей руки, пока сама ты этого не захочешь...»

Прошло шесть лет, и я получила извещение о том, что Бегуа три года назад умер в заключении.

Наплакалась я, второй раз пережила вдовство и надела глубокий траур.

14

Шла Великая Отечественная война. По всей стране бушевало ее пламя, все горело, ломалось, тысячами гибли люди.

Помню, приехала я в Гудаута — город военного времени... Бесконечные эшелоны, слезы, горе, от протяжного воя сирены замирало сердце...

Идя мимо военкомата, я встретила Едарата. Он поздоровался со мной, остановился и сказал с обидой в голосе, что уже в третий раз просится добровольцем на фронт, а его не берут.

— Говорят: колхоз в твоих руках, делай дело, понадобится — позовем!

— А как отец? — тихо спросила я.

— Плохо ему, совсем свалился. Если б не он, я бы все равно стоял на своем. Не из тех я, чтобы фронта не найти!

Я подумала: больной отец в постели, сам огромным колхозом управляет да еще на фронт просится... Не то пожалела я его, не то восхитилась им. И еле разжимая губы, спросила, помнит ли он слова, которые когда-то говорил мне.

— Как же не помнить, боже мой, неужели ты думаешь, что я их забыл? Такие вещи не забывают! — взволнованно ответил Едарат, глядя на меня с недоумением.

— А сегодня ты мог бы их повторить? — спросила я с каким-то страхом.

Вспомню иногда — с ума схожу, как у меня смелости хватило сказать такое!

— Мациса! — глаза Едарата просияли, но, оглядев меня, облаченную в траур, он опустил их вниз.

— Седьмой год ношу я траур... Пусть это тебя не мучает... — выдохнула я.

Через неделю мы с Едаратом поженились.

15

Как счастлив был Едарат! Он весь преобразился, лицо его так и сияло, грусть растаяла. С головой ушел он в работу, но куда ни заносили его дела, не было случая, чтобы к ночи не возвратился домой.

И бедняга отец его тоже подбодрился, окреп немного. Словно к жизни его вернуло то, что в доме появилась хозяйка. Он не жалел для меня ласковых слов, все искал, чем бы мне угодить.

Да и я переменялась. Как-то отдалились мои думы о Бегуа, я окончательно поверила, что все это было и никогда не вернется. А Едарат — настоящее и будущее моей жизни, я надеялась на большое счастье с ним и все глядела на него — наглядеться не могла.

Иногда он замечал, что я грущу, даже плачу потихоньку, вспоминая прошлое.

— Мациса, прошу тебя, не вспоминай о нем при мне! Ведь все-таки... — Едарат не договаривал и уходил, вздыхая.

Я его понимала и старалась скрыть свои переживания. Правда, не всегда успешно.

16

Однажды Едарат пришел домой непривычно возбужденный.

— Что ты скажешь, Мациса, если я пойду на фронт?

Сердце омертвело. Я заплакала, Едарат обнял меня.

— Ну, Мациса! Сама подумай, сколько людей лицом к лицу со смертью, борются, защищают родину, а мы?

— Мы тоже боремся, мы тоже родину защищаем! — ответила я со слезами.

— На нашем месте и ребенок может защищать родину! — жестко сказал Едарат.

А я все плакала, заливалась слезами. Ой, как не хотелось мне опять испытать ужас одиночества, остаться вдовой... Словно предчувствовала я, что ждет меня впереди.

17

Наступал 1944 год. В село вернулся с фронта председатель колхоза, которого заменял Едарат. Он был почти до неузнаваемости изувечен: потерял ногу, имел три тяжелых ранения, минный осколок в голове.

Тут уже Едарат окончательно решил идти на фронт.

— Бери свой колхоз! — заявил он старому председателю. — Возвращаю из рук в руки!

А меня умолял:

— Мациса, милая, не провожай меня со слезами!

Трудно, ох как трудно было мне его отпускать! Ведь ко всему я ждала ребенка.

— Ты не знаешь, в каком я положении, а тут еще и больной старик! — проговорила я сквозь слезы.

Он понял, что я хотела сказать, сперва не поверил, а потом, обрадованный, схватил меня и поднял на руки.

— Ну год, ну пусть больше, но все равно я вернусь, Мациса, вот увидишь! И ты встретишь меня с сыном. Я знаю, что это так и будет, слышишь, Мациса, милая! Я вернусь и всегда буду возле тебя. Я буду жить для тебя одной! Только для тебя!

Чего он мне только ни говорил! Успокоил, приласкал и — отправился в дорогу. Слова его меня немного ободрили. О Бегуа я уже думала как об умершем, а Едарат был для меня живой и настоящей жизнью.

И я ждала его и представляла себе эту встречу, как он сказал, — с сыном.

18

Уход Едарата на фронт доконал его старика-отца. Он стал беспомощней ребенка. Надежда сделала меня сильной, и я успевала везде: и дома, и в колхозе. И работала, и за стариком ухаживала, и с хозяйством управлялась.

На рассвете я уходила на ломку табака, набирала две-три корзины, раскладывала в амбаре, а потом шла на сбор чайного листа. До обеда

собирала чай, затем возвращалась домой, готовила, кормила свекра, стирала, убирала, а уже после этого занималась сушкой табака. Заглянул бы кто-нибудь в наш табачный амбар! Грустная картина. Работают молча, лица скорбные, ни единой улыбки. Иногда кто-нибудь начнет причитать тихим голосом, остальные примолкнут, слушают сочувственно, вздыхают.

Наступила зима. Ночи напролет просиживали мы, женщины, над шитьем рукавиц для воинов, носки вязали, валяли валенки.

На каждой вещи, которая выходила из моих рук, я вышивала свое имя: вдруг да и попадется Едарату! А Едарат писал, что наши гонят гадину-Гитлера назад по той же дорожке, по какой пришел. В конце письма всегда была приписка: «Как мой сын?» Он не мог не шутить, милый, жизнерадостный Едарат!

Я доживала последний месяц, и тут вдруг плохо стало старику.

— Мациса, родная, прошу тебя, не гаси моего очага, не дай опустеть моему дому! — просил он, все больше слабей.

Так он и умер, не сводя с меня глаз, заклиная остаться под его кровом.

19

Подшло время, и я родила — да не одного, а сразу двоих сыновей! Колхозники послали на фронт телеграмму, но — опоздала она. Вернулась вместе с похоронной...

Как и говорил Едарат, война вскоре кончилась. Возвратился бы он, встретила бы я его с сыновьями! Но — не суждено это было нам...

Похоронную мне сначала не показали, только после победы, когда живые стали возвращаться, наш председатель Гудиса позвал меня к себе и, утешая, как мог, отдал письмо.

Если бы сухое дерево могло двигаться по дороге, то это было бы похоже на то, как шла я в свое второе вдовство, — высохшая, страшная, с поднятой головой и красными от слез глазами.

Когда мои дети стали уже что-то соображать, первое, что крепко, на всю жизнь они запомнили, — это траур их матери.

20

Но жизнь не сломала меня. Выростила я детей, не оставила очага, который завещал мне отец Едарата.

Несколько лет я работала звеньевой, обо мне говорили как о лучшей сборщице чая. Приезжали к нам делегации, гости, посещали мой участок, удивлялись, что так быстро чай собираю. Тогда же я была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Награда эта мне очень дорога, хотя, сказать правду, я себя не считаю достойной такой большой награды, даже неловко мне как-то. Но вот перед вручением ордена произошел такой случай. Вызывает меня к себе Гудиса, наш председатель, и говорит:

— Тут письмо одно в правительство пришло. Пишут, что нельзя тебя награждать, так как ты когда-то состояла в браке с этим... Кутарба... Так считает один...

— Ачаабалырхва, да? — сразу догадалась я.

— Не знаю... не могу тебе этого сказать...

Гудиса замылся.

— Если правительство считает мое награждение ошибкой, пусть пересмотрят дело! — сказала я и вышла.

Вот ведь какой подлой змеей притаился мой старый враг, чтобы жалить исподтишка! Но, как говорится, возмездие и под землей найдет того, кто его заслуживает. Я ждала дня, когда все выяснится и правда, которую свели в могилу чьи-то подлые руки, восторжествует.

На этот раз ничего не получилось у моего злобного недруга. Он мешал моему первому счастью, превратил мое девичество во вдовство и все еще не устал делать подлости. Но — не тут-то было! Когда моим товарищам вручали ордена, я тоже получила свою награду.

21

Шло время. И вот выяснилось, что наши враги оклеветали многих по-настоящему преданных партии людей. Стали пересматривать их дела. Тогда и я решила возобновить хлопоты о Бегуа. Пусть человек и не вернулся, двадцать лет — огромный срок! — но имя его должно остаться чистым!

Мать Бегуа не хстела меня подпускать к этому делу, она ненавидела меня вдвое сильнее с тех пор, как я вышла за Едарата. Но я, не обращая внимания на старуху, писала заявление за заявлением.

Дети мои подрастали. Близнецы, одного роста, очень похожие друг на друга, они всегда были послушны, добры, и характером и внешностью живо напоминали мне Едарата.

Отца они обожали, знали его по моим рассказам и считали лучшим из отцов! «Клянись папой!» — это была для них самая сильная клятва.

22

Однажды, когда я ложилась спать, в дверь кто-то постучал. Это, оказалось, соседский парень пришел позвать меня к своей больной матери. Ей внезапно стало плохо, а медпункт находится далеко от нас.

У меня и у самой после всего, что довелось пережить, сердце начало пошаливать. Поэтому и лекарства в доме имелись, и уколы я делала научилась.

Как у кого что случится, бегут ко мне, мол, в «аптеке» Мацисы все есть! И я многих выручала, многим оказывала первую помощь.

Мать этого парня, что пришел ночью, была, как и я, сердечницей. Взяла я все необходимое и пошла к ней. А дети спали. Но вернувшись домой, я застала их горько плачущими. Оказывается, Гудиса проснулся от какого-то шума, увидел настежь открытую дверь, двор, залитый луной, перепугался и разбудил Алхаса. Вместе они обнаружили, что меня нет.

— Мама ушла, бросила нас! — заплакал Алхас. Гудиса не поверил ему, встал и продолжал искать меня, звать, но — ни звука в ответ, кроме трели соловья, щелканья кузнечиков и лошадиного храпа. И он залился слезами, как и брат.

Увидев меня, ребята бросились навстречу, как голуби, прямо прилипли ко мне. «А если б я задержалась дольше, что было бы?» — ужаснулась я. В ту ночь я впервые подумала о том, что случилось бы с детьми, если бы в доме появился чужой им человек.

23

Это был самый счастливый день в моей жизни: я получила известие о невиновности Бегуа! Как только оно оказалось в моих руках, я отправилась в Сухуми: должна же я была сделать то, чего ждала столько лет!

Вот и кабинет Ачаабалырхва. Я открыла дверь и вошла. В кабинете было тесно от людей, собрание шло, что ли.

У окна, положив руки на край огромного письменного стола, как бы на пульт управления всем миром, чинно восседал сам хозяин кабинета. Мое появление прервало его речь.

— Мы заняты, входить нельзя! — сказал он. Не узнал меня сперва, а когда узнал, лицо его стало беспомощным и растерянным.

Я подошла и положила на стол справку.

Ачаабалырхва быстро пробежал ее глазами.

— А-а, это ты, Мациса, вот чудо, не узнал... Поздравляю. Да, да. Бедный Бегуа... — залепетал он, заикаясь.

Сжав зубы, я шагнула вперед и изо всей силы ударила его по лицу.

Все словно окаменели, никто не двинулся с места.

— Это тебе от всех нас, кто пострадал из-за тебя... Ты, конечно, большего заслужил! — я вырвала из рук его справку и повернулась к дверям.

Как быстро все это произошло: вошла, посмотрела, ударила и почти вылетела из кабинета!

И сейчас еще вижу, как он, схватившись за лицо, безмолвно тарашит на меня свои хищные глазки.

Через некоторое время мы узнали, что Ачаабалырхва отдан под суд и по заслугам наказан за то, что оклеветал и уничтожил многих честных, настоящих людей.

Справку о реабилитации Бегуа я отослала его матери. Старость ее теперь стала, как говорят абхазцы, белой — успокоенной, ясной. Бегуа будто заново родился, имя его произносилось с уважением, его правда стала правдой для всех.

24

Как-то кормила я детей после школы. Сама только что вернулась с поля, проголодалась и присела с ними. Мальчики наперебой рассказывали о всяких новостях.

— Мама, знаешь, кто вернулся? Дядя нашего приятеля Хумы.

— Какой дядя?

— Кутарба, Бегуа, говорят, звать. Оказывается, двадцать лет его не было!

Бегуа вернулся!

Молния пронзила меня с головы до ног. Все во мне остановилось, сердце словно выскочило, и я почувствовала, что падаю, падаю в какую-то темную пропасть.

Очнулась я в сельской больнице. Постепенно пришла в себя, успокоилась и уже как бы со стороны стала думать о Бегуа. Не могла не думать о нем, а плакать — не плакала.

Я думала о том, что Бегуа, если он вернулся таким же, каким был до разлуки, обязательно разыщет меня. Знает ли он о моем замужестве? Слышал ли, что я вышла за того самого Едарата, который когда-то помогал нашей с ним любви?

Как он отнесется к этому? Поймет ли, что так сложились обстоятельства, что семь лет я ждала его... Узнает ли, как хлопотала за него, как добивалась его оправдания?

А что, если он действительно придет? Что я скажу ему? Как мне себя вести? Да, как мне себя вести — ведь в конце концов была же я когда-то его женой...

Два дня прошло, три — Бегуа все не приходил. Никто о нем ничего не говорил, а я не спрашивала. Только все думала, думала. Кто знает, сколько я передумала за эти дни! Иногда мне приходило в голову позвать детей и сказать им, что вернулся их отец... Но каждый раз меня останавливало воспоминание о той ночи, когда я оставила их одних.

В больнице я пролежала неделю. Гудиса и Алхас навещали меня по два раза в день, приходили и односельчане. Никто не знал истинной причины моей болезни, и это немного успокаивало меня. Считали, что у меня был сердечный приступ, обычное дело. Про историю с Бегуа, видно, забыли: давно это было, да и деревня Бегуа находилась далеко от нашей.

А меня все изводили воспоминания. Здоровье не улучшалось. Я не понимала, почему Бегуа не приходит. Увидеть его хоть бы один, только один раз! Посмотреть в глаза и ничего больше. Не надо ни встреч, ни свиданий, ни вообще каких-либо отношений. Мне бы только своими глазами увидеть, что он вернулся, а уже как он вернулся, каким — это я пойму сразу.

Я нервничала, вскакивала с постели, медсестра и няня не знали, что со мной делать. Успокаивалась я лишь тогда, когда видела детей. И вот в одну из таких минут, когда я, как в бреду, звала Алхаха и Гудиса, в дверях возникла фигура человека.

Это был Бегуа.

— Большой плохо, к ней нельзя! — запротестовала няня, но все же пропустила его, пораженная тем, что я, как откипевшая вода, сразу утихла: замершая, неподвижная, сидела на постели перед Бегуа.

Даже очень близкому человеку трудно было бы узнать его. Волосы — редкие белые паутинки, их не больше, чем летом снега на макушке горы. Щеки впалые, взгляд тяжелый и горький.

С трудом подбирая слова, Бегуа начал вежливый и отчужденный разговор, справился о здоровье, о делах в колхозе. Я отвечала тоже как чужому, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Но не выдержала этого тона.

— Поздравляю тебя с возвращением! Давно вернулся?

— Нет, недавно, в ту субботу. Сразу хстел навесить, но... А тут приехал и говорят: в больнице...

Значит, помнил, хотел увидеть! Слезы опять закипели в горле — на этот раз слезы радости, — и опять я проглотила их.

Пришла няня и велела Бегуа уходить: срок свидания истек, больной нужен покой.

Бегуа умоляюще посмотрел на нее, но няня покачала головой.

— Ладно, Мациса, до скоро выздоровления, увидимся еще! — сказал Бегуа, кивнул мне и вышел.

Сразу же в палату ворвались Алхас и Гудиса.

— Мама, кто это у тебя был?

— Вы... о ком?

— Да о мужчине, из-за которого нас к тебе не пускали! Мы ведь давно ждем...

Поборов волнение, я ответила мальчикам, что это был тот самый Кутарба, дядя Хумы, о котором они мне недавно рассказывали.

— Ваш отец и он были близкими друзьями, — объяснила я детям.

Алхас удивился:

— Почему же тогда он нас не обнял?

— Да, просто стоял и смотрел на нас, все смотрел и смотрел, добавил Гудиса.

— Ну... не догадался, кто вы. Вот встану — познакомлю, — пообещала я.

26

После прихода Бегуа я стала быстро поправляться и через неделю вышла из больницы.

С ним мы не виделись больше, да я и не стремилась к этому. Слышала, что у него много работы, а еще сказали мне, что семьи у Бегуа нет. От этого известия мне снова как-то тревожно стало, но по-настоящему беспокоило только одно: как бы дети не узнали правды обо мне и Бегуа.

Тех, кто помнил еще эту историю, я попросила молчать. Я своих ребят знала... Помню, как возненавидели они соседа, который пошутил однажды, что, мол, дайте срок, женюсь на вашей маме, уж очень она хороша... А что если сыновья узнают, что я была женой Бегуа, которого представила им как друга их отца!

Но ведь и скрыть такого не скроешь. Сегодня не знают, а завтра, глядишь, кто-нибудь да брякнет...

А тут как будто нарочно у нашего председателя Гудиса открылись старые раны. Врачи уложили его на операцию: извлекать минный осколок.

Гудиса по его просьбе освободили от должности, а на общем колхозном собрании предложили избрать председателем Бегуа Кутарба.

Были еще люди, которые помнили, как помог нам Бегуа в годы организации колхоза. Все как один проголосовали за него, и он стал председателем.

И я была на собрании, я смотрела на Бегуа с огромной радостью: вернулся все-таки в жизнь, не оказался лишним, ненужным, забытым! Все как в дни его молодости... словно и не было этих двадцати лет. Ох, если б не было...

Я радовалась за Бегуа и вместе с тем сердилась на него: зачем он согласился работать в нашем колхозе?

Дети-дети! Прошлого не вернешь, а настоящее — это дети. Мне слышались их встревоженные голоса. Я вспоминала старика — отца Едарата, его последнюю просьбу: не оставляй моего очага. И Едарат, милый, веселый Едарат, не успевший перешагнуть свою молодость, мой бедный Едарат так и стоял перед глазами.

Пошла-таки молва, затрещали длинные языки, разнесли слух, что Бегуа, мол, у нас только ради Мацисы, ради того, чтобы быть рядом с ней...

Я сперва не обращала внимания на разговоры, но постепенно они делали свое: пробуждались угасшие чувства, отступали годы, проведенные без Бегуа, образ Едарата таял, как звезда на рассвете.

27

Бегуа взялся за дело, что называется, засучив рукава. И сразу нашел общий язык с колхозниками. Три-четыре раза в неделю бывал в бригадах, советовался со старшими, младшим сам помогал, учил их и сам у них учился. Повеселел Бегуа, глаза уже не смотрели так печально из-под тяжелых век.

Мы встречались всегда на людях: то в поле, то в школе, где я была председателем родительского комитета. Он никогда не подхо-

дид один — всегда с кем-нибудь из колхозников. Не то чтобы я не хотела его видеть, но и любви такой, как в девичестве, не испытывала.

Перегорело, что ли, это у меня... Но встреч с ним все-таки ждала, хотелось узнать, как прожил он эти годы. Пусть бы поделился со мной, доверил мне свои переживания, может, легче бы ему стало.

Однажды Бегуа пришел ко мне в дом вместе с председателем сельсовета Караманом. Я зарезала курицу, сварила мамалыгу, достала вино, в общем, встретила гостей, как положено.

Бегуа, не спросив меня, подарил детям деньги на учебники и нужные книги.

— До чего же они на отца похожи, прямо вылитый Едарат! — сказал Бегуа, прихлебывая вино.

А потом провозгласил тост за меня:

— Будь здорова, моя спасительница!

Я испуганно посмотрела на детей.

Бегуа заметил это, сразу же поправился, просто пожелал всего хорошего, доброго и осушил стакан.

Вот оно, надвигается... Все равно дети узнают все... Но я молила бога, чтобы это случилось как можно позже: подрастут, повзрослеют, правильное поймут меня. Я очень боялась ранить их сердца, оскорбить память об отце.

28

Бегуа по отношению ко мне вел себя ровно, ничем не выдавая своих чувств. Настолько ровно, что иногда я сомневалась в его любви ко мне.

Что ж, думала я, время есть время, оно все стирает, все раны лечит. К тому же я — хозяйка чужого дома, мать детей другого человека... Конечно, это не могло не повлиять на Бегуа.

Разные люди бывают... Один человек ради приличия или по какой-либо другой причине переборет, заглушит свои чувства. А иной, как бы ни сложились обстоятельства, через все невзгоды пронесет свою любовь — высоко, как знамя.

...Быстро, только пальцы мелькали, собирала я чай. Здесь, на плантации, я могла спокойно предаваться своим размышлениям.

— День добрый! — услышала я. Подняв голову, я увидела, что это Караман и Бегуа приветствуют меня. Ответила на приветствие, остановилась. Бегуа подошел совсем близко и стал перебирать чайные листья в моей корзине. Он был на удивление веселым, каким-то помолодевшим — ни тени пережитого! В глазах — отблеск того свидания двадцатипятилетней давности... И так же, как в тот день, врезаясь в небо, стоял стройный тополь, словно невеста. «Жди меня, Мациса, в твоих руках мое счастье, Мациса!» Годы-годы...

— Бегуа, я на минутку... — крикнул Караман и, перепрыгнув через плетень, скрылся.

— Мациса! — сказал Бегуа тихо. А мне показалось, что гром прогремел надо мной.

Я ничего не ответила и продолжала перебирать чайные листья. Бегуа, положив свою ладонь на мою руку, остановил меня.

— Ты все такая же, Мациса, ничуть не изменилась.

Я высвободила руку и продолжала работать. Он это воспринял как молчаливый упрек.

— Я ни в чем не виню тебя, Мациса, у меня нет таких прав! Ты много пережила, много перенесла из-за меня... Не думай, что я ничего

не знаю, не понимаю... Нет, я все понимаю. С самого нашего знакомства мне столько хотелось сделать для тебя! И если раньше я этого не мог, то теперь — что теперь нам помешает? Ведь нет больше никаких преград, разве не так, Мациса?

Я молчала.

— Ты не согласна со мной, Мациса? — напряженно спросил Бегуа.

— Согласна, Бегуа, — переведя дух, начала я. — Но...

И тут я осторожно перевела разговор, выразила свою радость по поводу его возвращения и сказала, что он должен подумать наконец о своей матери, о своем семейном очаге, а не только о других заботиться...

Он долго обиженно молчал.

— Ты от сердца это говоришь, Мациса? — спросил он упавшим голосом, когда молчание стало уже совсем неловким.

— От сердца ли, не от сердца — дело не в этом. Другого выхода нет, Бегуа... Лучше будет, если ты станешь думать обо мне как об умершей, — сказала я, собрав все свои силы.

— Но я тот же Мациса, такой же, каким был!

— А я вот, видишь, не та... За другого вышла, не дождалась, дети у меня...

— Твои дети мне как родные, Мациса, кровные! Я их очень люблю.

— Не в одних детях дело, Бегуа. Я не могу, чтобы погас родовой очаг бедного Едарата...

Я говорила и глотала слезы, но иначе поступить не могла.

29

Окончился наш разговор. Бегуа, казалось, снова постарел на двадцать пять лет, а пришел такой светлый и помолодевший!

Он ушел — будто через сердце мое переступил.

И начались трудные дни для меня. Дети то и дело рассказывали, что там или тут видели председателя, что он их чем-то угостил, что-то говорил.

— Мама, какой он хороший, добрый! Ну прямо — как наш папа. Правда, папа таким был, да? — частенько слышала я от мальчиков.

Я молчала, ничего не отвечала им.

А они не отставали.

— Мама, правда дядя Бегуа похож на папу?

— Правда, ребятки, правда, — вздыхала я.

А Бегуа с того дня уже больше не искал встреч со мной.

30

Был день Первого мая.

На школьном стадионе устроили праздник: игры, скачки, выступления. Я одела детей понарядней и отправила их на стадион. А сама не пошла, чувствовала я себя неважно, что-то сердце опять пошаливало. К тому же мне не хотелось встречаться с Бегуа.

Весь день я волновалась за Гудиса, который должен был участвовать в скачках.

Только к вечеру, когда оба сына вернулись, я успокоилась. Пришли они веселые, радостные.

Первым подбежал ко мне Алхас.

— Мама, Гудиса получил приз! — заявил он торжественно.

Я, обрадованная, спрашиваю Гудиса:

— Ну-ка, что за приз, показывай!

— Вот, на руке. Наш председатель часы подарил. Бери, говорит, от меня на память за твою победу.

— Покажи, родной! — Я обняла сына и посмотрела на часы. Удивилась, вроде где-то я их уже видела... Но где? Села, задумалась. И вдруг сразу вспомнила ту ночь разлуки, много-много лет назад.

Гудиса поднес часы к уху, чтобы послушать, как они идут.

— Тик-так, тик-так, — работали часы и как бы говорили: сколько лет ни прошло, сколько бед ни прошло, мы все те же, мы все те же...

— О чем задумалась, мама? — спросил Алхас.

— О часах, сынок. Вы не знаете их историю... Берегите эти часы, дети!

— Что за история, мама? И откуда ты ее знаешь?

И я, решившись наконец, рассказала детям все о Бегуа, и как приехал он в наше село, и как в Москве учился, и каким был хорошим, передовым человеком, — все, все рассказала, отбирая лучшее из того, что знала: так яблоки сортируют — одно к одному.

И еще сказала я детям, как любил Бегуа одну девушку и как в ночь свадьбы разлучили их злые люди, как собирался он оставить на память ей свои часы, но не успел — увели его...

— Вот это те самые часы, которые на руке у тебя, Гудиса!

Рассказ взволновал ребят, они прониклись еще большей любовью к Бегуа.

— А где же эта девушка, его жена? Умерла? — спросил Алхас.

— Нет, не умерла. Она долго ждала любимого человека, пыталась помочь ему, но тщетно. Мы с ней были подругами... Семь лет ждала она, ждала, даже получив извещение о его смерти. А потом — что было делать? Вышла замуж за одного парня, который ее очень любил. Жили они хорошо. Но тут грянула война. Парень ушел добровольцем на фронт и не вернулся...

— Смотри, как наш папа! — воскликнул Гудиса.

— А потом что было? — спросил Алхас. — Когда Бегуа вернулся, он не нашел ее?

— Искал, конечно, но — напрасно.

— Почему, мама?

— Почему? А потому что у нее сын. И сын не хочет, чтобы мать снова выходила замуж. Отрекись от тебя! — говорит. Вот и смирилась она, страдает, но молчит, сына жалеет. И Бегуа молчит, как будто ничего и не произошло.

— Вот хорошая мать, так за сына болеет! — сказал Алхас.

— Да, но сын-то дурак! Не захотеть такого человека, как Бегуа, в отцы! — добавил Гудиса.

— Наверное, он не знает Бегуа, — возразил Алхас. — Знал бы, согласился.

— Герои вы! — прервала я ребятшек. — Небось, если бы это с вашей матерью случилось, не так бы вы рассуждали...

Наохлились мои дети, надули губы. Я поняла, что лишнее сказала. Но сказанного не воротишь, как не вернешь пулю, выпущенную из ружья.

В ту ночь я долго не спала и снова думала о том, что не стоит говорить с детьми о таких вещах не только всерьез, но и в шутку.

...Вот эти самые часы и разбились сейчас...

Скажи, пожалуйста, до чего же удивительна природа! То хмуро, то ясно, то валит снег, то дождик моросит, туманно, слякотно — и снова ясный день, ясный, как память у ребенка! Такова уж природа... Но интересно, что пасмурных дней никогда не бывает больше, чем ясных. Кто-нибудь видел снег летом? Мороз? То-то и оно! А вот зимой сколько разливается солнечных лучей над заснеженным полем!

К чему я об этом говорю? А к тому, что нет того снега, что шел всего час назад. Распогодилось. Тучи разбежались. В чистом небе падется луна в окружении весело подмигивающих звезд.

Серебрится в лунных лучах снег.

Тишина.

Ватная, глухонемая.

Но вот ее разрушают какие-то звуки. От калитки во двор зашагали две тени: одна повыше, другая пониже. Хурст, хурст, — хрустят шаги. Идущие направляются к дому, к тому самому, что приютил меня.

Один из идущих, вдруг споткнувшись, падает, тот, что повыше, помогает ему подняться, отряхнуть снег.

И опять — хурст, хурст, хурст, хурст, — прокладывают ноги снежную тропу.

Оба подходят к дому. Один из них стучит в дверь.

— А-а, родной, ты вернулся? — раздается голос женщины. В дверях Мациса.

Мальчик проскальзывает в дом.

— Добрый вечер, Мациса! — звучит мужской голос.

— Это ты, Бегуа? Где вы встретились?

— Шел с собрания, увидел Гудиса, он из кино возвращался с мальчиками. Решил проводить...

— Боже, потревожили мы тебя... Не зайдешь ли?

Бегуа замешкался с ответом. Слова Мацисы были вежливы — и только.

— Нет, поздно уже, пойду... Спокойной ночи!

И он зашагал по тропинке, проложенной несколько минут назад им и Гудиса.

— Спокойной ночи, извини, что побеспокоил тебя сын, спасибо! — крикнула вдогонку Мациса.

Хурст-хурст, хурст-хурст — похрустывают шаги, но теперь медленно, тяжело, неохотно. Еще раз хмуро оглядывается Бегуа на дом Мацисы, но — двери уже закрыты.

...Рассветает. Прояснившееся было небо опять хмурится, опять идет снег — крупные круглые хлопья. Они засыпают и засыпают тропку, проложенную от калитки до дверей дома.

...Рассвело. Взошло яркое солнце, осветило белый двор, ровный и гладкий, как выкошенное поле.

Георгий ДЗУГАЕВ

МОНТЕР

Когда над горами сгущается вечер,
Монтер голубей выпускает на волю.
И голуби, словно горящие свечи,
Село озаряют своей белизною.

Они опускаются к нам на балконы,
Спокойно и важно гуляют по крышам,
Сияют, застыв на карнизах оконных,
Сверкнувши крылом, улетают все выше.

Они наполняют дома наши светом,
Хоть нитку в иглу продевай, если надо.
Завидую я, и признаюсь вам в этом,
Тому, чье горение — людям награда.

Лишь чистое сердце, как факел, пылает.
Такие сердца остывают не скоро.
И мне бы светить так.

Смогу ли?

Не знаю.

Я с завистью доброй гляжу на монтера.

Перевод с осетинского А. Флешкиа

Бухенвальдский колокол

32

В пятидесяти километрах от Дрездена, на обоих берегах небольшой речушки, раскинулся уездный город Бауцен, древнейший и красивейший во всей Саксонии. Его более тысячи лет назад основали саксонские сербы, исповедовавшие православную веру и сохранившие свой город в первоизданном виде до наших дней, несмотря на столько разрушительных войн и бедствий.

Местные сербы, которые ни своим языком, ни национальной культурой не имеют ничего общего с югославскими сербами, несмотря на беспрестанные набеги стремящихся поработить их народов, в течение многих веков сохранили и по сей день хранят свой родной язык, свои духовные и материальные ценности.

Маленькая сербская деревушка Бауцен постепенно росла, набирала силы, потом превратилась в защищенный воздвигнутыми на отвесных скалах крепостями феодальный город. Это было в те времена, когда в далекой отсюда Грузии писались последние строчки «Витязя в тигровой шкуре», когда солнце Среднего и Ближнего Востока — Тамар восседала на троне, а в «Царском шатре» происходили заседания первого грузинского парламента.

Вскоре Бауцен захватил венгерский король Матиас Корвинус и для утверждения своей власти над этим сербским краем построил на правом берегу Шпрее неприступную крепость Ортенбург. Зубчатые башни Ортенбурга и его высокие стены и сейчас придают величественный, старинный вид Бауцену — городу, донесшему до нас в муках и страданиях черты глубокого средневековья. Однако еще большие беды выпали на долю сербской столицы во время Тридцатилетней войны. Все до единого средневековые здания, кроме Ортенбурга, сгорели и превратились в прах. Те, кто уцелели от этой страшной резни, скрывались в горах и только лишь много лет спустя могли вернуться на родные пепелища и построить на месте старого Бауцена новый город, напоминающий его прежний облик.

Большинство населения сербского города Бауцена составляют немцы. Немцы давно, еще до установления фашистского режима, использовали свое численное превосходство и потеснили сербов.

Саксонские сербы не могут похвастаться высокой и древней национальной культурой. Да и что они могли успеть, ввергнутые в нескончаемые войны и вечную нужду. Они были то под властью саксонского курфюрста, то пришедших из-за Карпат чешских феодалов, то

нагрянувшего с берегов Дуная венгерского короля. Каждый новый завоеватель насаждал свое влияние и нещадно преследовал любое проявление национального духа местного населения.

Литература и другие области национальной культуры достигли некоторого расцвета лишь со второй половины XIX века. Было создано несколько журналов, стала выходить на восьми страницах малого формата газета.

До того, как национал-социалисты захватили власть и стали у руля государства, они обещали многострадальным сербам золотые горы — поддержите нас и мы предоставим вам культурную автономию. Но вскоре сербы испытали на себе гнет великодержавного шовинизма. За год до второй мировой войны все сербские журналы и газеты были закрыты. Есть у вас немецкие — читайте их. Та же участь постигла и книжные издательства. Из школ был постепенно изгнан сербский язык, хотя официально его никто не запрещал. Он был выдворен на кухню.

Теперь так же, как и вообще в Германии, здесь основным языком — немецкий. Согласно законам Германской Демократической Республики, родители, по желанию, могут обучать своих детей и сербскому. Сейчас уже существуют школы — начальные и средние, а также одна высшая — где молодежь учится на сербском языке, но и в этих учебных заведениях точные науки преподают на немецком, так как сербский долгие годы не шел в ногу с прогрессом и отстал от современности. В нем отсутствуют полноценные термины, необходимые для изучения точных наук. Преподают на сербском языке только родную литературу, которая, по словам самих сербов, не очень-то сильна, и гуманитарные науки.

У перекинутого через Шпрее широкого моста нас встретили представители Бауцена. Обязанности переводчика и гида взял на себя высокий, чуть сутулый серб по фамилии Лейман, преподаватель русского языка в местном педагогическом институте. Во время второй мировой войны он побывал в плену в России, но и до этого он по книгам изучал русский язык. У него было доброжелательное и несколько взволнованное лицо. Его большие и печальные глаза смотрели на нас доверчиво и почтительно.

Лейман был очень разговорчив. Много сербских легенд и сказаний он знал наизусть, и нет ничего удивительного в том, что ему хотелось как можно больше рассказать иностранцам о своем многострадальном народе, о своем родном крае.

В Бауцене туристы появляются редко, так как город этот не внесен ни в один туристский маршрут. Поэтому местные жители проявляют к иностранным гостям нескрываемое любопытство.

Целых сорок минут мы потратили на то, чтобы пройти мост. Отсюда хорошо были видны красноватая стена взмывающего в поднебесье Ортенбурга и его угловая зубчатая башня, опрокинутое отражение которой тихо колыхалось в зеркальной поверхности Шпрее.

На мосту гулял свежий ветер. Укрывшееся за редкими облаками солнце уже клонилось к закату, и приближение вечера ощущалось пронизывающим до костей холодом. Лейман сунул под мышку пухлый красный портфель, поднял воротник пиджака и стал растирать посиневшие от холода большие руки рабочего. Потом мы узнали, что страдающий тяжелым сердечным недугом Лейман даже в зимнюю пору обходится без пальто — теплое пальто затрудняло дыхание, и он предпочитал ходить налегке.

Беззаветно влюбленный в прошлое и настоящее своего народа, сербский учитель напоминал мне тех грузинских журналистов XIX ве-

ка, которые дни и ночи проводили в редакциях «Иверии», «Квали» и «Дрозба», отдавая все свои душевные силы, здоровье и саму жизнь борьбе за счастье родного народа.

Вичаз Лейман — наш радушный хозяин и проводник—привел нас к старинной церкви. Сторож с трудом отворил тяжелую дубовую дверь и придерживал ее, пока мы не вошли внутрь.

В церкви нам прежде всего бросилась в глаза ее не похожая на католические храмы суровая простота. Белые голые стены, ряды простых деревянных скамей производили впечатление крайней бедности. Главный зал церкви был разделен на две половины барьером.

— Передняя часть принадлежит католикам, задняя — протестантам, — объяснил Вичаз Лейман и, только сейчас вспомнив о своем тяжелом портфеле, который все время держал под мышкой, положил его на барьер — мол, хоть на минуту, пока мы здесь стоим, отдохну.

Церковный сторож, коренастый, плотный немец, дружелюбно поглядел на Леймана и с улыбкой сказал, что эта церковь пример существования вероисповеданий.

Оказывается, когда католикам не хватает мест, они занимают и скамьи протестантов, хотя единственная дверца разделяющего зал барьера всегда на замке.

Сторож говорил по-русски с жестким немецким акцентом. Во время первой мировой войны он попал в плен к русским и три года жил в Петрограде. Васильевский остров! Васильевский остров! — повторял он со странным оживлением. Он провел нас по церкви и не успокоился, пока не удовлетворил свою гордость — показал нам все.

Лейман восторгался патриотизмом старика, но как только замечал, что церковному сторожу приходится туго, сразу же приходил к нему на помощь. Он переводил на невероятной скорости, забрасывая нас словами.

Холод напомнил о себе, как только мы вышли на улицу. Ледяной ветер уже разгулялся вовсю, и на узких тротуарах теперь лишь изредка встречались съездившиеся прохожие.

Посиневший от холода Лейман оставил свой красный, туго набитый книгами и рукописями портфель в гардеробной ресторана и по белой мраморной лестнице повел нас наверх.

В банкетном зале нас ожидал накрытый стол.

Здесь уже собрались представители городской интеллигенции. Были здесь и два московских студента. Они, оказывается, проходили производственную практику на Бауценском вагоностроительном заводе. Пожаловал и бургомистр с супругой, они заняли специально отведенные места.

С некоторым опозданием вошла в зал фрау — очень юная на вид, хотя, как мы узнали позже, ей было уже за тридцать, вошла — и сразу дохнуло жизнью и радостью. Она была худощавая, стройная, тонкие черты придавали нежность ее смуглому лицу. Эта изящная женщина села напротив нас. Держалась она непринужденно, но в то же время с достоинством и, смеясь всем ртом, поздоровалась с нами так, словно мы были знакомы по меньшей мере лет десять. Смеясь, она почти до десен обнажала мелкие, плотно посаженные зубы, однако такая манера смеяться не портила ее лица. В ее лучистых глазах угадывалась какая-то затаенная страсть, от глаз и уголков ее тонких губ разбегались едва обозначенные морщинки.

С этой женщиной пришел и ее пожилой отец, кажется, служащий железной дороги. У него было привлекательное лицо, коротко подстриженные седые усы, одет он был так, как одевались русские интеллигенты в начале века, до первой русской революции. Вместо галстука он носил черный бантик «бабочку». Не зная языка гостей, он весь вечер смущенно, даже несколько виновато улыбался.

Зато дочь удивляла своим чистым русским языком. Она так же свободно и непринужденно могла говорить и на других славянских языках. Одно время она работала в Бюро путешествий и по долгу службы изучила болгарский, польский, словацкий языки.

Накануне она приехала из Берлина навестить отца и, не желая омрачать его радость, потащила с собой на банкет.

По нежным и дружелюбным взглядам, которыми обменивались отец и дочь, можно было сразу понять, как трудно им дается разлука и как радуются они любой возможности быть вместе.

Фрау вдруг повернулась к нам, прищунив глаза, и с озорством шаловливой семиклассницы, любящей посплетничать, спросила:

— Как вам понравился шофер? Хорошо он водит машину?

Я невольно оглядел присутствующих и увидел в дальнем конце зала массивный в складках затылок Хорста — великан занимал за столом столько места, что его хватило бы на троих. Он сидел к нам спиной. Перед ним стояли бутылки с сельтерской, и он вместо вина поглощал шипучую воду.

Что я мог ответить молодой женщине? На протяжении всего пути Хорст, как говорится, из кожи лез, чтобы доставить нам удовольствие. Об этом мы ей и сказали. Я и представить себе не мог, что обычное доброе слово о шофере так обрадует эту прекрасную фрау. Глаза у нее заблестели, и она, словно шестнадцатилетняя девчонка, зашлась смехом, почему-то прикрывая рот платком. Она нашла взглядом Хорста, он мгновенно почувствовал это, повернулся, и женщина помахала ему рукой, мол, бери стул и подсаживайся к нам.

Хорст суетливо стал перетаскивать свои бутылки, тарелки, ножи и вилки, стул и, в два рейса справившись с этой задачей, вклинился между отцом и дочерью.

Лучистые глаза фрау были устремлены теперь только на простодушного великана Хорста и она, улыбаясь, вся внимание, слушала его. Неожиданно женщина вспомнила, что они тут с Хорстом не одни, она обернулась к нам и, скрывая волнение, быстро проговорила по-русски:

— Недавно наша общая знакомая вышла замуж. Хорст рассказывает подробности, — и тут же, вновь кокетливо улыбаясь, повернула к Хорсту свое порозовевшее от волнения лицо.

Старый интеллигент дружески подмигнул и впервые за весь вечер произнес шепотом два русских слова:

— Старая любовь.

Изрядно нагрузившийся за это время Васек запустил было свой стрекочущий киноаппарат, но вдруг загудел густым басом «Эй, ухнем». Мы подтянули, а за нами последовали и сербы, и немцы. Получилось здорово. Нас было около пятидесяти человек в этом ресторанном зале с высокими колоннами и замечательной акустикой, и старая русская песня зазвучала здесь, словно под сводами храма.

В зал вошел кельнер и внес завернутую в накрахмаленную салфетку черную бутылку с длинным горлышком. Кельнер нес эту бутылку так бережно и сидящие за столом так торжественно встретили ее появление, что и я проникся нетерпением. Что это нам предстоит отве-
дать?

— Цинандали! — воскликнула моя подруга, когда янтарное вино заискрилось в хрустальном бокале.

Вращенное благодатной кахетинской землей, напоенное кахетинским жарким солнцем, вино принесло с собой и родную мелодию — в зале уже пели «Сулико». Особое старание проявляли моя молодая соседка и Вичаз Лейман. Лишь один Хорст молча и угрюмо пил свою сельтерскую. Лейман пел словно в церковной капелле, увлеченно, громко, у него был приятный, мужественный баритон. Хотя он и не был певцом, но как-то всем сердцем ощущая смысл этой песни, предавался мечте.

34

Ранним утром в Дрездене как-то по-особому воспринимаются краски поздней осени. Днем здесь туман. Сквозь него с трудом пробиваются лучи солнца. Брусчатка мостовой, тротуары и дворы усыпаны желтыми листьями. Листья и сейчас опадают. В утренней тишине отчетливо слышно, как отрываются желтые листья от веток и падают на покрытую инеем землю. Иней лежит и на листьях. Это предвестие зимы, хотя и не так еще холодно. Скоро, вероятно, пойдет снег, и эти обнаженные деревья укутаются в снежные шубы.

Красный автобус робко тронулся с места, под колесами зашуршали посеребренные инеем листья. Позади остались развалины дворца, но скелет его сожженного купола еще долго был виден нам, пока машина не вышла на автостраду и не набрала скорость. Перед нами вновь простерлись зеленые поля сахарной свеклы. Стали встречаться утопающие в садах деревни и выросшие после войны поселки.

Вдоль автострады, как и на железной дороге, построены небольшие станции. Подъезжая к ним, встречаешь указатели: «Tank 1 000 m» или «Mitrora 50 m». Первый сообщает о заправочной колонке и пункте техпомощи, второй — приглашает в дорожный ресторан.

Мы тоже воспользовались услугами одной из таких станций. Только когда под твоими ногами твердая земля и некоторое время ты стоишь на месте, начинаешь чувствовать, как беспрерывно, до головокружения, движется автострада. Черные, желтые, шоколадные легковые машины разных марок и размеров, пустые и переполненные автобусы и двухэтажные омнибусы с нескончаемым ревом и гулом мчатся из одного края страны в другой.

Неподалеку, через дорогу, виделся еще один «танк», рядом с ним «митропа». Они предназначались для встречного потока машин.

На смену низинным рошам пришел кустарник на склонах холмов. Он понемногу становился все гуще, все курчавей и вскоре перешел в бескрайний молодой лес.

Лес был ухоженный и здоровый. Нигде тут не увидишь ни одного упавшего дерева, ни одного тронутого гнилью ствола. Казалось, что возникший сам по себе лес выращен человеком, что дуб и сосна, бук и каштан взлелеяны и подстрижены заботливой рукой человека. Кто знает, может, их и стригут?

По дороге время от времени встречались непривычные для нашего глаза странные знаки. На круглых жестяных пластинках, на каких обычно рисуют общепринятые дорожные знаки, были изображены то косуля с вытянутой шеей, то круторогие олени. Приближаясь к таким знакам, Хорст сбрасывал газ и, стиснув губами сигару, напряженно вглядывался в дорогу. Нетрудно было догадаться, о чем предупреждают эти странные на первый взгляд знаки.

Этот заповедный лес полон косулями и оленями, охота на них за-

прешена во все времена года всем без исключения. Стада оленей, косясь, переходя с одного конца пастбища на другой, постоянно пересекают автостраду в одних и тех же местах. Чтобы исключить несчастные случаи, на каждом «переходе» стоят предупредительные знаки.

Будто в подтверждение этого, в молодом сосняке мелькнуло какое-то серое животное. Оно вышло к дороге. Услышав рев мотора, оно отпрянуло назад и на какой-то миг, словно окаменев, застыло на одном месте. Именно таким мгновением, когда животное сразу каменеет от испуга, и пользуются охотники.

Это был отбившийся от стада маленький олененок. Испуганный ревом машины, он вместо того, чтобы скрыться в лесу и там найти своих, все еще пытался пересечь автостраду. Наконец он пришел в себя и инстинкт бросил его в лесную чащу...

В половине первого в дорогу нашу влилась идущая от Магдебурга автострада, и поток машин стал еще более бурным. Сейчас уже чаще обгоняли наш автобус или, наоборот, уступали нам дорогу легковые и грузовые машины разных иностранных марок.

Идущая от Магдебурга в Берлин автострада — международная магистраль. По этой дороге иностранные машины идут в Западный Берлин, хотя автострада принадлежит Демократической Германии и проложена на ее земле. По международному соглашению иностранные машины, кому бы они ни принадлежали, никто не может остановить, однако с автострады ни один иностранец не имеет право свернуть в сторону. На самой автостраде действуют международные законы, а вне ее пределов — законы Германской Демократической Республики.

Прошел еще один час, и наш автобус замедлил ход. Мы отчетливо видели большие готические буквы на дорожном щите — Берлин вправо. До него осталось тридцать четыре километра.

За шлагбаумом лежит прямая дорога в Западный Берлин.

Мы направлялись совсем в другую сторону. Автобус Хорста должен был обогнуть обнесенный с юга колючей проволокой Западный Берлин и выйти к Потсдаму.

35

Вблизи Берлина, в излучине реки Ховел, там, где некогда был небольшой поселок славянских рыбаков, примерно восемьсот лет тому назад возник город Потсдам, ставший впоследствии гнездом прусского милитаризма.

Сначала прусские кайзеры, а затем императоры всей Германии сделали Потсдам своей летней резиденцией, построили здесь прекрасные дворцы и замки, окружив их тенистыми парками.

Самый замечательный из дворцов Потсдама — Сан Суси с его парком — создан во времена заносчивого прусского кайзера Фридриха II, именуемого Фридрихом Великим. Когда сытый по горло почестями и безудержной хвалой кайзер приступил к строительству летней резиденции, на том месте, где сейчас находится «историческая мельница», действительно стояла мельница. Строителям дворца мельница со своими пристройками явно мешала, она тут была не на месте, и если бы ее решили сохранить, она бы обезобразила созданный совершенно в ином стиле и масштабах архитектурный ансамбль.

Кайзер сначала приказал снести мельницу, но, натолкнувшись на неожиданное сопротивление ее владельца, подослал к нему людей с предложением перенести мельницу на другое место. Более того, кайзер брал на себя все расходы, связанные с переносом мельницы. Мельник отверг и это предложение. Тогда потерявший терпение кайзер прибег к силе — послал вооруженных людей с требованием разрушить мельницу.

Обиженный крестьянин пожаловался в суд. Надутый, как индюк, Фридрих Великий был вызван на судебное заседание. Запутанное это дело завершилось тем, что неподкупный суд признал права простого крестьянина и оставил с пустыми руками всемогущего кайзера.

Был построен блестящий Сан Суси, были выстроены вблизи от него и другие прекрасные здания, а мельница, которую впоследствии народ назвал исторической, все стояла и стояла на своем прежнем месте у бронзовых ворот летней резиденции короля.

Сентиментальная повесть об «исторической мельнице» не принадлежит народной молве. Об этом событии, как о подлинном происшествии, не раз писали еще в конце XVIII века. Некоторые даже говорили и писали, что легенда о мельнице придумана и разыграна самим Фридрихом.

Гордый и тщеславный кайзер на протяжении всей своей жизни сам способствовал распространению этой легенды, чтобы показать недовольным подданным свою любовь к ближнему и свое разумное подчинение демосу.

Для своего времени Фридрих был трезво мыслящим человеком, он даже баловался писательством. Больше всех других писателей он ценил Вольтера и Руссо. В библиотеке Сан Суси хранятся сотни уникальных книг, приобретенных Фридрихом, и среди них книги Вольтера и Руссо.

Во времена Фридриха на русском троне сидела императрица Екатерина. То ли по душевному влечению, то ли из других соображений Екатерина дружила с великими людьми своего времени и покровительствовала им. Конечно, иностранцам...

Властелин Пруссии пошел дальше славлюбивой императрицы — он пригласил в Германию друга Екатерины, великого Вольтера.

В Сан Суси бережно сохраняют комнату в правом крыле дворца, в которой несколько месяцев жил и работал Франсуа Мари Аруэ Вольтер.

Кайзер и писатель редко встречались друг с другом. Хозяин чувствовал себя безмерно счастливым от того, что ему первому читал автор страницы рукописи, на которых еще не просохли чернила. Но король остается королем, и тем более, если он такой, как Фридрих. В один прекрасный день он хватил через край. Фридрих начал с мелких замечаний и, сбитый с толку вежливостью гостя, попытался даже редактировать и переделывать его произведения на свой лад. И тут Вольтер возмутился. Он резко отчитал кайзера и переехал в скромный городской дом. Вскоре Вольтер и вовсе покинул Пруссию.

Но ради правды следует сказать, что и после этого случая назойливый кайзер продолжал преклоняться перед Вольтером.

Как только они расстались, Вольтер в глазах Фридриха потерял все присущие простому смертному черты и вновь превратился в недосягаемое божество.

Для осмотра Сан Суси иностранцев обычно ведут со стороны «исторической мельницы». И мы поступили точно так же — подошли ко дворцу Фридриха с заднего двора. Если идешь этим путем, то прежде, чем минуешь бронзовые ворота Сан Суси, надо подняться на холм, украшенный зеленым газоном и цветником.

Отворяется застекленная дверь, и посетитель попадает в удлиненный зал. Здесь надо снять верхнюю одежду и натянуть на свою обувь специальные войлочные тапочки. Они довольно тяжелые, еле ноги волочишь. Однако ты вскоре к этому привыкаешь и незаметно для себя начинаешь легко скользить по натертому до блеска паркету.

Из гардеробной дверь ведет в такой же удлиненный коридор. Одна

стена коридора глухая, на ней развешаны картины, а через широкие окна другой стены сюда льется дневной свет. Первая картинная галерея, пока в Потсдаме не построили специальный выставочный павильон, открылась в залах Сан Суси. В коридоре выставлены главным образом портреты любимых собак короля. Здесь скульптурные и живописные портреты самого кайзера и его приближенных.

Один из самых могущественных монархов Запада безумно любил собак. Даже от своих солдат он требовал любви к собакам. Фридрих держал во дворце собак всех пород и мастей. Четвероногие друзья короля развлекали его в минуты печали. Самой главной заботой Фридриха был уход за собаками и увековечение их памяти.

Царь Картли и Кахетии Ираклий, любовно прозванный народом Патара Кахи, то есть маленьким кахетинцем, именно в это время воевал с чар-белаканскими лезгинами, которые своими набегами терзали страну. В бесконечном походе он ни днем ни ночью не сходил с коня, даже спал в седле, и лишь во сне видел отчий кров и чувствовал ласку брошенных без призора в Телави жены и детей...

Из коридора мы вошли в дворцовую библиотеку. Городской историк — сухощавый голубоглазый молодой человек — незаметно для нас прикрыл дверь и с улыбкой сказал: «А ну, попробуйте кто-нибудь найти сейчас дверь и выйти в коридор». Стены этого почти овального зала были снизу доверху закрыты полками из красного дерева тонкой, изящной работы замечательных мастеров. Полки были уставлены тяжелыми книгами в кожаных переплетах с золотым обрезом.

Наши поиски оказались напрасными — плотно пригнанную к стене дверь никто из нас так и не мог найти, и, наверное, мы бы еще долго шарили руками по стенам в поисках ее, если бы сам хозяин не отворил дверь. Затем он открыл нам ее секрет.

В собранной кайзером библиотеке только французские книги, так как Фридрих читал лишь французских авторов. Ни один другой язык, в том числе немецкий, Фридрих не считал языком и даже бахвалился — на немецком языке я разговариваю только со своими собаками.

Вообще это не было большим оскорблением и унижением немецкого языка, ведь Фридрих, этот новый Калигула, безмерно и болезненно любил собак.

В библиотеке на письменном столе лежит черновой проект Сан Суси и шеститеррасного парка. Он выполнен неопытной рукой самого Фридриха. Неумелыми каракулями король попытался хотя бы как-нибудь дать понять архитекторам, каким он желает видеть дворец.

Дворец строился на правом берегу реки Ховел, на макушке лесистого холма, которую тщательно выровняли. Отсюда открывается красивейший вид на весь Потсдам.

Строительство этого дворца было одной из странных причуд Фридриха. Он словно чуму ненавидел женщин и даже к супруге своей, прусской королеве, относился враждебно. Фридрих всячески старался держаться от нее подальше.

Венценосные супруги встречались лишь два-три раза в году, и каждая встреча короля и королевы превращалась в акт государственного значения.

«Человек живет счастливо и беззаботно только, если он избавлен от женского общества. Начало начал всех зол на свете — женщина», — глубокомысленно изрекал Фридрих Великий.

Вот с этой-то целью он и затеял постройку Сан Суси.

«Sans Souci» — французское выражение и в переводе означает: беззаботная жизнь.

В новый дворец кайзера представительницы женского пола той не ступили. Такова была воля государя. Всякую женскую и мужскую работу здесь исполняли только мужчины, мужчины и только мужчины.

Для встречи с супругой Фридрих два или три раза в году покидал Сан Суси и устраивал аудиенцию в заранее условленном месте.

Обожающий собак кайзер скончался в том же Сан Суси. Во дворце вам покажут зал, в котором мирно и беззаботно сидящий в кресле король отдал богу свою грешную душу. Весь королевский двор облегченно вздохнул. Этого странного человека, оказывается, все люто не навидели.

Племянник Фридриха, который после его смерти сел на прусский трон, не исполнил предсмертную просьбу своего дяди. Еще не остыло тело Фридриха, а наследник престола уже позвал мастеров и велел, не мешкая ни минуты, изменить облик зала, который покойный кайзер любил больше всех других залов дворца.

36

Сам дворец одноэтажный, но по высоте он не уступает башне обычной кирхи. Залам дворца были присвоены наименования в зависимости от того, для какой цели они предназначались. Посетителя переносит в страну грез романтическая стенная роспись в «музыкальной комнате». «Зал кайзера» же, наоборот, проникнут идеей государственной власти и божественного предназначения королевского трона. В этом огромном величественном зале проходили все торжественные церемонии. Здесь прусский кайзер принимал послов иностранных государств и прибывших с официальными визитами соседних государей... Последним показывают кабинет Вольтера. Все четыре стены, карниз и потолок отделаны разноцветным деревом. Волшебник резчик разбудил дремлющую природу дерева и в каждое изображение, будь то ранний полевой цветок или тяжелый зрелый плод, вдохнул живую душу.

Но все величие Сан Суси полностью не почувствуешь, пока не помотришь на фасад этого сказочного дворца с лестницы Вайнберга.

Фасад дворца, который смотрит на раскинувшийся в низине английский парк и в центре увенчан несколько выступающим овальным куполом, населен скульптурными человеческими фигурами в стиле рококо.

Так как в парке буйно разросся виноградник, здесь повсюду господствует культ лозы и вина, даже в самих архитектурных линиях.

Вросшие в белые стены фасада, возлежащие над широкими окнами тридцать семь обнаженных фигур — пьяные нимфы. Бахус напоил их до одури, а сам где-то спрятался.

Перед дворцом, слева от него, невольно привлекает внимание вплетенный в гранитные перила мраморный полукруг, под которым вкопаны в землю камни с золочеными надписями. Это могилы. Но чьи? Скульптурные фигуры знаменитых исторических личностей, пьедесталом для которых служит этот мраморный полукруг, еще больше подогревают твоё любопытство. Это римские консулы и императоры от Юлия Цезаря до Нерона.

Под могильными плитами здесь покоятся любимые собаки Фридриха Великого. Здесь же оставлено одно место для последнего покойника — это место кайзер приберег для себя. Так он, оказывается, просил перед смертью: положите меня рядом с моими несчастными собаками,

и тогда могильный камень не будет таким тяжелым для меня. Но племянник, которому осточертели сумасбродства дядюшки, не выполнил и этой его предсмертной просьбы. Более того, по распоряжению нового прусского кайзера останки Фридриха были захоронены в одной из второстепенных церквей Потсдама. При жизни Фридрих Великий презирал эту кирху, а ее священников видеть не мог. Можно себе представить, с каким удовольствием они отпевали покойного короля и как при этом радовались их сердца.

Племянник отомстил — он сделал все для того, чтобы его дядя помучался на том свете, чтобы кости его и в могиле не имели покоя.

От центральной арки дворца к реке спускается широкая гранитная лестница. Она заканчивается круглой площадкой, обрамленной античными скульптурами. На площадке бассейн из белого мрамора, в нем плавают избалованные хозяевами и гостями лебеди.

Когда смотришь с этой площадки на дворец, то видишь, что лестница кверху постепенно сужается и принимает конусообразную форму. Раскинувшийся по обе стороны сад Вайнберг — разделен на террасы. Смотрящий сверху не сразу догадается, что перед ним прекрасно ухоженный виноградник. Секрет этот раскрывается только тогда, когда ты спустишься на несколько ступеней и оглянешься назад. В вертикальные стены каждой террасы встроены застекленные теплицы. За стеклом видны прижатые к камню виноградные лозы и желтые листья.

Французский парк Вайнберг с бассейном на площадке примыкает к фасаду дворца. К западу от бассейна, в десяти-пятнадцати шагах от него находится каменный мост, под ним течет один из рукавов реки Ховел. Сама река и ее противоположный берег названы английским парком. В ту эпоху, когда создавался этот парк, всеобщим увлечением людей был призыв Руссо: «Назад, к природе!» И действительно, в английском парке все выглядит так, словно создано самой природой. Река, а не бассейн с фонтаном, кустарник, а не подстриженные декоративные растения, зеленая поляна, а не вытканый разноцветием газон... С моста виден прячущийся в глубине леса, за деревьями с желтой листвой, маленький домик. В отличие от гетевского Гартенхауза, этот домик желтоватого цвета и построен в восточном стиле. Китайская чайная — так называют этот крохотный домик — была одним из прекраснейших уголков, где отдыхали и весело проводили время знатные гости владельца Сан Суи. Если подынешься на вертолете, то сверху этот домик покажется упавшим с дерева листом клена.

Увлечение всем восточным или псевдовосточным, словно эпидемия, охватило тогда всех европейских монархов. Рядом с арочными воротами, ведущими в резиденцию кайзера, и сегодня стоит высокий, похожий на минарет, обелиск. На обелиске выбиты какие-то линии, похожие на арабские или персидские письмена, на самом же деле там ничего не написано. Мнимая таинственность этих ничего не значащих загогулин нравилась кайзеру. Эта же страсть к экзотической таинственности, может, и заставила восхищенного своим полководческим талантом Фридриха Великого сказать:

«На Западе я, а на Востоке царь Ираклий».

Уединившись в глухом закоулке дремучего леса, вдали от больших и малых дворцов Потсдама, стоит прославившийся после второй мировой войны дворец Цецилиенхоф.

Цецилиенхоф построен сравнительно недавно, его закончили во время первой мировой войны. В окрестностях Вердена шли ожесточенные бои. Каждый день уносил жизни многих тысяч немецких и французских солдат. Именно в это время германский кронпринц, чтобы доставить удовольствие своей молодой жене, начал строить в дремучем потсдамском лесу величественный дворец.

Когдаходишь со стороны леса, Цецилиенхоф кажется простым и скромным. Главное здание дворца во дворе. Спереди его полностью закрывает построенный частично из дерева, частично из камня невзрачный двухэтажный дом — помещение для обслуживающего персонала.

Этот дом — олицетворение мнимой скромности прусского кронпринца — мол, смотрите, как просто и непритязательно я живу.

Только счастливые избранники судьбы могли войти во двор и любоваться сказочной красотой Цецилиенхофа.

После второй мировой войны Цецилиенхофу выпала особо почетная доля. В течение нескольких дней внимание всей планеты было приковано к этому дворцу. В почтовое отделение Потсдама поступали со всех концов земного шара телеграммы-молнии, официальные и частные письма, поздравительные открытки... «Потсдам. Цецилиенхоф. Мирной конференции глав великих держав...»

Здесь решалась судьба избавленной от разрушительной войны планеты, уточнялись границы и экономические и политические отношения между государствами.

Прошло время, немецкий народ объявил Цецилиенхоф национальной достопримечательностью. С этого времени построенный для неги и беззаботной жизни дворец превратился в Музей новейшей истории. Во дворце в неприкосновенности сохранились залы и комнаты, в которых в поте лица трудились делегаты, пресс-бюро и другие вспомогательные органы конференции. Вот зал, в котором каждое утро, ровно в восемь часов, собирались главы великих держав — руководители антигитлеровской коалиции, — и где у карты мира сталкивались их воля и прозорливость.

Словно все это происходило только вчера. Вот какая участь выпала дворцу Цецилиенхоф, построенному для удовольствия молодой супруги кронпринца...

Едва мы выехали за ворота Цецилиенхофа на улицу, как внимание сидевших в автобусе привлек длинный ряд бревенчатых лагун. В этих крытых дранкой деревянных избах с характерной русской резьбой на выкрашенных в зеленый цвет оконных наличниках, оказывается, и по сей день живут русские, белорусы и поляки. Эти славяне укоренились здесь, на берегу реки Ховел, в незапамятные времена — они пришли сюда некогда из далеких степей и лесов, поселились тут и стали добывать себе пропитание охотой и рыбной ловлей. С той поры прошло несколько веков, а старые бревенчатые дома неизменно хранят память о родине этих верных обычаям своих предков славян.

...Над креслом заверещал репродуктор. Я тотчас же поискал глазами уставшего от стольких переездов литовского парня. Автобус плавно остановился у каких-то развалин.

Когда-то здесь стояло величественное здание — кафедральный собор. Сейчас на этом месте лишь жалкие руины. Эти обглоданные огнем стены, эта гора обрушившихся камней удивила нас тем, что на всех домах вокруг почти нельзя было обнаружить следов бомбардировки, взрывов, пожаров, которые бушевали здесь двадцать лет назад. Лишь это единственное так безжалостно изранено и обезглавлено.

Но почему, для чего?

В этом соборе благословили Адольфа Гитлера. Германская национальная церковь провозгласила вождя национал-социалистов ангелом-спасителем родины и тем самым развязала руки этому рвущемуся к власти людоеду.

В Потсдаме — цитадели прусского и германского милитаризма — спокон века преклонялись перед развалинами. Любитель собак Фридрих Великий для собственного удовольствия и потехи сам «строил» развалины. В залах Сан Суси немало полотен, на которых изображены воображаемые развалины Парижа и Рима.

Каждого здравомыслящего человека удивит, наверное, такая безумная страсть к развалинам.

Для этой великолепной, ярко освещенной множеством свечей, пропитанной запахом ладана, наполненной божественными звуками органа церкви однажды настал черный день. После того, как восторжествовали здравый смысл и справедливость, народ пожелал, чтобы эти развалины так и оставались развалинами. Таков был глас народа, и разбитый бомбардировкой собор так и оставили в руинах, дабы он вечно напоминал и предупреждал поколения о разрушительной войне, об этом развороченном змеином гнезде.

Улица тянулась бесконечно. В тумане мерцали ночные огни. Это уже был не Потсдам — местность не была похожа ни на город, ни на деревню.

Мошенную брусчаткой узкую улицу сменила такая же дорога. В рассеянном свете автомобильных фар отливала густой синевой щепка. Вокруг клубился густой туман, и чувствовалось, как он вползает в наш автобус, и напряженно склонившийся над рулем Хорст виделся мне сквозь дымку пронизанного светом тумана. Шофер лишь изредка, попыхивая сигарой, оборачивался к гиду, который сидел у самой кабины, и тогда крупное, с по-детски надутыми щеками лицо Хорста окружал желтоватый ореол подсвеченного изнутри тумана. Хорст смотрел вперед и, кто знает, может, перед его глазами возникала в тумане оставленная в Бауцене очаровательная фрау...

В полутемной машине стояла тишина. Равномерно и надежно рокотал мотор. Еле слышно дребезжали плотно зажатые стекла.

Где-то слева, за стеной тумана, был Западный Берлин. Мы огибали его, чтобы со стороны шонфельдских воздушных ворот въехать в Восточный Берлин.

Впереди замелькали синие огни. Один, другой, третий... Показалась и полоса красных огней. Я лишь чутьем узнал то место, где, словно сто лет назад, мы опустились на немецкую землю и, обескураженные запозданием Герберта Шайбея, блуждали по вестибюлю.

Машина с приглушенным рокотом распарывала уже поредевший туман, мы ехали вдоль кирпичной стены, за которой распростерлось поле шонфельдского аэродрома.

Отсюда я ясно видел, как отрывались от земли уходящие в неразгаданную ночную мглу самолеты. Отрывались и через несколько секунд исчезали с глаз. А вот один вдруг вынырнул из темноты и, скользя, словно пущенный по водной глади камень, коснулся колесами земли. Подрагивая и ревя, он побегал по взлетной дорожке.

Это ночь вернула аэродрому свой долг. Вместо одного проглоченного темнотой лайнера на бетонное поле сел другой, наполненный дремлющими пассажирами воздушный корабль.

На уже знакомой улице нас догнал ярко освещенный электропоезд. Вагоны его, как и в тот раз, были почти пустые. У закрытых окон сидело всего несколько пассажиров. Этот пустой поезд напомнил мне первую встречу с гостеприимным Шайбеом и его печальные извинения, когда на этом самом месте нашу машину остановил ночной патруль.

Тот, кто несет в своем сердце любовь к родной стране, легко может понять горькую печаль каждого честного немца. Его родная столица—Берлин—разделена не только символической, но и вполне реальной стеной из камня и кирпича.

В начале шестидесятых годов возникла неотложная необходимость воздвигнуть эту беспримерную стену. Шпионы и диверсанты западных стран все чаще и чаще проникали в Восточный Берлин. Была создана сеть иностранных разведок. На каждом шагу можно было услышать о диверсиях и политическом шантаже. Самоуправление Западного Берлина выпустило собственные денежные знаки и этим окончательно подорвало экономическое единство города. Деятельность объединенного магистрата Большого Берлина развалилась, и правительство Демократической Германии вынуждено было предпринимать защитные меры. Единственной и самой надежной мерой самозащиты был разрыв всяких отношений с Западным Берлином. Так и поступили.

Тринадцатого августа 1961 года ночью полки вооруженных сил и бригады, созданные из наиболее сознательной части населения, возвели в самом сердце Берлина прочную стену высотой в человеческий рост. Эта стена перерезала столицу от одного края до другого, и когда утром берлинцы проснулись, то увидели: для того, чтобы попасть из одной части города в другую, были оставлены только три пропускных пункта, где стояли облеченные особыми правами пограничные офицеры. Во всех остальных местах, согласно новому распоряжению органов власти, и близко нельзя было подойти к построенной за ночь стене.

Разделяющая два мира стена надвое разорвала огромный европейский город. Даже позвонить по телефону по ту сторону стены стало очень сложным делом.

Той же ночью, еще до рассвета, когда миллионы рабочих и служащих должны были двинуться в трамваях, троллейбусах, автобусах, электропоездах на фабрики и заводы, была перекрыта подземка—движение по линии метро Большого Берлина прекратилось. И только позднее Восточный и Западный Берлин, каждый в отдельности, уже по замкнутым маршрутам возобновили движение подземных поездов. Много станций метро, особенно в центре города, и сейчас бездействуют.

Разделенный ныне искусственно, Берлин в средние века и в самом деле состоял из двух городов—Кельна и Берлина. На лесистых холмах земли Бранденбург, на берегах тридцати больших и малых озер, были построены эти два прусских города. Их разделяла бегущая с гор Верхнего Лаузица река Шпрее.

В XIII веке, когда на азиатском континенте и во многих странах Восточной Европы разбойничали монгольские кочевники, эти города считались пограничными.

Быстрому росту и расцвету Кельна и Берлина способствовало также и выгодное месторасположение этих городов. На том месте, где с середины XIII века возникли Берлин и Кельн, скрещивались торговые пути с берегов Рейна в Польшу, из Нюрнберга и Лейпцига к берегам Балтийского моря. В те времена у Берлина и Кельна было единое управление и, подобно городам-государствам древней Эллады, они са-

ми вершили свою судьбу. В XV веке бранденбургские курфюрсты объявили Берлин своей резиденцией и всю администрацию перенесли сюда.

Привыкшие к свободе берлинские граждане — мелкие торговцы, ремесленники и буржуазия — некоторое время терпели самоуправство курфюрстов, но в конце концов, не выдержав притеснения и ущемления своих прав, ровно за четыреста лет до того, как буржуазная революция 1848 года расшатала троны европейских монархов, — взялись за оружие и вышли на улицы для свержения Гогенцоллернов.

Курфюрст жестоко расправился с повстанцами. Главарей восстания публично казнили, а их семьи были уничтожены в корне. Берлин потерял не только статус независимого города-государства, но даже и право на автономию, и вынужден был подчиниться единовластной воле курфюрста.

Тридцатилетняя война принесла городу новые беды. Скрывающиеся в Бранденбургских лесах горожане очень медленно и неохотно возвращались на родные пепелища. Разве так легко начинать жизнь сызнова?

Именно в ту тяжкую пору в районах Берлина стали селиться беглецы, швейцарцы, голландцы и бежавшие куда глаза глядят из охваченной пожаром гражданской войны родины — французы-гугеноты. Разоренный войной, обнищавший курфюрст вовсе не препятствовал заселению города людьми чужого рода и племени. Город, который война сровняла с землей, надо было снова выстроить, заново надо было возродить забытые ремесла, восстановить пришедшую за столетие в полный упадок торговлю и наладить разоренные отрасли мануфактуры.

Буржуазия жадно устремилась к просвещению. Из недр народа выросли свои снискавшие мировую славу философы, математики, естествоиспытатели, расцвели литература и искусство.

Костер, вспыхнувший на площади Бастилии, осветил всю Вселенную, и ответ его проник в сознание каждого здравомыслящего человека.

Пруссия сдержанно относилась к вечно беспокойной и бунтующей Франции. В самом Берлине даже выстрела не раздалось, но очищенный грозой воздух проник и сюда. Страна стала на путь душевного отрезвления, на путь духовного подъема. Одно за другим открывались в Берлине первые высшие учебные заведения — Строительная академия, хирургический институт, университет...

Берлин облегченно вздохнул. Дело дошло до того, что он потребовал автономию. Испуганный французскими событиями и гильотиной, кайзер счел разумным пойти на уступки демосу — Берлину была обещана автономия, однако выполнение этого обещания кайзер откладывал из года в год.

За это время Франция изменила нравы и повадки. Корсиканский капрал предстал перед миром генералом Бонапартом — вернувшись из похода в Египетскую пустыню, он объявил себя первым консулом Франции.

В такой грозный час истории уже было не до политической роскоши. Над всеми близкими и дальними соседями Франции нависла смертельная опасность...

А Берлин все рос и рос. Переустройство старых кварталов и строительство новых районов города шло, конечно, без всякого плана. Торговые дома, фабрики, мастерские, театры, кафе, мосты и культовые здания каждое частное лицо строило, как ему взбрело в голову.

В Берлин хлынуло несметное множество народа. Рост населения обогнал строительство жилых домов. Появились землянки и трущобы.

В конце первой мировой войны восемь городов, пятьдесят девять сел и двадцать шесть участков местных землевладельцев земли Бранденбурга объединились, их связала единая транспортная сеть, и этот огромный кусок немецкой земли получил название «Большой Берлин».

39

Машина вдруг сбавила скорость и как-то неестественно задрожала. Сидевший до этого неподвижно Хорст резко подался вперед, тревожно вслушиваясь в ритмичный шум мотора, который к тому же стал задыхаться и кашлять. Озадаченный Хорст прижал автобус к краю тротуара и с неожиданной для такого грузного человека легкостью прыгнул на землю.

В автобусе все проснулись. Кто-то спросил: — Где мы? И узнав, что, кажется, забарахлил мотор, так же, как и мы, огорчился. Но больше всех был огорчен Леонас: все шло так хорошо, и вот на тебе—в последнюю минуту такая неприятность... Может пойти насмарку удовольствие от всей поездки. Они ведь—Хорст и Леонас Степанаускас—вместе работают, и кто сосчитал, сколько дней и ночей провели бок о бок... Леонас не терял надежды—Хорст настоящий мастер и, если что-то возможно сделать, он непременно сделает.

Василий не утерпел, он пробрался вперед и, прихватив Леонаса, пошел узнавать, что произошло с мотором. Вскоре они вернулись еще более огорченные. Хорст, оказывается, искал телефон-автомат.

Через полчаса пришел синий автобус. Мы неохотно покинули насиженные места и нехотя перетасили свои вещи. Опечаленный Хорст перед тем, как отправить синий автобус, поднялся к нам и долго прощался, словно навсегда хотел запечатлеть в памяти лицо каждого из нас.

Я вновь вспомнил Бауцен. Вспомнил, как наивно краснел этот дедина после каждого словечка лукаво улыбающейся фрау, как пытался спрятать свои большие руки, как боялся показаться смешным, а это еще больше потешало и без того веселую женщину, глаза которой блеснули от выпитого вина.

«Берлинер Бар», где мы должны были провести ночь, оказался по соседству с Бранденбургскими воротами, перед железнодорожной станцией Фридрихштрассе. Задние окна гостиницы выходили на отливающую свинцом Шпрее. Из окна хорошо были видны перекинутый через реку двухъярусный мост и серое здание театра варьете на той стороне.

Ночь я провел беспокойно. Каждые пять минут земля вздрагивала с приглушенным грохотом, словно вот-вот должно было начаться извержение вулкана. Это мимо гостиницы проносились электропоезда.

Брошенная с того берега в сторону Бранденбургских ворот железная дорога проходит над проспектом и врзается в глубину города. Сам вокзал, который занимает огромное пространство между мостом и Унтер-ден-Линден, высотой с девятиэтажный дом. Он устремлен ввысь. Под его могучими гранитными опорами сверкали световые рекламы и электрогазеты Фридрихштрассе.

Широкие лестницы, ведущие на платформы вокзала, вмонтированы в эти гранитные опоры. Множество пассажиров, выйдя из электропоездов, в мгновение ока спускаются вниз и незаметно вливаются в захлестнувший Фридрихштрассе людской поток. А поезд с грохотом уходит дальше. Вокзал на какой-то миг затихает. Потом вновь из глубины земли доносится знакомый перестук колес и скрежет тормозов.

На Фридрихштрассе головокружительное движение. По проезжей части машины движутся на больших скоростях. Но вот включен красный свет. Автомобили, троллейбусы, omnibusы, автобусы, мотоциклы, велосипеды стоят словно вкопанные. Только слышно, как гудят моторы и воздух густеет от выброшенного выхлопными трубами синего перегара. Люди, стоявшие до этого спокойно на тротуарах, неторопливо переходят улицу.

Пешеходы терпеливо ждут и тогда, когда на магистрали нет ни одной машины — ждут, пока не погаснет красный свет светофора-автомата. Вот красный свет сменяется желтым, желтый зеленым, и привыкшие с малых лет к строгим правилам движения граждане Берлина только после этого пересекают опустевшую улицу.

Узкий переулок выводит тебя на Люстхартен, а отсюда ты попадаешь на остров музеев. Остров обнимают два рукава Шпрее, он соединен с ближайшими улицами каменными мостами.

В конце второй мировой войны мосты эти были разрушены, та же горькая участь постигла и старинные здания музеев. Некоторые здания и до сих пор не восстановлены. Былое свое величие сохранил окруженный белыми ионическими колоннами «Старый музей». Там же — сверкающий белизной фасад «Национальной галереи» и рядом с ним «Боден-музей».

«Новый музей» еще не открыт. Сквозь строительные леса виднеется его закопченная крыша и побитые пулями верхушки колонн.

Гордость и краса страстно влюбленной во все древнее Германии — Пергамский музей — уже четвертый год принимает иностранных гостей. Под высокими сводами его залов человек на какое-то время отключается от повседневной жизни и переносится сердцем и разумом в далекое прошлое человечества. Вокруг тебя говорящий на тысячах языках Вавилон, перед твоими глазами рушится вселяющая страх и ужас врагам Ниневия, охвачена огнем библиотека Ашурбанипала, заливаются мученической кровью простых людей Месопотамия, Нубийская пустыня, куртятся обращенные в золу и пепел академические села...

Из зала античных скульптур попадаешь в широкий коридор — он такой просторный и высокий, что кажется, будто находишься на улице большого современного города. Это действительно улица — «Священная дорога». Эту «Священную дорогу» раскопали в засыпанном много веков назад Вавилоне немецкие археологи, перевезли ее сюда в железнодорожных эшелонах и восстановили в том виде, в каком она некогда, до нашей эры, украшала удивительный город древнего Востока.

Слева и справа, на двух параллельных изумрудных стенах, облицованных желтой и белой глазированной керамикой, гордо шествуют львы.

Дошедшая из глубины веков религиозная легенда повествует, что боги Набу и Мардук входили в Вавилон только по «Священной дороге», и потому эта улица имеет и другое название — «Дорога торжественного шествия богов».

Куда они делись, эти боги, шествующие с неземной легкостью по прекраснейшей улице Вавилона, которая сейчас стала собственностью Берлина. Куда делись те, которые наполняли веселым гомоном излюбленную богами улицу...

На том месте, где тысячи лет назад цвел сад Семирамиды, где пылко любили друг друга прекрасные вавилонские юноши и девушки, в жилах которых текла горячая кровь, сегодня слышится лишь тихий гул древних рек Тигра и Евфрата.

Реки текут и не иссякают. Все это похоже на первые строки грузинской сказки — было и не было...

На том самом месте, где отцвела человеческая любовь, где про-
шли огонь и смерть, — ничего не осталось — ни города, ни даже следов
его, ничего, кроме этой улицы. Да и та где? В далеком холодном Бер-
лине, на другом краю света...

40

Пройдешь под высокой аркой дубового цвета, и перед тобой возни-
кает красота не менее удивительная, чем «Священная дорога» Набу и
Мардука. Воссозданная здесь из деталей, найденных на развалинах
Вавилона, «Иштарская арка» служит как бы преддверием к следующе-
му залу.

Воздвигнутая в честь богини любви и плодородия, «Иштарская ар-
ка», подобно «Священной дороге», облицована цветной керамикой с изо-
бражением горячих жеребцов. Она словно выткана радужными цвета-
ми. Смотришь на все это и невольно в какие-то мгновения тебя словно
обволакивает туман древней мистерии. После этой арки попадаешь в
зал, освещенный невидимыми светильниками... Ты на берегу моря. Лучи
высокого полдневого солнца ослепительно сверкают на золотом
песке... Правее «Иштарской арки», через которую ты сюда вошел, на-
ходится украшающий этот огромный зал дворец, называемый «Милет-
скими воротами». Этот мраморный дворец трехэтажный и, как всякое
произведение великих зодчих древней Эллады, пленяет женственной
нежностью, поэтичностью и благородной простотой. Трудно представить
себе, что в этом дворце некогда жил человек. Дворец словно перенесли
сюда из мира сказок и легенд.

«Милетские ворота» — подлинные. Они в течение двадцати одного
века стояли на доступной всем ветрам пустынной скале и, как присев-
шая на волну белая чайка, радостно любовались родным Эгейским мо-
рем. Потом их разобрали по камню, перенесли сюда и, как узника, за-
ключили в этот огромный зал музея.

Но самое большое удивление посетителя все же вызывает сле-
дующий за этим зал. Он намного больше предыдущего — его площадь
почти равна гектару, а потолок можно увидеть только задрав голову.
Зал похож на освещенную южным солнцем просторную площадь, вы-
ложенную большими мраморными плитами. Иллюзию стоящего в зени-
те солнца создает потолок из матового стекла, через которое льется в
зал ровный и словно незаметный поток света.

В глубине зала стоит один-единственный экспонат — Пергамский
алтарь. Этот алтарь дал название всему музею. Сорок восемь ступеней
этой мраморной лестницы плавно подымаются все вверх и вверх, а там
над двадцатую восьмью ионическими колоннами находится плоская,
чуть покатая крыша. Стоящие на прочных фундаментах боковые фли-
гели симметрично устремлены к центру зала и достигают пятой сту-
пеньки лестницы. На фасадах и боковых стенах каждого флигеля фри-
зы — высеченные на белом мраморе горельефы, которые изображают
символическую битву богов и титанов.

Если подумаешь о том, что Пергамский алтарь создан за полтора
столетия до рождения Христова, то тебя невольно охватывает удивле-
ние, когда, восхищенный общим видом алтаря, ты вглядываешься в го-
рельефы.

Здесь эллинские мифы и каждодневная жизнь, языческая фанта-
стика и неприкрашенная действительность переплетены с удивительным
мастерством. Эти мраморные боги и титаны — земные люди. Земные —
каждый мускул на их телах и лицах, вся осанка, земные — запечатлен-

ная на скулах, губах, лбах, в широко открытых глазах безмерная мука и готовность пожертвовать собой.

Смотришь на все это и вновь вспоминаешь Бухенвальд. Зло и добро схватились не на жизнь, а на смерть. Добру дорого обойдется победа над злом...

И невольно промелькнет в сознании мысль: почему все это здесь, в столице Германии? Какой злоумышленник разобрал этот древнейший, вечно юный шедевр и, погрузив его в железнодорожные вагоны, привез в центр Европы, чтобы здесь, под чужим небом, сложить его из разрозненных частей?

Пергамский алтарь — неповторимый памятник художественного гения человека. Но зачем ему быть здесь, в чужом краю, ведь его не немцы создали. Это можно сказать и об «Иштарской арке», и о «Священной дороге», и о «Милетских воротах», не говоря уже о выставленных в просторном зале второго этажа оригинальных реликвиях мусульманской культуры.

В зале, где ласкает глаз Пергамский алтарь, свободно поместился бы и наш Светицховели.

Любовь к мировой культуре и покровительство ей не смывает с Пергамон-музея клейма великодержавного шовинизма кайзеровской Германии. Ты владыка всех народов. Что тебе понравится, где бы оно ни было, кому бы оно ни принадлежало, бери себе, тащи домой, не спрашивая у хозяина. Раз оно понравилось тебе, значит, оно твое.

Так думали в Германии, так думали еще вчера, когда опьяненные безрассудными притязаниями нацисты разжигали всеуничтожающую войну, и, кто знает, может, где-то думают так и сейчас, несмотря на то, что центр Берлина все еще в руинах, что каждый день множество рабочих копаются в развалинах и тысячи грузовых машин вывозят за город превращенные в прах двадцать лет назад дворцы, фабрики, библиотеки, храмы, музеи, целые кварталы. Под развалинами почти каждый день находят истлевшие в земле кости жертв войны...

А в Пергамон-музее сверкает белизной лик чужой культуры, чужое солнце и чужие берега...

41

Главные улицы города — Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден пересекают друг друга неподалеку от железнодорожной станции. Фридрихштрассе проходит по центру с севера на юг, а Унтер-ден-Линден с востока на запад. Говорят, что на скрещении этих двух магистралей будет построен большой тоннель, тогда Фридрихштрассе пройдет под Унтер-ден-Линден, что разгрузит многолюдный, запруженный машинами перекресток. Если идти по Фридрихштрассе на север, то выйдешь на площадь, окруженную высокими серыми домами. Площадь называется Ораниенбургертор. До середины прошлого столетия здесь проходила таможенная стена, а в ней были ворота — «тор». Высокая кирпичная стена считалась северной границей города. Желавшие пройти в ворота караванщики платили пошлину и только после этого получали право вступить в город.

Вблизи Ораниенбургских ворот в мрачном тупике Шоссе-штрассе находится пантеон немецких ученых, писателей и общественных деятелей. На могильных плитах по слогам читаешь выведенные готическим шрифтом надписи: «Зодчий Иоганн Готфрид Шадов», «Врач Христофор Вильгельм Гуфеланд», «Бертольд Брехт», «Иоганнес Бехер», а вот — знаменитые профессора Берлинского университета, титаны немецкой

философской мысли — Иоганн Готлиб Фихте и Георг Вильгельм Фридрих Гегель...

От Шоссе-штрассе до вокзала Фридрихштрассе минут десять ходьбы. Вернувшись, ты вновь попадаешь на Унтер-ден-Линден, и если отсюда посмотришь направо, то увидишь на фоне синего, кое-где подбеленного перистыми облаками неба Бранденбургские ворота. Эти красивейшие ворота наглухо закрывают часть еще неотстроенной после разрушительных бомбежек древней улицы посольств — Унтер-ден-Линден. За воротами не видно ни одного здания, и пока не подойдешь к ним, кажется, что здесь и кончается город.

У Бранденбургских ворот некогда город действительно кончался. Сюда стекались дороги, идущие из западных провинций Пруссии. Изнуренные дальней дорогой прибывшие из Магдебурга купцы, уплатив пошлину у таможенной будки, входили через эти ворота в Берлин, чтобы продать свои товары.

Бранденбургские ворота только начали возводить, когда соседнюю Францию охватил пожар революции. Строительство ворот ни на минуту не прекращалось. Углубившемуся в философские думы Берлину мало было дела до сумасбродства Парижа. И без того забот было хоть отбавляй. Прошел еще год, и над колоннадой появилась боевая колесница спряженными в нее четверьмя конями. Они скакали в сторону Берлина.

На колеснице стоял крылатый херувим с длинным копьём в руке, подгоняя и без того разгоряченных медных коней.

Наполеон Бонапарт, идя походом на «варварский Восток», велел снять с Бранденбургских ворот изваянную и отлитую руками Иоганна Шадова скульптурную группу и как военный трофей отправить в Париж. Но после падения наполеоновской империи победоносный херувим вернулся в родной Берлин, чтобы украсить ставшие символом столицы Бранденбургские ворота.

За Бранденбургскими воротами, примерно в тридцати шагах от них, проходит та самая стена, которая в одну ночь отделила Западный Берлин от Восточного. Ворота охраняют пограничники. В старой таможенной будке находится пропускной пункт.

Офицер-пограничник с пухлыми и по-девичьи румяными щеками провел нас на второй этаж будки и показал усеянный крохотными электролампочками план Большого Берлина. Политические провокации и диверсии, оказывается, не прекратились и после возведения стены. Шпионы, контрабандисты и спекулянты и сейчас каждую ночь пытаются проникнуть в Восточный Берлин.

У берлинских пограничников немало работы.

Поскольку Западный Берлин окружен территорией Демократической Германии и все идущие к нему дороги проходят по ее земле и воздушному пространству, он со всех сторон обнесен колючей проволокой и пограничными заставами.

Румянощекий офицер поочередно зажигал электролампочки на плане Большого Берлина. При помощи этих маленьких лампочек легко было узнать, где и когда разрешен переход из одной части города в другую и какие для этого требуются документы.

На всех четырех стенах будки висели фотографии в застекленных рамках. Офицер подошел к стене и острым концом указки коснулся стекла одной из фотографий.

...Уткнувшись лицом в мостовую, на улице лежал солдат. Рядом чернел автомат.

С первого взгляда мне показалось, что на фотографии запечатлен один из приемов тактических занятий, однако меня смутил отброшенный

в сторону автомат — солдат никогда не должен разлучаться с боевым оружием, даже во сне...

Леонас перевел слова офицера, и у нас перехватило дыхание. Лежавший на мостовой солдат был одним из тех пограничников, которые, выполняя свой воинский долг, пали жертвой якобы слепой пули. Здесь, у пограничной стены, не так уж редко жужжат подобные слепые пули. Пишутся протесты, ноты, через послов других государств магистрат Демократического Берлина пытается обратить внимание правителей Западного Берлина на это обстоятельство. Однако слепые пули время от времени обрывают жизнь какого-нибудь юноши-пограничника.

Офицер отложил указку и первым пошел вниз по крутой деревянной лестнице. В нижнем этаже будки нас обступили молодые солдаты-пограничники. Они дарили нам на память фотоснимки Бранденбургских ворот. Я вглядывался в их юношески-беззаботные лица и пытался не думать о фотографии распластанного на мостовой пограничника. Вылетевшая из ствола автомата пуля действительно слепа. Ей все равно, в кого попасть...

С близкого расстояния Бранденбургские ворота кажутся еще более огромными, а колоннада на самом деле представляет собой сплошную стену с выпуклыми закруглениями с обеих сторон.

Мчащуюся к Восточному Берлину колесницу с впряженными в нее вздыбленными конями скрывает карниз из нескольких ступеней.

Для немцев и для гостей города этот символ Берлина стал привычным, и потому не сразу замечаешь, что в архитектурном облике Бранденбургских ворот отсутствуют приметы немецкого духа. А это действительно так. Когда строились Бранденбургские ворота, за образец и эталон были взяты афинские Пропилеи, и поэтому их линии похожи более на хранящиеся в Пергамон-музее греческие дворцы, чем на какое-нибудь древнее или новое здание Берлина.

42

Неподалеку от ворот, шагах в десяти от стены, разделяющей город, находится трибуна, обнесенная перилами. Ее построили для того, чтобы можно было осматривать Западный Берлин. На таком же расстоянии от стены, с другой ее стороны, тоже стоит трибуна, с которой западные туристы любят юряться Бранденбургскими воротами и протянутыми через ее колоннаду пепельными линиями Унтер-ден-Линден.

На трибунах всегда полно народу.

За стеной новый, застроенный высокими домами, широкий проспект. У тех домов, что поближе к стене, стоят разных цветов легковые машины, поджидая поднявшихся на трибуну туристов.

Справа виднеются молодые деревья парка, бегущая среди них тропа и поставленный на пьедестал зеленый танк. Широкий ствол танковой пушки нацелен в глубину парка. Проследишь взглядом за направлением орудийного ствола и увидишь развалины огромного здания. Вокруг развалин нет забора, которым обычно прикрывают строительные площадки.

Это то самое здание, которое сгорело двадцать седьмого февраля злопамятного года, то самое здание, с поджога которого и начался прошумевший в том же году на весь мир лейпцигский процесс, — германский рейхстаг.

Так же как и развалины Потсдамского кафедрального собора, развалины рейхстага останутся навсегда развалинами и будут напоминать грядущим поколениям человечества о пережитых страданиях и бедах...

Как только мы возвратились к Бранденбургским воротам, Леонас обратил наше внимание на приземистое старинное здание, стоящее на правой стороне Унтер-ден-Линден. Широкое это здание с круглыми колоннами, которое я вначале почему-то принял за театр, находится примерно в ста—ста пятидесяти шагах от Бранденбургских ворот. Это посольство Советского Союза в Германской Демократической Республике. Невольно возникла мысль: «И так близко от стыка двух миров. Неужели во всем Берлине не нашлось места более тихого и безопасного?»

В то время, когда на месте этого особняка с круглыми колоннами закладывался фундамент русского посольства, Берлин был единой и неразделенной столицей Пруссии. Императрица Екатерина II прислала из Смоленской губернии триста возов русской земли и велела ссыпать здесь, дабы русские дипломаты, обитающие в этом дворце, чувствовали себя на родной почве.

Екатерининский особняк был полностью разрушен во время второй мировой войны. Приехавшие сюда после войны московские архитекторы и строители возвели на традиционном месте новое, однако на этот раз значительно большее по размерам и более красивое здание.

Железные ворота посольства отворились тотчас же, едва была нажата кнопка звонка. Мы вошли в залитый гудроном узкий дворик, где перед парадным входом стояло несколько легковых машин. Светловолосый, приятный на вид молодой человек мгновенно взбежал по лестнице и, отворив одностворчатую дверь левого флигеля особняка, пригласил нас в просторную, освещенную хрустальной люстрой, комнату.

Светловолосый юноша куда-то вышел и вскоре вернулся с тремя молодыми мужчинами, вероятно, сотрудниками посольства. Они обступили нас, как истосковавшиеся родственники, и хотя, наверное, лучше знали, что нового на родине, засыпали нас вопросами. В центре создавшегося круга, как всегда, оказался Василий. Оживленно заговорили московские врачи, и вскоре их примеру последовали соскучившиеся по музыке родного языка дипломаты. Стало так шумно, что, пожалуй, прохожие на улице останавливались и удивленно озирались по сторонам, не веря, что этот шум и смех доносится из посольского особняка.

Минут через пять мы встретились с послом в «Гербовом зале». Это был представительный мужчина лет пятидесяти. Отлично сшитый черный пиджак ладно облегал его крутые плечи. Его свежему, чисто выбритому лицу придавали молодость спокойные голубые глаза и коротко подстриженные русые волосы. На шее виднелась небольшая царапина. Тугой накрахмаленный воротничок заметно натер раздраженную частым бритьем кожу под округлым подбородком. Царапина, должно быть, беспокоила посла, и он то и дело прикладывал к ней краешек носового платка.

Несколько широких и высоких окон «Гербового зала» смотрели на узкий двор посольства, на выкрашенные в черный цвет железные ворота и наполненную непрерывным гулом быстро мчавшихся машин Унтер-ден-Линден. В этом просто убранном зале стояли длинный стол и около сорока стульев. «Гербовый зал» и длинный стол помнят много важных, международного значения встреч и переговоров. Совсем недавно здесь состоялось совещание министров иностранных дел, и за массивным ореховым столом сидели полномочные представители государств.

Посол первым сел за стол и сразу же начал говорить. Здесь он не так уж давно. Да и на дипломатическую работу перешел года два назад.

Раньше он работал в Смоленской области. Посол улыбнулся, обнажив крепкие зубы, и напомнил нам о трехах возах смоленской зем-

ли, что были присланы сюда Екатериной. Так что здесь я чувствую себя на родной почве, — пошутил он.

В дальнейшем в ходе беседы посол еще не раз вспоминал о Смоленщине. Словно нарочно искал он повода, чтобы заговорить о родном своем крае.

Когда разговор коснулся сельского хозяйства обоих Германских государств и снабжения продуктами питания их населения, посол сравнил тамошние показатели с показателями Смоленской области.

Профессор медицины, настолько застенчивая и всегда погруженная в собственные мысли женщина, что мы и голоса ее почти не слышали, извинясь, неожиданно прервала посла. Она долго подбирала нужные слова, чтобы как можно яснее сформулировать свой вопрос. Покраснев, словно провинившаяся школьница, и тут же поймав себя на этом, она застеснялась еще больше. Ей стоило немало труда взять себя в руки, но после этого она уже заговорила более свободно и бойко.

Профессор хотела понять, чем объясняется тот факт, что после войны в самом Берлине и других городах и селах Демократической Германии работает так много иностранных врачей и инженеров. Неужели республике, имеющей столько медицинских и политехнических институтов, не хватает своих национальных кадров, в частности, врачей и инженеров?

Посол слушал профессора, слегка наклонив голову, изредка он поднимал спокойные синие глаза, смотрел куда-то вдаль и снова опускал их.

На некоторое время воцарилась тишина. Даже неугомонный Васек перестал ерзать и, положив на колени свой взведенный киноаппарат, превратился в слух.

Мало кто из присутствовавших в зале знал, что в Германской Демократической Республике врачи, даже только что окончившие курс, получают необычно высокую зарплату. Так же высоко оплачивается труд инженеров строителей.

Власти Западного Берлина, получающие немалую помощь от Бонны и Соединенных Штатов Америки, использовали экономические трудности беспримерно пострадавшей в войне Демократической Германии и резко подняли в западных секторах Берлина зарплату людей тех профессий, в которых испытывают особую нужду, с одной стороны, население, а с другой — государство, несущее огромные расходы на восстановление разрушенных войной городов и сел, — то есть врачам и инженерам.

Германская Демократическая Республика тратила тысячи марок на то, чтобы дать образование и вывести в люди молодых специалистов, а они, получив дипломы, соблазнившись высокой зарплатой, шли искать работу в Западный Берлин. Впрочем, искать работу им там не приходилось. Для переговоров со студентами последних курсов приезжали представители западноберлинских фирм и учреждений и заручались обещанием будущих специалистов.

А человеку, работающему в Западном Берлине, не так уже трудно перебраться и в Бонн.

С моральным фактором считались далеко не все. Конечно, многие просто не понимали, что невероятно раздутая в западном секторе зарплата врачам и инженерам была политическим шантажом, а не продиктованная экономическими законами необходимость.

В конце концов положение до того осложнилось, что правительство Германской Демократической Республики было вынуждено поднять соответственно зарплату врачам и инженерам и обратиться к дружеским

странам Варшавского договора с просьбой, чтобы их граждане временно заняли вакантные места врачей и инженеров.

— Да это же настоящая война, — выпалил Василий.

— Лишь с той разницей, что не льется кровь, — сказал посол. Посмотрев спокойными синими глазами на профессора, он приложил к натертой тугим крахмальным воротником шее краешек платка и незаметно перевел разговор на сугубо медицинскую тему.

Посол, вероятно, знал, что профессор вчера побывала в «Шарите», и поинтересовался, с какими впечатлениями она возвращается на родину.

Профессор подробно и серьезно начала делиться своими впечатлениями. Словно на научной конференции, она подыскивала точные формулировки для изложения своих мыслей и потому иногда в затруднении топталась на месте. Из неловкого положения ее опять-таки вывел посол — он тактично воспользовался паузой в рассказе профессора, мол, ее соображения весьма ценны и он будет рад вновь встретиться с ней вечером. Наедине мы поговорим более подробно и свободно.

Профессор — женщина, преисполненная чувства собственного достоинства, поблагодарила посла за любезное приглашение, но остановиться так сразу не могла, как не может сразу остановиться у закрытого семафора идущий на большой скорости железнодорожный состав.

Аудиенция, видимо, была окончена. В зал вошел знакомый уже нам светловолосый юноша, бесшумным шагом приблизился к послу и, наклонившись, что-то шепнул ему на ухо. Мы поднялись.

— Из Москвы получена новая кинокартина, — сказал посол и тоже встал. — «Галина Уланова». Если у вас найдется время — прошу к семи часам. Вместе посмотрим. Говорят — интересная картина. А сейчас разрешите быть вашим гидом и показать эту нашу маленькую избушку.

Мы прошли в соседний «Арочный зал». Здесь устраиваются банкеты и приемы. Встречая и провожая гостей, посол стоит у двери. Каждому гостю в течение вечера он должен дважды пожать руку. Посол шутил добавил, что на ладони правой руки у него истончилась кожа, и распахнул обе двери в следующий зал.

Эту третью сравнительно небольшую комнату называют «Охотничьим залом».

Названия залам даны случайно. В «Охотничьем зале», например, висит известная картина Перова, и именно потому зал получил название охотничьего.

Своему названию, пожалуй, больше всех остальных соответствует зал для приемов — он действительно арочный и от других залов отличается блеском и роскошью, характерной для эпохи Екатерины II.

Затем мы прошли слабо освещенную лестничную площадку и попали в конференц-зал, где установлен проекционный киноаппарат и время от времени показываются фильмы.

Конференц-зал просторен, в нем может разместиться человек шестьсот-семьсот. Вероятно, здесь в какие-то дни собирается общественность города, и тогда лишь этот огромный зал заполняется гостями.

После обеда Леонас Степанаускас принес билеты в театр варьете, и мы, к сожалению, не смогли вновь воспользоваться гостеприимством посла. К вечеру сильно похолодало, задул студеной ветер, поднимая на улице пыль. Театр варьете был недалеко, за Шпрее, и хотя колющий ветер насквозь продувал улицы, мы все же решили пройти пешком.

В театр не могла пойти только профессор. За ней прислали машину, и, празднично разодевшись, она поехала в посольство.

На мосту ветер был еще более свирепым. Он пытался сорвать с людей одежду, вздувал юбки, и женщины, прикрывая одной рукой рот, а другой придерживая подолы платьев, постукивали тонкими каблучками-гвоздниками, бежали по мосту на другой берег.

Хотя было только семь часов, уже стемнело. Закопченное дымом заводских труб небо казалось удивительно низким, таким оно бывает только в северных городах — небо почти лежало на крышах пепельно-серых домов.

Ветер хлестал нам в лицо взвихренной пылью и бумажным мусором, но как только мы пробежали мост и вошли в тихую улицу, прилегающую к боковой стене театра варьете, он, наконец, отстал от нас.

43

Накануне отъезда мы с утра гуляли по городу. Ветер утих, но дворники еще не успели подмести улицы, повсюду валялись клочья бумаги, у обочины мостовой, у парадных подъездов лежал толстый слой красноватой пыли.

...Взяв свои вещи, мы поднялись в автобус. Профессор медицины и новосибирская певица, как самые старшие, вновь заняли передние кресла у пластмассовой прозрачной кабины. Профессор казалась возбужденной, в беседе с послом она узнала много нового, и сейчас ей, видимо, надо было как-то выговориться, с кем-то поделиться.

Автобус проехал шумный перекресток и по улице Посольств — Унтер-ден-Линден вновь свернул к Бранденбургским воротам. За рекой, на мощенной узким плитняком площади, виднелись закопченные стены огромного полуразрушенного храма.

Гугенотскую церковь — это выдающееся создание французского зодчества — построили после Тридцатилетней войны бежавшие с родины французы. В течение трех веков эта церковь горделиво возвышалась в юго-восточном углу площади, придавая величественный вид всему району французов-протестантов, который был величиной с большое село. В конце второй мировой войны и эта церковь чувствительно пострадала — все, что могло гореть, сожрал огонь, обвалились своды, жалко оголились прочные, дерзновенно устремленные ввысь стены.

За этими развалинами потянулись другие развалины, конца и края не было руинам.

Ужасное зрелище представляли эти развалины, эти тронутые огнем и случайно уцелевшие дома, не радуют глаз и десяти-двенадцатитажные дома, построенные в послевоенном стиле, — кажется, что они незванно пришли из чужой стороны и непрошено обосновались в центре города.

Автобус лишь на несколько минут остановился перед четырехэтажным зданием научной библиотеки. Библиотека до сих пор не восстановлена, ее фасадная стена с пустыми оконными и дверными проемами прикрывает и в то же время не прикрывает бесформенную груду кирпича и штукатурки — все, что осталось от других его стен и простенков.

Перед войной в одну из холодных ноябрьских ночей на библиотечной площади произошло позорное для немецкой нации событие. Здесь в течение всей ночи пылал костер и в нем горели разодранные в клочья книги. Все двери библиотеки были открыты настежь. Штурмовики со свастикой на нарукавных повязках выносили из богатейших хранилищ библиотеки тома Генриха Гейне и Альберта Эйнштейна, Стефана Цвейга и Лиона Фейхтвангера и публично предавали огню.

Это была ночь девятого ноября 1938 года, названная в новейшей мировой истории «Кристалльной ночью», или ночью «Тьмы и тумана» «Нахт унд Небель».

За два года до этого, седьмого ноября, в Париже, в вестибюле германского посольства выстрелом из нагана был убит советник посольства, некто Эрнст фон Рат. Эхо этого рокового выстрела пронеслось над всем континентом, а в Берлине оно прозвучало как удар грома.

Убийца был евреем, студентом Сорбонны, по фамилии Гриншпан. Никто не стал искать истинной причины убийства. Один этот выстрел оказался достаточным поводом для уничтожения миллионов безвинных людей.

Всю заработала пропагандистская машина Геббельса. Никому до этого не известного юношу — семнадцатилетнего Гершеля Гриншпана, единственного сына ганноверского аптекаря — объявили мстителем за мировое еврейство. А следовательно, этот акт — вероломное убийство дипломата — только лишь начало...

Два дня и две ночи без устали работали органы государственной безопасности и тайной полиции. От этого угара у многих закружились головы, немало людей искренне поверило в то, о чем фашистские пропагандисты, газеты и радио кричали на каждом перекрестке.

На периферию было разослано письменное предписание шефа Главного управления безопасности:

«По всей империи ожидают антиеврейские выступления. Выступления должны пройти так, чтобы жизни и имуществу немцев не грозила бы никакая опасность. Арестовывайте только евреев, полностью загружайте тюрьмы. Установите связь с концентрационными лагерями. Они обязаны своевременно подготовиться к принятию евреев».

Ночью девятого ноября штурмовики со свастикой на рукавах и переодетые эсэсовцы вышли на улицы столицы. Точно в назначенное время вышли на улицу, чтобы громить и убивать евреев, фашистские ячейки Лейпцига и Бонна, Гамбурга и Мюнхена, Дрездена и Франкфурта-на-Майне.

В синагогах и магазинах еврейских купцов вспыхнули пожары. Безоружным людям неоткуда было ждать помощи и спасения. Кому удалось узнать за два-три часа о надвигающейся беде, те покинули большие многолюдные города. Очень немногие решились оставить на произвол судьбы приобретенное трудом и потом добро и бежать за границу. Бежали в Бельгию, Нидерланды, Польшу.

В ту же ночь переодетые эсэсовцы и вооруженные финскими ножами и пистолетами штурмовики по разработанному заранее плану окружили дома тех известных писателей, ученых и общественных деятелей, у которых в паспорте в графе «национальность» значилось «еврей». Людоеды с засученными рукавами ворвались в кабинет Альберта Эйнштейна, за несколько минут перевернули все вверх дном и швырнули в лицо величайшему ученому XX века, который никак не мог понять, что тут происходит, распоряжение шефа полиции.

В этом приказе черным по белому было написано, что Альберт Эйнштейн должен в двадцать четыре часа оставить свою единственную родину и искать прибежище за границей. Если же по истечении двадцати четырех часов задержавшегося по какой-либо причине Эйнштейна обнаружат в границах Германии, то органы полиции не будут нести ответственности за его жизнь.

Такая же участь постигла известных всему миру писателей Стефана Цвейга и Лиона Фейхтвангера. Видно, никому из них не было написано на роду умереть у себя на родине и быть похороненным в родной про-

питанной кровью предков, священной земле. Один кончил свои дни в Аргентине, другой скончался в Калифорнии.

Берлин всю ночь не смыкал глаз. Не спали также и другие города. То там, то здесь раздавались короткие автоматные очереди и pistolетные выстрелы. По улицам сновали крытые грузовики и, оставляя в одном месте все новые и новые группы переодетых эсэсовцев, в другом подбирали бездыханные трупы детей, стариков и женщин и увозили их куда-то за город. Гул моторов разрывал минутную тишину этой тревожной ночи, казалось, он наполняет собой всю Вселенную.

Никому не было пощады. Когда ты еще не веришь, что все это происходит наяву, а не во сне, что ты можешь сделать, да еще голыми руками, против направленного на тебя автомата или остро наточенного финского ножа.

На рассвете десятого ноября дворники вышли на улицы и принялись смывать с тротуаров, превращенных в арену резни, кровавые пятна. Пятна легко смывались водой, но когда улица высыхала, она казалась вся политой кровью.

Костер перед научной библиотекой погас, и утренний ветерок разносил по улицам черный пепел сожженных страниц.

Мы поехали дальше, но через несколько минут автобус опять остановился.

Наше внимание на этот раз привлекло обнесенное колючей проволокой зеленое поле. Оно не было похоже ни на парк, ни на какое-нибудь другое место отдыха. По нетронутой зелени этого поля было видно, что на него давно не ступала нога человека. Одичавшая трава буйно зарослась, и ее еще не коснулась желтизна глубокой осени.

Что это за поле? Почему его обнесли напоминающей о черных днях колючей проволокой и почему никто, ни мал, ни велик, не осмеливается ступить на него ногой?

Ответ на это дает прибитая к одному из столбов изгороди ржавая жестяная табличка. Выведенные белой краской готические буквы поведали нам историю этого зеленого поля.

Там, где сейчас находится обнесенное колючей проволокой заросшее травой поле, двадцать лет назад возвышалось над стоящими справа и слева огромными каменными домами тяжелое массивное здание — Имперская канцелярия.

Под крышей этого здания находился мозговой центр фашистской военной машины — главная ставка фюрера.

Имперская канцелярия, которую разрушили в день падения Берлина избавленные от тирании народы, имела подземное убежище. Тайный ход из этого убежища пролегал под Шпрее и соединял Имперскую канцелярию с рейхстагом, где заседало правительство. Другие подземные пути вели к ближайшим станциям метро.

Подземелье имперской канцелярии стало свидетелем окончательного крушения всех надежд Гитлера. Союзники узнали, что немцы тайно готовят секретное чудо-оружие. Группа немецких физиков, которая общилась Гитлеру о расщеплении атома, несмотря на неустанную работу, не успела изготовить атомную бомбу. Лаборатории, спрятанные в неприступных горах Скандинавии, были разрушены «летающими крепостями», а бесценных учеников Нильса Бора похитили заокеанские разведчики и увезли за тридцать земель в Америку.

Бесславно начата кровавая игра окончилась еще более бесславно. В полутемном подземном убежище, где состоялось последнее совещание фельдмаршалов и офицеров генерального штаба вооруженных сил побежденной империи, под засыпанным папиросными окурками столом на-

шли труп любимой собаки Гитлера. Рука обреченного на смерть, решившего покончить с собой человека испробовала на ней силу яда. У другого края стола неподвижно лежала Ева Браун, а чуть поодаль валялся почерневший, скорченный в предсмертных судорогах труп Адольфа Гитлера.

После войны эту местность очистили от руин и обнесли колючей проволокой. Следующей весной здесь, словно ни в чем не бывало, выросла зеленая трава, и поле обрело свой первоначальный вид.

44

Тихая и плавная Шпрее в пригороде старого Берлина, у села Штраулау словно и вовсе не движется. Раскинувшись от одного берега до другого на четверть километра, она во все времена суток, а особенно перед заходом солнца и в безоблачную ночь, блещит как зеркало. Бегущие вдоль берегов неяркие огоньки отражаются в неподвижной воде. Едва-едва колышется на зеркальной поверхности реки опрокинутое звездное небо, и с чуть слышным плеском набегают на берег невидимые волны. Это значит, что по реке прошла барка или из-под склоненной к воде плакучей ивы выплыла лодка и юноша-гребец налег на весла. Старики юноши понятны, он ведь не один в лодке — на корме сидит девушка с мальчишеской короткой прической. Девушка нагибается к реке, зачерпывает рукой воду, обдает брызгами бесконечно счастливого юношу. Парень усердно работает веслами и сдержанно улыбается. Он боится встретиться с девушкой взглядом, потому что нужное слово вертится на языке и вот-вот сорвется с губ...

За мостом Штраулау, левее речного вокзала, еще издали можно увидеть густой лиственный лес, ведущую к нему широкую дорогу, украшенную декоративными кустами самшита, и большие белые ворота.

Этот густой лес — Трепов-парк — в прежние времена был любимейшим местом отдыха и развлечения берлинцев. Парк занимает огромную площадь и издали он действительно похож на дремучий лес. Разве мало лесов вокруг Большого Берлина? Леса вклиниваются и в самый город, подступают к площадям, жилым районам и кварталам. Наверное, Трепов-парк когда-то тоже был лесом, и живущие в Штраулау рыбаки переправлялись сюда, чтобы запастись на зиму дровами.

Пройдешь шагов сорок от утопающих в зелени белоколонных ворот парка, и вдруг обрывается аллея столетних чинар и перед тобой открытое поле. Окруженное лиственным лесом, это поле от края до края устлано гранитными плитами. Оно велико и уходит куда-то в глубь парка.

В начале этого поля стоит высеченный из огромной гранитной глыбы символ Родины — Скорбящая мать с высохшими от чрезмерной печали глазами смотрит в бесконечную даль.

В этой дали, почти на самом горизонте, высится великан — Солдат-освободитель. Прощедший невредимым сквозь ливень огня и град пуль, этот солдат держит в правой руке обоюдоострый меч, а левой прижимает к сердцу выхваченного из пламени младенца — символ грядущих дней освобожденного от тирании человечества.

Величественен этот поднятый белым пьедесталом над дремучим лесом бронзовый солдат. Все дорожки и тропинки Трепов-парка устремлены к нему, и каждая деталь этого ансамбля служит тому, чтобы подчеркнуть величие солдата-освободителя.

Если смотреть на обнажившего меч солдата со стороны скульптуры Скорбящей матери, то кажется, будто этот гигант с непокрытой головой разделил синее небо на две половины.

Справа и слева от бронзового солдата склоненные красные знамена, высеченные из порфира. За знаменами, на широкой площадке, поднятой на несколько ступенек, стоят, склонив головы и преклонив колени, два бойца — один пожилой, другой еще совсем юный. Они шли сюда дорогами сражений, страданий и смертей и, одержав победу над злым врагом, преклонили колени у братской могилы своих павших в боях соратников в знак того, что память об этих чистых, светлых людях будет жить в веках.

В самые последние дни, часы и минуты войны на подступах к Берлину и в самом Берлине погибло двадцать тысяч советских воинов. Погибли именно тогда, когда казалось, что все уже кончено и вот-вот можно будет с миром вернуться домой. Тринадцать тысяч убитых предали в тот же день земле на Шёнхольском кладбище, а семь тысяч истосковавшихся по родному небу воинов нашли вечный покой в сырой земле Трептов-парка.

По устланной гранитными плитами дороге идешь, затаив дыхание, и останавливаешься у ограды памятника между коленапреклоненными бойцами. Склоненные знамена за твоей спиной, но к обрешемому бессмертию солдату ты, кажется, и на шаг не приблизился. Его ослепительно белый пьедестал, к подножью которого ведет многоступенчатая лестница, стоит на зеленом кургане. Под курганом и вокруг него спят вечным сном те семь тысяч воинов, которые словно для того и пришли на этот свет, чтобы ценой своей единственной жизни даровать свободу и счастье миллионам людей, а самим навеки остаться под чужим небом, в чужой земле.

45

Вечером следующего дня нам вновь пришлось побывать на Восточном вокзале. На этот раз мы уже возвращались на родину. Как только мы вышли из автобуса, носильщики подогнали к нам целый состав тележек и погрузили на них наши чемоданы. Понаторевший в таких делах неутомимый Васек следил за работой носильщиков и давал им какие-то указания на ломаном немецком языке.

Готовый к отправлению поезд уже стоял у платформы. Когда я вошел в купе и уложил багаж, мне вдруг показалось, что я что-то забыл. Я тут же похлопал себя по карманам, потом раскрыл чемоданы. Все как будто на месте. Но неприятное это чувство все же не покинуло меня и щемило сердце. Что я мог забыть? Я посмотрел на часы — до отправления поезда оставались секунды. Если я и в самом деле что-то оставил, то уже все равно поздно — я даже не успел бы добежать до тамбура. В вагоне стоял тяжелый запах масляной краски или сгоревшего карбида. Проводники перестарались и сильно разогрели радиаторы отопления. Чем мы будем дышать ночью?

Я попытался отвлечься, думая о каких-то незначительных вещах, скажем, об этих пышущих жаром радиаторах и несущих бессонную службу проводниках. Но я все же не смог отвязаться от той так странно привязавшейся, саднящей сердце мысли, что и в самом деле что-то здесь оставляю.

Я открыл дверь и вышел в коридор. Он был полон людьми. Женщины прижимали к груди преподнесенные им букеты живых цветов. Они все прильнули к окнам, чтобы лучше видеть провожающих. И моя подруга тоже смотрела на перрон. Я рывком опустил оконное стекло и выглянул как раз в тот момент, когда поезд тихо покатился по рельсам. Серый перрон, киоски, белые железные столбы и засуетившиеся люди тоже тронулись с места и заскользили все правее и правее.

Среди провожающих я увидел Леонаса Степанускаса. Этот не-
нявый, благовоспитанный и услужливый литовец крепко стиснул под-
нятые над головой руки, словно еще раз на прощание пожимал наши.
Рядом с Леонасом стояла женщина средних лет и сильными муж-
скими руками что-то показывала профессору медицины.

Поезд набрал скорость, и в коридоре вдруг стало светло. Крытые
платформы Остбангофа остались позади. В окно ворвались последние
лучи уходящего за горизонт солнца. Стоило мне услышать все убыстряю-
щийся монотонный стук колес, как беспокойная мысль о том, что я что-
то оставил в Берлине, снова овладела мною.

Я вернулся в купе, сел у столика и сжал лицо ладонями. Под но-
гами глухо стучали колеса мчавшегося поезда. Я чувствовал, как
он проскакивает стрелки и мчит нас куда-то. Поезд уже мчался
так легко, что казалось, будто он оторвался от земли и тихо скользит
над облаками.

Душный воздух купе, равномерное покачивание вагона сморили ме-
ня, и я задремал. Прошлую ночь я не выспался, и еще в автобусе неодо-
лимо клонило ко сну. А что, неплохо бы сейчас поспать — заснуть и про-
снуться утром где-то около Варшавы или в окрестностях Бреста.

Я с трудом поднял отяжелевшую голову и посмотрел в окно. Поезд
упрямо распарывал стусившиеся сумерки. В купе горел свет. Может,
он горел и раньше, но я, когда вошел в купе, этого не заметил. Время
от времени окно застилала большие хлопья серого дыма, и бегущие
следом за поездом юные березы окунались в молочный туман. Дым те-
перь походил на клубящиеся над неприступными горными вершинами
и синими скалами облака. У поезда словно выросли крылья, и он ле-
тел в бескрайнем пространстве.

А что поделявает тот бакинский парень — доехал ли он до Цент-
ральной Африки? Сейчас он с опаленным беспощадным африканским
солнцем лицом сидит в виллисе, списанном с вооружения, и пересека-
ет пустыню. В Баку каждый день ждут от него писем и не сводят
глаз с калитки. Девочка, чье имя я, к сожалению, сразу же забыл, рас-
тет, а у ее мамы, вчерашней старшеклассницы, незаметно для всех
появились тонкие, очень тоненькие морщинки у глаз и в уголках еще
по-детски припухлых губ. Что тут поделаешь — пока строишь длинные
железнодорожные мосты через широкие реки Африки, уходит время,
уносит с собой юность.

Вот его приезд будет настоящим праздником. Соберется весь го-
род. Впрочем, кто знает, может, и половина не соберется. Такие события
сейчас происходят очень часто. Народ привык, никто уже не удивляется.

Вдруг послышался протяжный рев локомотива. Я испуганно открыл
глаза. За окном была крошечная тьма. Поезд мчался по длинному
мосту, разрывая тишину задумчивой ночи скрежетом металла, грозным
стуком колес.

Перевод с грузинского Э. Фейгина и Б. Гасса

Иродион КАВЖАРАДЗЕ

Встреча в пути

РАССКАЗ

Авторизованный перевод с грузинского М. Немировой

У каждого человека в жизни есть незабываемый день. Счастливый или печальный, он прочно врезается в память и следует за человеком в течение всей его жизни.

Именно таким днем для Илико Антаури было девятнадцатое сентября. Закончился наконец его долгий, упорный труд — и вот он едет в Москву защищать своей проект строительства крупной фабрики.

Илико стоял у вагона, крепко прижав к себе кожаную папку с рукописью, и рассеянно слушал сотрудников, которые пришли провожать его. Он думал о своем проекте: все ли точно подсчитано, не упущено ли что-либо... Илико очень волновался, хотя не впервые выносил свою работу на суд ученых. Поэтому его так сильно раздражала назойливая хлопотливость его невесты — Елены. Она не разделяла волнений Илико и без конца говорила о покупках, которые он должен был сделать в Москве к их свадьбе.

Наконец кончились томительные и всегда неловкие последние минуты прощанья. Последние поцелуи, объятия — и поезд тронулся. Поплыли дома, улицы, телеграфные столбы, станционные постройки...

Илико долго стоял у окна и смотрел на любимый город, который, сметая ветхие, отжившие свой век домишки, раскинулся кварталами новых жилых корпусов. Радостное волнение охватило Илико. Он ши-

роко раскинул руки, словно хотел заключить в свои объятия всю эту солнечную ширь. Взволнованный, он достал из кармана папиросы, и на пол упал какой-то листок. Илико, недоумевая, поднял его, но тут же вспомнил, что это список поручений Елены. И как-то сразу померкла радость. А ведь Елена даже не попросила его сообщить, как пройдет защита.

Илико махнул рукой и глубоко затанулся.

Девятнадцатое сентября!.. Этот день, так прочно вошедший в память Илико, не был для него счастливым. И надо же было ехать именно в этот день!

Девятнадцатое сентября... Ровно двадцать лет назад, разочарованный и отчаявшийся, Илико оставил свой родной двор, где родился, вырос и впервые полюбил.

...Их было трое неразлучных друзей детства: Циала, Темо и он — Илико. Мальчики были одногодками, Циала — на два года моложе. Длинноногая, в коротеньком платьице, она была постоянной участницей всех их проказ и игр.

Мальчики уже заканчивали школу, когда оба почувствовали, что любят Циалу, которая теперь тоже стала взрослой и не могла так свободно и просто, как бывало раньше, играть с ними. Юноши не скрывали друг от друга своих чувств. А Циала относилась к ним с равным вниманием.

Любовь к Циале не разбила их дружбы, но в глубине души каждый из них мечтал, чтоб девушка полюбила именно его. И когда они садлись за шахматы или за нарды, каждый задумывал: «Если я выиграю, значит Циала полюбит меня». Проигрывая, каждый из них старался отыграться, и поэтому игра нередко затягивалась. Особенно переживал проигрыш Темо. Заупрямившись, он мог сидеть до самого утра, но Илико обычно просто убегал от него. И хотя Циала по-прежнему никого из них не выделяла, тайное соперничество между ребятами не прекращалось.

В конце концов счастье улыбнулось Илико. Циала заканчивала школу и отставала по математике. К тому времени Илико, окончив школу с золотой медалью, был уже студентом Политехнического института. И однажды мать Циалы попросила Илико позаниматься с дочерью. Она сказала, что его труды будут оплачены, но Илико наотрез отказался от денег.

Теперь Илико ежедневно приходил к Циале. Занимаясь, они подолгу оставались наедине. Какие это были счастливые дни! Слушая голос Циалы, видя ее лукавую улыбку, ощущая рядом ее горячее дыхание, он с трудом удерживался, чтобы не обнять девушку.

А когда ученица задумывалась над трудной задачей и рука ее, сжимавшая карандаш, нерешительно замирала над тетрадкой, Илико осмеливался взять ее руку и, словно она была маленькой девочкой, водил ее рукой по бумаге, выписывая цифры.

Слишком усердные занятия Илико и Циалы показали родителям девушки подозрительными, и они решили прекратить их. Темо тоже заметил, что Илико и Циала часто бывают вместе. В отношениях юношей исчезла искренность, их друщей пришел конец.

Семья Циалы и Темо жили на одном этаже. Они давно уже мечтали породниться. Дружба Циалы и

Илико могла помешать этому, чтобы Циала вышла замуж за Илико, не могло быть и речи. Илико с бабушкой жили в маленькой комнатенке нижнего этажа. Жилось им нелегко, поэтому бабушка часто помогала соседям убирать квартиры.

— Отдать мою дочь в эту нору? — в ужасе восклицала мать Циалы.

И родители Темо поддакивали:

— Что вы! Разве можно?!

Циала блестяще сдала экзамены по математике, но счастливые дни, когда молодые люди могли видеться ежедневно, кончились. Теперь они встречались очень редко. Циала всегда была чем-то опечалена, а иногда выходила к Илико заплаканной.

Как только Циала получила аттестат зрелости, родители увезли ее на дачу. И так как она в этом году не сдала приемных экзаменов в институт, то приехала в Тбилиси лишь в середине сентября.

Обрадованный Илико с трудом достал билеты на концерт знаменитого певца и побежал к Циале. Одним духом взбежал он на третий этаж. Позвонил. Дверь открыла незнакомая женщина. Илико заметил, что в квартире царил какой-то необычный суета. «Наверное, у них гости, — огорчился Илико, — значит, Циала не сможет пойти на концерт».

— Вы к Циале? — спросила женщина.

— Да... — растерянно ответил Илико.

Вышла Циала. Она была в белоснежном платье с низким вырезом и коротенькими рукавами. Ее черные волосы мягкими волнами спадали на плечи. Илико молча смотрел на девушку, не в силах отвести глаз.

Циала ввела его в свою комнату.

— Садись, Илико, — тихо сказала она.

Он же шелохнулся.

Тогда она взяла его за руку, чтобы усадить.

И как же это случилось?... Вос-

поминания об этих мгновениях всегда вызывали в нем смятение. Ощутив тепло ее руки, он забыл обо всем, схватил эту руку и стал горячо целовать. И уже ничего не помня и не видя, привлек девушку к себе, поцеловал в губы. Вдруг, опомнившись, он резко отстранил ее. Они стояли друг перед другом молча, не смея поднять глаз.

— У меня... билеты... на концерт, — проговорил наконец Илико.

Циала покачала головой. Ее глаза наполнились слезами. И все так же не говоря ни слова, она протянула руку к двери.

И он ушел. Не помнил, как спустился по лестнице... Не знал, считать себя счастливым или... Почему она плакала?... Почему?... Зачем он ушел?... Легко сказать!.. Но почему она велела ему уйти?... Неужели насовсем... Завтра же с утра он должен повидать ее или хотя бы поговорить по телефону...

Илико вошел в свою комнату. Бабушка читала. И хотя было еще совсем рано, Илико стал стелить себе постель.

Бабушка удивленно спросила:

— Что с тобой, ты не болен?

— Нет, просто устал...

— Есть будешь?

— Нет.

Бабушка озабоченно посмотрела на внука и больше ни о чем не спросила.

В ту ночь Илико приснился странный сон: во дворе шумно веселились люди, пели, танцевали. Илико лорывался встать и посмотреть, что же такое там происходит, но ноги не подчинялись ему. Проснулся он поздно. Глянул на часы и удивился:

— Как долго я спал!

— Ну и хорошо, сынок, — ответила бабушка, — а я вот никак не могла уснуть — у нас во дворе всю ночь шумели...

— Шумели? Почему? — Илико привстал с постели, вспоминая свой сон.

— А ты разве не знаешь?

— Что, бабушка? — тревожно спросил Илико.

— У Циалы был званый ужин.

— С чего бы это?

— Говорят, помолвка...

— Чья?

Илико вскочил. Бабушка заметила взволнованность внука и не знала, как быть.

— Кажется, меня кто-то зовет...

— Подожди, чья же помолвка?

— Говорят, Циалу обручили с Темой...

Илико побледнел. Бабушке все стало ясно. Но чем она могла помочь?..

С того дня Илико во дворе не видел, а вскоре они с бабушкой обменяли квартиру.

С тех пор он не встречал Циалу. Он упорно учился, многого достиг, но уже никого больше не полюбил.

Теперь он жил в Ваке, в большой просторной квартире. Бабушка жаловалась, что ей надоело одной ходить из комнаты в комнату, и уговаривала внука жениться — сорок лет, пора! И Илико в конце концов сдался. Он сделал предложение своей лаборантке — Елене. Илико казалось, что эта скромная и честная женщина будет ему верной подругой. Предложение очень обрадовало Елену, но она не поддала виду, сказала, что должна посоветоваться с родителями. Родители, конечно, согласились — Илико завидный жених. Было решено, что по возвращении Илико из Москвы они поженятся. Но сегодняшнее поведение Елены на вокзале неприятно удивило его. Она только и говорила о покупках, словно Илико за тем и ехал в Москву. И сейчас она показалась Илико какой-то чужой, далекой.

— Ох, эти женщины, — махнул рукой Илико.

Уставший после целого дня сборов и волнений, Илико решил лечь пораньше. Он вошел в купе. Погруженный в свои мысли, он даже не посмотрел, кто сидит у окна, и начал стелить себе постель.

Вдруг кто-то окликнул его:

— Илико!..

Он вздрогнул — он узнал этот женский голос.

Охваченные одним чувством, Илико и Циала молча стояли друг перед другом, не в силах вымолвить ни слова. И вдруг Илико порывисто обнял ее. Сколько это длилось? Мгновение?.. Или целую вечность?..

Слезы Циалы вернули Илико к действительности.

— Вот как ты меня любил! — с упреком сказала Циала. — За двадцать лет ни разу не поинтересовался, как я живу.

— Ты ведь предпочла Темо, а я... я убежал от своего несчастья.

— А я так ждала тебя... твоей помощи...

Поезд мчался вперед, не останавливаясь, неудержимо, как время.

Илико беснованно опустился на полку, оперся локтями о стол и закрыл лицо ладонями. Циала молча глядела его по голове, как маленького. Он опять обнял ее, привлёк к себе:

— Я думал тогда, что сойду с ума.

— Успокойся... Успокойся...

— Я не мог забыть твоих глаз... тот единственный поцелуй...

— Потерянный поцелуй, — горько сказала она.

Поезд мчался, врезаясь в ночь, придорожные огни то и дело заглядывали в темное купе.

— Куда ты едешь? — спросил Илико.

— В Гагра. В санаторий.

— А дети?

— Их у меня нет... Двадцать лет я жила мечтой о встрече с тобой, Илико!..

— Вот мы и встретились!

— Да, но...

— Что?

— Тебя провожала жена...

— Она еще не жена.

Илико встал, прошелся по купе. Вышел в коридор. Закурил, оставившись у открытого окна, но тут же выбросил в темноту недокуренную папиросу и вернулся в купе.

Циала лежала, уткнувшись в подушку.

— Спишь?

Она не ответила.

— Поедем со мной в Москву.

— В Москву? — Циала удивленно посмотрела на Илико.

— Прощу тебя...

— А твоя невеста?!

— Ты хотела сказать: «Мой муж»...

— Нет, я хотела сказать, что уже поздно...

— Довольно, — твердо сказал Илико, — однажды я совершил ошибку и потерял тебя. Теперь я ее не повторю. Я не могу без тебя жить, Циала! А ее... ее интересую не я, а мое положение.

— Может быть, и меня интересуется твое положение?! — вспыхнула Циала. — Когда ты был беден, я не пошла за тобой... А сейчас... Нет! Нет! Ни за что!

Поезд, приближаясь к станции, замедлял ход. Циала схватила свой чемодан и выбежала из купе.

— Куда ты, Циала? Это же не Гагра.

— Я возвращаюсь обратно в Тбилиси.

Илико растерянно смотрел вслед Циале, кинулся за ней, но она уже спустилась на платформу станции, и поезд тут же тронулся.

Из Москвы Илико вернулся победителем. Он выполнил все поручения Елены, но жениться не спешил. А бабушка настаивала, торопила. Однажды она пригласила Елену в тот час, когда Илико обычно бывал дома.

— Если вы завтра не поженитесь, я в этом доме больше не останусь, — сказала бабушка. — Наверное, я вам мешаю и вы ждете моей смерти.

Илико обнял заплаканную старушку. На следующий день он расписался с Еленой.

...И только после женитьбы Илико узнал, что Циала, возвратившись в Тбилиси, разошлась с мужем.

Великому ЛЕНИНУ

М. ГОРГИДЗЕ

Ленин и грузинское студенчество в Петербурге

Грузинское землячество Петербургского университета, объединявшее студентов-грузин и из других высших учебных заведений столицы, было центром общественной и политической жизни петербургской грузинской колонии. В 1905—1906 годах в состав землячества входили: Петре Кавтарадзе, Шалва Элиава, Андрияша Бебуришвили, Илья Кикодзе, Шалва Шарашидзе, Шалва Нуцубидзе, Лонгинос Григолиа, Нико Квиникадзе, студент Военно-медицинской академии — Мамиа Орахелашвили; курсистки Высших женских (Бестужевских) курсов — Анна Чиргадзе (Шарашидзе), Маро Ломинадзе, Мария Микеладзе (Орахелашвили), Маро Маргвелашвили, Наталья Кавтарадзе (Элиава), Тамара Шарашидзе, Ивлита Пурцеладзе, Тамара Сулханишвили (Бебуришвили); студентка Женского медицинского института — Варя Гаприндашвили, студентка Петербургской консерватории — Елена Кикодзе и другие. Это были большевики и сочувствовавшие, работавшие в пользу партии.

В эти годы землячеством руководили: Петре Кавтарадзе (председатель), Шалва Элиава, Андрияша Бебуришвили, Илья Кикодзе и другие.

В. И. Ленин, с особым вниманием относившийся к революционной молодежи, принял приглашение большевиков землячества сделать доклад на конспиративном собрании для грузин-студентов Петербурга. Это было вскоре после того, как Владимир Ильич возвратился из эмиграции в начале ноября 1905 года в Петербург для непосредственного руководства революционной борьбой и подготовкой вооруженного восстания.

По конспиративным соображениям В. И. Ленин в ту пору редко появлялся на собраниях. И поэтому его прихода студенты ожидали с особой радостью и волнением. Для нелегального собрания Иван

Джавахишвили уступил довольно просторный кабинет, где обычно происходили заседания научного кружка Петербургского университета.

Студенты явились задолго до начала собрания. Каждый входивший проверялся заранее установленным паролем. В. И. Ленин явился, как всегда, точно в назначенный час.

Владимир Ильич сделал доклад по животрепещущему в то время вопросу о разногласиях большевиков и меньшевиков. Объяснил историю и причины раскола, подверг беспощадной критике оппортунистическую тактику меньшевиков, выступавших против гегемонии пролетариата в революции, против вооруженного восстания. Обосновал активный стратегический план и тактику большевистской партии в революции.

С трибуны неслись смелые, решительные, но простые, ясные и доходчивые слова вождя, критиковавшего и сокрушавшего противников, убеждавшего каждого в правильности своих позиций. Доклад закончился бурной овацией. Потом В. И. Ленину задали много вопросов не только по существу доклада, но и об искусстве, музыке, поэзии.

В октябре 1906 года В. И. Ленин прочел снова доклад специально для кавказской студенческой революционной молодежи на конспиративном собрании в Териоки (ныне Зеленогорск). Среди кавказцев значительное большинство студентов составляли грузины.

Собрание это было организовано по инициативе находившихся в то время в близком контакте с В. И. Лениным петербургских грузин-студентов и печатников. Тогда в петербургской большой легальной большевистской типографии «Дело» на Фонтанке 96, где нередко бывал В. И. Ленин, корректором состоял студент Петре Кавтарадзе, а наборщиками работало значительное число грузин-

печатников, попавших сюда следующим образом.

После ослабления реакции, в период так называемых «октябрьских свобод», последовавших после манифеста 17 октября 1905 года, с появлением в это время возможности легальной печатной работы, деятельность подпольных типографий временно была прекращена: по решению ЦК партии бакинская партийная типография со своими кадрами, известными профессионалами-типографчиками, организаторами подпольного печатного дела — Авелем Енукидзе, Ваном Стурца, Силибистром Тодрия, Георгием Стурца, Ваном Болквадзе, женой С. Тодрия — Соней, Караманом (он же Ушанги) Джаши — в январе 1906 года была направлена, главным образом, в Петербург, в типографию «Дело». Из них только Силибистро Тодрия и Георгий Стурца еще раньше, в 1905 году, были командированы в Москву для работы в партийной типографии. В типографии «Дело» печатались разные газеты и брошюры большевистского направления; руководил всем этим В. И. Ленин. Его простое, ровное, товарищеское отношение к рабочим вызывало огромное уважение и любовь к Ильичу. С особой симпатией относился Ленин к «кавказцам», как он называл бакинских типографских работников. Об этом пишут в своих воспоминаниях печатники Ушанги Джаши, Авель Енукидзе и другие.¹

С разгоном I Государственной Думы 8 июля 1906 года и усиленном репрессий партия вновь оказалась вынуждена перейти на нелегальные условия работы. По поручению ЦК в конце августа 1906 года Симон Енукидзе, Ван Болквадзе и другие организовали нелегальную типографию в Выборге, куда были направлены грузины-печатники, а также шрифт и станки из типографии «Дело». В Выборге печаталась нелегальная большевистская еженедельная газета «Пролетарий» (центральный орган партии), главным редактором которой являлся, конечно, В. И. Ленин. Здесь, в Финляндии, менее чем за год было выпущено 20 номеров газеты. После усиления реакции В. И. Ленин и другие ответственные товарищи вынуждены были эмигрировать за границу. Газета «Пролетарий» продолжала выходить в Женеве, а затем в Париже («БСЭ», т. 35, 1955 г., стр. 25).

Выпуском газеты руководил В. И. Ленин; он писал статьи, правил и редакти-

ровал материалы, которые возили ему из Выборга в находившееся недалеко Куоккала, где Владимир Ильич тогда жил. Ведущим работником типографии часто приходилось встречаться с ним. В это время студенты Шалва Элиава и Петре Кавтарадзе попросили Владимира Ильича сделать доклад в Териоки кавказским студентам, чтобы они были в курсе основных событий партийной жизни и по возвращении на Кавказ могли руководствоваться его указаниями в революционной борьбе. Владимир Ильич с удовольствием принял это предложение.¹

Студенты, отправляясь в Териоки на конспиративное собрание, чтобы сбить с толку преследовавших их тайных агентов полиции, купили билеты до отдаленной финляндской станции, где обычно останавливаются экскурсанты и туристы, чтобы любоваться живописным каскадом водопада Иматра, а на следующий день, возвращаясь обратно, остановились в Териоки.

Когда Ленин спросил у присутствовавших, какой вопрос их больше всего интересует, после общего минутного молчания Шалва Элиава встал и сказал, что их интересуют все вопросы, которые партия считает актуальными в данное время. В. И. Ленин сделал доклад о новой тактике большевиков на выборах во II Государственную Думу и об аграрном вопросе, попутно касаясь и других проблем.

Владимир Ильич читал доклад со свойственной ему эрудицией, все более захватывавшей внимание слушателей.

В продолжение полутора часов Владимир Ильич настолько подробно говорил обо всех проблемах, волновавших присутствующих, что отпала необходимость задавать заранее подготовленные вопросы.

На конспиративном собрании в Териоки было около 25 человек. Приблизительно 20 из них составляли грузины — студенты и курсистки. Большинство из них присутствовало и на первом докладе В.И. Ленина в Петербургском университете, некоторые слушали вождя впервые. Среди них — прибывший тем летом в Петербург Ладо Чиргадзе и трое армян, один из них Гито Багдасарян.

По окончании доклада вокруг Ленина образовался тесный кружок, возникла дружеская беседа.

В Петербурге студенты-большевики из грузин вели активную подпольную работу, составляли, печатали и распространяли прокламации, занимались агитационной пропагандой среди студентов и рабочих, сотрудничали в рабочей прессе, выполняли особые поручения партии.

¹ Память вождя. Историч. журн. партии «Летопись революции», № 1 (6), 1924 г., стр. 32.

Следует отметить, что в Петербурге в период первой русской революции и грузинские женщины проявили себя как талантливые подпольщики. Мария Микеладзе-Орахелашвили, Маро Маргвелашвили, Маро Ломинадзе, Анна Чиргадзе, Наталья Кавтарадзе-Элиава, Елена Кикодзе — первые грузинские девушки, включившиеся в революционную борьбу наряду с мужчинами.

Курсистки Маро Маргвелашвили, Маро Ломинадзе и Тамара Шарашидзе по поручению партии перевезли через границу оружие и доставили его в большевистский революционный штаб в период подготовки к восстанию. Известно, что в начале девятисотых годов через Выборг транспортировалась нелегальная литература (ленинская «Искра», некоторые работы В. И. Ленина, печатавшиеся за границей) и оружие.

Эти курсистки, разодетые в дорогие платья и меховые шубы, взятые напрокат, направилась в Выборг за оружием. На обратном пути у Финляндской границы жандармы и таможенные чиновники обыскивали по своему усмотрению пассажиров, которые казались им подозрительными.

Вошедший в вагон жандарм обратил внимание на Маро Маргвелашвили и попросил ее следовать за ним, — конечно, для обыска. Маро, не растерявшись, надела висевшее в купе пальто какой-то попутчицы, находившейся в ту минуту в соседнем купе, и пошла за жандармом, оставив свою шубу, в меховую подкладку которой были зашиты маузеры, кольты и патроны к ним. Через 15 минут она возвратилась и спокойно продолжала путь вместе с Маро Ломинадзе и Тамарой Шарашидзе, также нагруженными револьверами. Так они доставили оружие по назначению в Петербург. Находчивость, хладнокровие и мужество Маро Маргвелашвили долгое время служили примером многим петербургским подпольным работникам.

В декабре 1906 года в связи с провалом военной организации РСДРП большевиков Мария Багратовна Маргвелашвили была арестована за участие в этой боевой группе. Присидев в заключение в процессе дознания более одного года, в 1908 году она была предана военному суду и проходила по делу, известному под названием «Процесса 37». Обдуманно и находчивыми ответами во время следствия и на суде ей удалось замести следы своей революционной деятельности и выйти из затруднительного положения оправданной за недоказанностью обвинений. Но все же ей было запрещено жить в Петербурге, и она выехала в Финляндию. Затем, нелегально возвратившись в Петербург, она продолжала подпольную работу. Тяжелые условия тюрьмы и подполья, а также суровый

северный климат подорвали ее здоровье, она заболела и вынуждена была ^{переехать} ехать на юг; поступив для продолжения образования на Киевские высшие женские курсы, она снова вернулась к революционной работе. После установления Советской власти Мария Багратовна Маргвелашвили работала в разных советских учреждениях. По возвращении в Грузию в 1923 году она являлась директором опытно-показательной школы Наркомата народного образования.

Активную революционную работу вела и Анна Чиргадзе, которая неоднократно получала от издательской комиссии Петербургского комитета нелегальную литературу и распространяла ее среди студенческих партийных организаций высших учебных заведений.

Наталья Кавтарадзе (Элиава) перевозила через границу в Финляндию разные партийные материалы.

Елена Кикодзе вела организаторскую работу; ее комната была центром, где собирались видные члены социал-демократических (большевистских) организаций, составлялись прокламации, хранилась нелегальная литература. Она находилась под тайным надзором полиции и дважды подвергалась обыску, но опытного конспиратора жандармы не могли обнаружить «компрометирующих» материалов, которые вовремя удавалось спрятать в надежном месте.

Среди студентов-подпольщиков популярным было имя Петра Ивановича Кавтарадзе. Владимир Ильич обращался к нему просто, как и товарищи-студенты — «Петре». Кавтарадзе поддерживал связи с рабочими Путиловского завода, выполнял отдельные задания Ленина. 9 января 1905 года Петре находился в первом ряду шествия путиловских рабочих, многие из которых были убиты и ранены на Дворцовой площади. Петре спасся случайно; полы его пальто были прострелены пулей в двух местах, но его самого она не задела.

Наталья Кавтарадзе (Элиава) тоже участвовала в этой демонстрации; затоптанная бегущей толпой, она была доставлена в больницу.

По роду своей революционной работы в контакте с В. И. Лениным находился и студент Петербургского университета Илья Григорьевич Кикодзе. Он пользовался большим доверием Владимира Ильича, который, работая в финляндском подполье, адресовал на имя Кикодзе секретные письма с фиктивными именами адресатов.

Кикодзе полученные письма вскрывал, конверты сжигал, а их содержимое тотчас же доставлял согласно шифру по адресу.

Грузинская партийная молодежь — Шалва Элиава, Петре Кавтарадзе, Анна Чиргадзе, Шалва Шарашидзе, Маро Ло-

минадзе и другие поддерживали постоянную связь с Петербургским комитетом. Под руководством В. А. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского, с их участием и помощью они организовывали лекции, литературные вечера, концерты. Лекции замечательного литератора и критика А. В. Луначарского, а также ученого-этнографа, историка и литератора В. А. Бонч-Бруевича пользовались большим успехом среди рабочих, передовой интеллигенции и студенчества. Сборы от проданных билетов шли в пользу партийного издательства и подпольных работников.

Прошло 60 лет со времени описанных событий. Многие из участников революционной борьбы погибли, некоторые впоследствии посвятили себя науке. Наиболее стойкие ученики Ленина, пройдя тернистый путь революционной борьбы, стали крупными деятелями Коммунистической партии и Советского государства

(Ш. Элиава, М. Орахелашвили, М. Микадзе, О. Келадзе-Орахелашвили, Маро Ломинадзе и другие).

Из 30 студентов и курсисток — участников первой русской революции 1905—1907 гг. — до наших дней дожили всего четыре человека; это: Анна Ефимовна Чиргадзе-Шарашидзе — заслуженный библиотекарь с 62-летним трудовым стажем педагога и библиотечковеда; Елена Григорьевна Кикодзе — заслуженный деятель искусств, в прошлом — директор первого музыкального училища и музыкальной школы, ныне персональный пенсионер; Шалва Исаакович Нуцубидзе — профессор философии, академик; Ладо Чиргадзе — заслуженный врач, награжденный орденом Ленина, персональный пенсионер.

Все они с большой любовью вспоминают свои встречи с В. И. Лениным и эпизоды подпольной революционной деятельности.

Из воспоминаний

Курсы Лесгафта для меня и моей подруги, студентки консерватории Елены Кикодзе, были политической школой.

Мы здесь встретили лучших представителей студенчества России. Сюда шли те, для которых двери университетов и других специальных учебных заведений были закрыты из-за революционной деятельности. Одним словом, мы здесь непосредственно встретились с силами первой русской революции — с передовыми людьми России.

Влияние самого Лесгафта, этого великого педагога, на студенчество было положительным. На курсах были профессора, которые не имели права проживать в столице; они приезжали из Эстонии и Финляндии и после лекций возвращались обратно. Лекции молодого Тарле, который читал историю французской революции, посещались передовым студенчеством Петербурга.

В это время курсы Лесгафта совершенно справедливо считались центром и очагом всего революционного студенчества столицы. Здесь, в аудиториях, и устраивались часто конспиративные собрания.

В этом дорогом для нас здании и встретились мы впервые с гением революции, великим В. И. Лениным. Было назначено конспиративное собрание с участием Ленина. Присутствовать должно было всего семь человек. Пароль проверяли я и Елена Кикодзе. С нами спорили товарищи — узнаем мы Ленина или нет?

Семь человек прошли, и нам предложили запереть двери — мы так и не узнали его. Во время собрания нам показали Ленина, и мы были очень удивлены: нашему романтическому воображению он представлялся совсем другим — а увидели мы человека среднего роста, коренастого, ничем особенным не выделявшегося и, на первый взгляд, похожего на рабочего-финна.

Мы следили только за Лениным — как он был прост, внимателен к товарищам; поздоровался со всеми, некоторым сам придвинул стулья.

Итак, наша давнишняя мечта увидеть его — сбылась. Этот день в нашей жизни был знаменательным.

Осенью 1905 года в члены правления грузинского землячества в Петербурге прошли большевики. Они и устроили нам доклад Ленина в связи с расколом партии.

Уважаемый всеми петербургскими студентами-грузинами доцент И. Джавахишвили (впоследствии академик) охотно уступил нам аудиторию в университете, предназначенную администрацией для его научного кружка.

В назначенный час, пунктуально, Ленин явился на доклад в аудиторию, в которой собралось довольно много студентов.

«Ого! — воскликнул Ленин с улыбкой, как только вошел. — Однако, вас тут целая армия! Товарищи, вы все грузины? И вы не боитесь Ноя Николаевича?»¹ А я его боюсь, ей-ей, боюсь», — и начал смеяться, как умел смеяться только он. В ожидании начала доклада мы все страшно волновались. Но вот он заговорил о расколе партии, и мы сразу увидели и почувствовали его красоту, красоту гения, глаза которого, то гневные, то насмешливые, пронизывали слушателя насквозь; в простых, понятных для всякого выражениях великие истины в его устах становились такими доступными, такими простыми.

После доклада мне и моей подруге Елене Кикодзе не хотелось уходить из аудитории; мы как-будто боялись потерять то, что им было сказано. С этого дня нас интересовало все, что касалось Ленина, и мы забрасывали товарищей, ближе его знавших, бесконечными вопросами, касающимися не только общественно-политической, но и личной жизни Владимира Ильича: каков он в домашней обстановке, любит ли искусство, музыку, поэзию и т. д. Больше всего мы любили рассказы тов. Авеля,² который с любовью и глубоким уважением говорил о нем.

Осенью 1906 года в Терноки для студентов-кавказцев был устроен доклад Ленина об аграрном вопросе.

В назначенный воскресный день студенты — армяне, азербайджанцы и гру-

¹Н. Жордания.

²Авель Софромович Енукидзе.

зины — поехали, якобы с экскурсией, в Гельсингфорс. Билеты взяли туда и обратно. Приехали в Териоки. Ленин нас встретил очень тепло, весело. После доклада некоторые товарищи должны были идти по явочным адресам (надо было вывезти оружие и литературу).

К Ленину подвели гимназиста 6-го класса из Грузии, сказав ему: «Вот Ваш тезка, только он не Владимир, а Лад¹, он уволен за революционные выступления без права поступления в гимназии Кавказа и Закавказья».

Ленин с ним поздоровался и сказал, что у него приятель — директор петербургской частной гимназии, который при надобности сможет ему оказать помощь.

Прощаясь, Ленин говорил молодым: «Учитесь, товарищи, учитесь, работы очень много».

Возвращаясь обратно из Териоки, мы знали, что на границе обыскивают. Мы были без вещей и надеялись избежать обыска. Не успел поезд остановиться, как в вагон вошли жандармы и, выбрав нескольких студентов и студенток, предложили им идти за ними с вещами. Товарищи нарочно медлили и, пока добрались до комнаты обыска, раздался второй звонок и, к нашему удивлению, жандармы велели вернуться всем, кроме тех, которые были в черных папках: Н. Квиникадзе (ныне доцент Грузинского политехнического института), Г. Багдасаров (он остался в Петербурге, и мне неизвестно ничего о нем), Шалва Нудубидзе (ныне академик), Александр Арабидзе, Константин Микеладзе, Петре Кавтарадзе и др. Так неожиданно удалось провезти оружие и литературу. Остальные приехали в Петербург бодрые, воодушевленные, точно Ленин вдохнул в них новые силы для работы и борьбы.

В Петербурге издавалась большевистская газета, корректором которой был Петр Иванович Кавтарадзе; большинство наборщиков типографии были грузины — Лад¹, Сила, Ваню, Караман, Маркар и др.², которые, как и мы, любили и оберегали Ленина — великого политического деятеля и редкого человека. От них мы узнавали, когда шла статья Ленина в газете и что он сам сверяет последнюю корректуру. Я и Елена в эти дни в полночь отправлялись в типографию и оставались там до раннего утра, чтобы хоть одним глазом взглянуть на Ленина, когда он из передней войдет в комнату корректора; а утром чуть свет выносили

газеты и раздавали встречным рабочим, указывая на статью Ленина.

Вспоминаю такой эпизод — сидя в тесном кругу, молодой студент сказал, посмотрев на часы: «Вот сейчас за своим рабочим столом в Териоки сидит Ленин и собственноручно пишет на конверте: Петербург, Гороховая ул., д. 24, кв. 20, Кикодзе Илье Григорьевичу...» Действительно, в определенные дни Ильи получал корреспонденцию от Ленина и передавал ее по адресу.

В одно осеннее утро 1906 года упомянутый ранее гимназист Лад¹ взволнованный прибежал к сестре и, запинаясь, еле выговорил: «Ленин меня узнал, поздоровался со мной... Я ничего не мог сказать, был смущен от большого счастья».

Во всех своих выступлениях Ленин проявлял себя настоящим педагогом и величайшим воспитателем масс, но кто его не видел на диспуте, в дискуссиях, тот не может представить красоту и силу его гения.

Не могу не вспомнить одно предвыборное собрание в Петербурге, в зале Паниной. Осенний вечер, вся молодежь не идет, а летит; в трамваях весело, шумно, слышны остроумные реплики. Приехали — зал набит людьми; через несколько минут были полны и все смежные комнаты, проходы. Сидим. Проходит час, два, три. Идут страстные прения, в которых принимают участие лучшие силы всех тогда существовавших партий. Один блестящий оратор сменяет другого. Нас кроют, бьют... Ленина не видно, волнуемся, не случилось ли с ним что-нибудь. Пишем товарищам на сцену записку — они оттуда знаками показывают его в зале. Но он, видимо, не думает выступать, у него на коленях толстая книга, в руке брошюрка; он что-то в книге подчеркнул, кому-то поклонился, послал кому-то записку, стал читать газету. Нет, он, видимо, не думает выступать. Я и моя подруга опустили головы, настроение упало...

Вдруг раздался знакомый, дорогой голос. На сцене Ленин. Усталая толпа ожила, в массах прошел гул радости, и сразу — могильная тишина. А со сцены падают смелые, сильные слова, сокрушающие противников и наполняющие радостью и гордостью единомышленников. «Г-н Милюков пишет то-то, а здесь говорит другое, вот ответ на его речь, произнесенную с этой сцены. Г-н Чернов говорит... но он не прав». И Ленин начинает опровергать чуть ли не каждое его предложение. (И как запомнил наизусть!)

Гром аплодисментов: в этом помещении не было человека, который думал бы иначе. Слушая Ленина, мы, молодые курсистки, думали, что готовы бросить все и всех и идти только за

¹ Владимир Ефимович Чиргадзе — заслуженный врач, персональный пенсионер, награжден орденом Ленина.

² Эти печатники, когда Ленин жил в Женева, — жили и работали в Териоки, а когда Ленин жил в Териоки, — они жили и работали в Петербурге.

Этим человеком, ибо то, что он говорит, это есть истина, это есть правда, это — то, что нужно каждому человеку. Желających выступать после Ленина никогда не бывало.

Так все блестящие пышные речи предыдущих ораторов поблекли перед безыскусственной простотой, логикой и мощью речи Владимира Ильича — они ведь неоспоримы. Исход собрания был решен...

Мы были счастливы, когда узнали, как похвалил нас Ленин за нашу находчивость. Был арестован Петр Иванович; мы срочно должны были сообщить ему важные сведения в связи с его арестом. При передаче постели и белья мы, не долго думая, взяли белое полотенце и вышили на нем косой гладью: «Дорогому Пете на добрую память от Лейбнахе» (по-грузински — посмотри тюфяк). А в тюфяке были нужные сведения. Ленину это понравилось.

После установления Советской власти в Грузии Владимир Ильич спросил Авеля Енукидзе, вернувшегося из Тбилиси в Москву: «Петр Иванович и две грузиночки с нами или против нас?»

Когда в 1924 году разнеслась ужасная весть о смерти Ленина, я как сумасшедшая выбежала на улицу, еле сдерживая рыдания, побежала в Наркомпрос к М. П. Микеладзе (петербургская студентка тех времен). Она сидела в своем кабинете у стола. Я приоткрыла дверь: увидев меня, она начала рыдать, а я от двери не могла отойти, там же села, рыдая. Горе было велико. Не сказав друг другу ни одного слова, мы разошлись.

Нас, видевших Ленина в Петербурге, осталось очень мало, но и сейчас, при встрече, если начинаем говорить о Ленине, перебиваем друг друга воспоминаниями, рассказываем взволнованно, с увлечением, как будто все это было вчера, а не 60 лет назад.

С о р а т н и к Л е н и н а

Главы из книги

1

С полдня свинцом наливается затылок. Непосильная тяжесть давит на голову, зажимает ее в тиски. Кровь как бы с наугой прорывается в стиснутых мозговых сосудах. В ушах звон. Перед глазами мушки, круги, черт-те что...

В марте головокружения чаще, сильнее. Степан теряет сознание на собрании Берлинской группы РСДРП. Первую помощь ему оказывает и любезно отвозит на фазтоне домой студент-медик Яков Житомирский.

Давно он ищет дружбы Шаумяна. По долгу службы. Приказ начальника «Заграничной тайной агентуры» департамента полиции. Житомирский — сотрудник со стажем. Едва переступив порог медицинского факультета, он занялся информатором в берлинскую полицию. Двести пятьдесят марок ежемесячного вознаграждения. А незадолго до приезда Степана в Берлин немецкая полиция переуступила старательного информатора русской охранке. Там и жалованья прибавили. И награды за особую подлость. К концу своей пятнадцатилетней карьеры провокатора врач Житомирский — один из самых дорогих «сотрудников»: в месяц две тысячи франков...

Хлопочет Житомирский. С превеликим старанием оказывает первую помощь Степану, проявляет максимум заботы. «Разрешите, я навещу вас завтра до полудня... Нет, нет, это моя первейшая обязанность! Не забывайте, я без пяти минут врач...»

Лечь Степан не стал. На следующий день в шесть часов утра он, по обычному своему расписанию, за столом — читает, конспектирует. Дел — до поздней ночи.

Степан не признается даже Кетеван. Уверяет ее, что нет никаких причин для волнения. А боли почти не отпу-

— Новая книга писателя И. Дубинского «Степан Шаумян» выходит в серии «Жизнь замечательных людей». Москва, «Молодая гвардия».

скают. И головокружения!.. В таком состоянии много не поработаешь. Может быть, действительно воспользоваться советом Мартына Лядова?

Из берлинских знакомых Мартын Николаевич самый яркий. Организатор первых в Москве революционных кружков, образованный марксист, литератор. Лядов советует съездить в Швейцарию, побродить в горах и... совместить приятное с полезным.

«Полезное» — не то слово! Острая потребность, стремление, мечта — уж куда точнее.

На новогодней дружеской пирушке Степан не стерпел, поднял тост: «За человека, вооружившего нас отменной лодией, за автора книги «Что делать?»! Вполголоса добавил: «Эх, поговорить бы с ним!»

Позже Мартын Николаевич с глазу на глаз поделился со Степаном:

— По многим признакам полагаю, что «Н. Ленин» новый псевдоним Владимира Ульянова. Многие из того, что я прочел в книге, высказывал Ульянов на встречах с марксистами Москвы и Питера. Толковал во время переговоров с группой Плеханова об издании за границей революционной газеты и научно-политического журнала. Наконец, страницы «Искры», «Зари» — одна рука!

Степан молча кивнул, боясь помешать Лядову договорить до конца. Тот продолжал:

— Я перебрал в памяти, кажется, всех наших теоретиков. Закключаю, это может быть только Ульянов. Дай ему бог здоровья!.. Большой физической силы в нем не заметил...

Последнее, что Степан знает от Лядова — Георгий Валентинович Плеханов категорически настаивает на самом срочном переезде всей редакции «Искры» из Лондона в Женеву. Против голосовал один Ленин. Переезд предрешен. И еще мелькают сообщения, что Ленин выступает в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе с рефератами против эсеров.

Так что воспользоваться советом

Мартына Николаевича? Двинуть в Швейцарию?

Кетеван в восторге.

— Поезжай, отдохни, нельзя так мучать себя!

По неписаному закону все приезжающие в Женеву российские социалисты ищут первого пристанища на авеню дю Майль, 15. В пансионате Морхардта. Степан, как все, — с вокзала в пансионат.

В вестибюле бросается в глаза визитная карточка врача Р. М. Плехановой. Степан нетерпеливо осведомляется у соседа Бонч-Бруевича:

— Что еще за Плеханова?

Владимир Дмитриевич с притворным испугом всплескивает руками.

— Да вы совсем не просвещенный студент! Розалия Марковна хозяйка того дома, куда вы сегодня намереваетесь робко звонить. Она вас и подбодрит... Супруга Георгия Валентиновича! К тому же толковый врач и славный человек.

В этом Степану очень скоро приходится убедиться. То ли он слишком нервничает во время затянувшегося разговора с Георгием Валентиновичем, то ли просто не хватает сил дольше крепиться — повторяется берлинская неприятность. В себя Степан приходит в кабинете Розалии Марковны. Первое, что слышит:

— Теперь я только врач. Извольте слушаться! Сколько вам лет?

— Скоро двадцать пять. Я отец двоих детей...

— Тем более! Завтра же вы отправитесь в санаторий... О деньгах не тревожьтесь, вернете, когда сумеете.

От денег Степан решительно отказывается. В основном готов подчиниться. В горах — в скромном санатории или дешевом пансионате — куда лучше ждаться. Ленина в Швейцарии еще нет. Приедет обязательно. Плеханов похвалился, его заслуга, он настоял, чтобы «Искра», наконец, была под рукой. Что еще из этого выйдет?

В русском клубе — библиотеке, подаренной эсдекам издателем Г. А. Кулиным, — Степан слышит рассказ, полностью подтверждающий догадки Мартына Лядова.

В Париже на совершенно законных основаниях существует Русская высшая школа общественных наук. Для благонадежных российских студентов, проживающих за границей. Дирекция школы неутомимо демонстрирует свою глубокою неприязнь к революционным марксистам. В феврале совет профессоров, говоря, не без давления слушателей, постановляет пригласить для чтения курса лекций по аграрному вопросу известного марксиста Владимира Ильина, автора легальных книг «Раз-

витие капитализма в России» и «Экономические этюды».

Господин Ильин приглашение принимает. В назначенный день приезжает в Париж, жалует в школу. Некие чины узнают в господине Ильине... Владимира Ильича Ульянова — раз, Н. Ленина — два! Дирекция объявляет, что лекции отменены. Студенты ни в какую. Грозят демонстрацией. Как быть? В Париж казаков не вызовешь... Ленин подымается на трибуну. Начинает читать свой курс. Назавтра — продолжение. Так несколько дней. Студенты благодарят: «Ваши лекции для нас настоящий праздник». Во французских газетах язвительные заметки, пересмешишки стараются... Из Петербурга в Париж командирован чиновник особых поручений при директоре департамента полиции. Что последует за его докладом?..

Перед отъездом в санаторий Степан на набережной реки Арвы сталкивается лицом к лицу с Ваню Арутюновым, первым приятелем по детским играм, товарищем по кружку и журналу «Цицацан». От Ваню секретов нет:

— Как только Ленин обоснуется в Женеве, ты посылаешь мне депешу, одно слово — приезжай!

— Не беспокойся, — обнадеживает Ваню. — Я все узнаю, где остановился, когда бывает дома, но пойдем мы вместе.

Вместе так вместе.

Ленин по обыкновению поселяется в пригороде. В рабочем поселке Сешерон. Снимает отдельный домик на улице Шмэн дю Фуайге, 10. Внизу большая кухня с каменным полом. Она же столовая и гостиная. Деревянная лестница ведет в комнатушки. В каждой — железная кровать, застланная пледом, стол, несколько стульев. «Недостаток мебели, — замечает Надежда Константиновна, — пополюлся ящиками из-под книг и посуды».

Приход незнакомых кавказцев несколько не удивляет Владимира Ильича. Он наклоняется, протягивает согнутую в локте руку. Прищуривает темно-карие глаза. Синяя косоворотка навыпуск придает его коренастой фигуре какой-то особенно домашний, «российский» вид.

— Прошу садиться! Я сию минуту.

Наливает чайник со свистком, ставит на огонь. Пододвигает свой стул поближе к гостям. Пристраивает руки на коленях. Правой изредка пощипывает бородку, удлиняющую его скуластое лицо. Глаза немного скошены на Степана и Ваню.

Беседа, начатая с житейских, быденных вещей, быстро перебрасывается на кавказские дела. Владимир Ильич время от времени короткими репликами возвращает к самому существенному.

Степан рассказывает, что совсем недавно в Тифлисе благополучно прошел Первый съезд социал-демократических организаций Кавказа. Одобрен интернациональный принцип построения партии. Избраны Кавказский Союзный Комитет РСДРП и делегаты на Всероссийский съезд. Им дан строгий наказ отстаивать программу, разработанную «Искрой». Что же еще? Объединены грузинская газета «Брдзола» и армянская «Пролетариат» в одну «Борьба пролетариата» — «Пролетариатс брдзола». Каждый номер на трех языках.

— Я не ошибаюсь, Вас «улучил» наш милейший Лалаянц? — быстро спрашивает Ильич. — Вы учились в рижском Политехникуме? Вы автор «Манифеста» в первом номере «Пролетариата»? Ну-ка, выкладывайте!

— Виновен по всем статьям. Один из четырех соучастников... Если позволите, Владимир Ильич, я выскажусь немного шире, не только об объединении газет, хотя и это заметный шаг в желанном направлении. Эдеки кавказских губерний с особым сочувствием следят за ярим боем «Искры» против Бунда. По той простой причине, что на Кавказе, грубо говоря, действуют сразу несколько Бундов. У нас масса искусственных национальных перегородок, убийственных для пролетариата нарочитых обособлений. И множество партий, «национальных течений», враждующих групп и группочек внутри каждого народа. Попробую пояснить примером из наиболее близкой мне действительности. Армянские землячества за границей помню «Дашнакцутюна» — того же хорошо знакомого сионизма, только слегка окрашенного революционным цветом и еще более злобного, — раздрают три люто соперничающие «партии». Все именуют себя социал-демократическими, прямыми наследниками Маркса. Говорить — так все. Самая злобредная, не имеющая никаких — ни социальных, ни теоретических устоев, — группа некоего Палаяна — пользуется постоянной поддержкой глубоководжаемого Георгия Валентиновича. Под его идейным покровительством издается в Женеве газета «Социализм», рагующая за создание независимой, всемирной армянской социал-демократической партии, в которую бы вошли армяне Кавказа, Турции, Персии, Египта, Америки. Размах вселенский, и ни единого слова о диктатуре пролетариата!..

Глаза Ильича становятся все более жесткими. Он хмурится, порывается вскопчить. Но знает Степан, что слова его разбередили Ильича, вернули к недавним острым спорам с Плехановым. До чего противился Георгий Валентинович! Обижался, грозил отставкой — все, лишь бы не вносить в программу

требование диктатуры пролетариата. Как же далеко это зайдет?

— Вы выдались, говорили с Георгием Валентиновичем? — чуть повысив голос, спрашивает Ленин. — Знаете его доводы?

— Дважды ходил. Выслушан. Получил подтверждение — Георгий Валентинович действительно считает Палаяна своим «другом и учеником»...

Входит Надежда Константиновна. Знакомится. Шутливо журит Ильича: «Уморил гостей разговорами!» Принимается разливать чай по кружкам. Ильич обнадеживает:

— Съезд не за горами. Бунд положим на обе лопатки... Будет у нас общероссийская пролетарская партия с марксистской программой, революционной тактикой, единой волей и железной дисциплиной!

2

Земляки торопят Степана с возвращением. Он и сам рвется в Тифлис. Уже совсем твердо установлено: две коротких поездки в Дрезден и Лейпциг с рефератом «Наши тактические расхождения», и Степан вправе покинуть Германию.

В Лейпциге и настагает телеграмма из Женевы. Явиться без промедления. По архиважным кавказским делам.

Это давний план Владимира Ильича — учредить редакционную коллегию, или, быть может, лучше назвать ее постоянной Комиссией ЦК по изданию книг, листовок, воззваний на национальных языках. Встречи с Шаумяном сняли последние сомнения. «Мы усиленно думаем теперь, — делится с Кавказским Комитетом Ленин и Плеханов, — об организации здесь издания грузинской и армянской литературы. За это звались компетентные товарищи; деньги надеемся найти».

Новая издательская фирма обретает пристанище на Рю де Розари. Генеральный директор месье Степан склоняется вместе с наборщиками над кассами с диковинными для европейца шрифтами. Правит корректуры, редактирует. И много часов — на заре и за полночь — переводит. Еще в Берлине он начал переводить с оригинала «Манифест Коммунистической партии». Заканчивает, сдает в печать и сразу же берет за «Наемный труд и капитал» К. Маркса. Затем за книгу К. Каутского «Экономическое учение», за «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

На конец месяца назначена отправка тиража первой книги. Через Балканы в черноморские порты Турции, оттуда на фелюгах с апельсинами, табаком и кожей в Багум, Поти. Или из Швейцарии в Персию. Дальше с верблюдскими

караванами в Ереван, Тбилиси и Елизаветполи.

Первая книга. Маленький формат, тонкие листы — все, чтобы сразу укрыть от чужих глаз. Предельно скромный заголовок: «Извещение о Втором очередном съезде Российской с.д. рабочей партии». В действительности огромный труд. На двух языках: Программа РСДРП, устав, резолюции, написанные Лениным — «О месте Бунда в партии», «Об отношении к учащейся молодежи» и др. Все о съезде, положившем начало революционной марксистской партии. «Большевизм, — по исчерпывающей оценке Ильича, — существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года».

Второй транспорт — «Коммунистический Манифест» для армянских читателей; «О войне» — для грузинских. Для тех и других — «Русскому пролетариату», «Первое мая»...

Третий транспорт. Четвертый... Бог знает сколько! Через моря, горы, песчаные, обожженные солнцем пустыни.

И ко всему существенная подробность. На последней странице каждого издания броским шрифтом женевский адрес Ленина. Просьба обращаться к нему с вопросами, замечаниями, дружескими советами.

...В Санкт-Петербург. Директору департамента полиции. Долгожданные вести.

Из Волочиска:

«Секретно.

Согласно циркуляров от 22 марта и 28 августа 1903 г. за №№ 2906 и 7920 на пограничные пункты, имею честь донести, что сего 29 марта 1904 года возвратился из-за границы Степан Геворков Шаумов (Шаумянец).

При тщательном досмотре его багажа предосудительного не обнаружено.

Об изложенном мною вместе с сим сообщается начальнику Тифлисского охранного отделения.

За начальника отделения Киевского жандармского полицейского Управления железных дорог ротмистр (подпись)...

Из Тбилиси:

«Совершенно секретно.

...Доношу Вашему Превосходительству, что бывший студент, тифлиссский гражданин Степан Геворков Шаумян 8-го апреля сего года прибыл в гор. Тифлис.

Наблюдением установлена его связь с несомненными деятелями местной социал-демократической организации...

Начальник Охранного отделения (подпись)...

Чины отдельного корпуса жандармов достаточно в курсе дела.

Рукою Миха Цхакая в «памятной

книжке»: «Самоотверженно с нами вместе Степан ринулся по дорогам и тропинкам, по ущельям и оврагам многонационального края».

Два филера, «освещающих Шаумяна», сбиваются с ног. Теряют след.

Восемнадцатого числа Степан напоминает о себе. На Головинском проспекте у дворца наместника демонстрация. Мастеровые, кустари, студенты — городской тифлиссский люд. Над головами кумачовые полотнища. Возгласы на русском, грузинском, армянском, татарском, персидском языках.

В ораторе, недвусмысленно провозглашающем: «Долой самодержавие! Да здравствует революционная Россия!», «Да здравствует Первое мая!», шпик узнают своего подопечного Шаумяна. В диком восторге бросаются к нему, чтобы скрутить руки. Мастеровые обивают, выиг заталкивают в толпу. В «Журнале донесений» вымученное признание: «От дальнейшего наблюдения скрылся»...

Жандармский подполковник Шабельский начинает опасаться за свою карьеру. На новый запрос департамента полиции ничего утешительного ответить нельзя. Как снег на голову сообщение из губернской Кутаисской тюрьмы — от прокуратора, посаженного в камеру к «политическим». В начале мая в Тбилиси около недели работал экстренный съезд кавказских эсдеков, «между большевиками, как оратор крайнего направления, выделялся «Студент». Заключенные называют его также «Степан». По всей вероятности, эмиссар проживающего за границей Ленина...».

Степану впервые приходится так жарко схватываться со вчерашними друзьями-единомышленниками. А характеры у всех легко воспламеняющиеся, кавказские. С особой силой страсти вспыхивают, когда на обсуждение съезда в сущности ставится — подчинить ли всю свою жизнь революции, готовить ее с оружием в руках или исподволь, особенно не рискуя, в светлых перчатках для визитов?!

Официально сформулировано довольно хитро:

— Допускать ли вооруженные демонстрации, почти всегда требующие жертв?

— Оправдан ли огромный риск, связанный с выпуском нелегальной литературы в Тифлисе? Не лучше ли перенести издание газеты «Пролетариатис брძოლა» за границу? Ни жертв, ни провалов. На худой конец потеряться транспорт-другой, беда не так уж велика.

Эффектная спекуляция на гуманности и человеколюбии отмечается съездом. Революционная партия не вправе отказываться от вооруженных demonstra-

ций, вооруженных восстаний — сила против силы! Быть при Кавказском Союзном Комитете военно-революционной организации.

И газету съезд запрещает трогать. Трагедия «Искры», вероломно захваченной меньшевиками, не повторится. Лисью идейку издавать кавказскую революционную газету за границей делегаты объявляют «формально неправильной и по существу нежелательной». Редколлегия газеты — в нее избран и Степан — обязана работать в Тифлисе.

Ближе к осени Кавказский Комитет направляет Степана в армянские уезды Тифлиской, Эриванской и Бакинской губерний. Он начинается с хорошо знакомого Лорийского нагорья, с медных рудников и Алавердского завода. Самого крупного или даже единственного промышленного центра армянской провинции. Подольше задерживается в Эривани. Добирается до границ с Турцией и Персией. Протягивает руку одиночкам, ощупью ищущим связь с революционным подпольем. Впервые объединяет разбросанные там и здесь социал-демократические группы, кружки, связывает их с партийным центром края.

...В Тбилиси за Степаном снова «хвост». Начальник губернского жандармского управления делится своими соображениями с департаментом полиции: «Шаумян изобличается в государственных преступлениях вполне достаточными данными формального дознания. Откладывать изъятие его на более поздний срок представляется нецелесообразным».

«Откладывать никак нельзя!» — с горечью убеждается Степан. Уехать... Снова расстаться с Кетеван, оставить ее одну с детьми! Полгода назад родился третий ребенок — сын Левон... Остаться?.. Не сегодня, так через день-два схватят на улице или ночью ворвутся, перевернут все вверх дном, перекупают детей!.. Все слишком мучительно!

Одно утешение. Дела на Кавказе значительно улучшились. Член Центрального Комитета Розалия Землячка, приезжавшая по просьбе Владимира Ильича, только что отравила сообщение: «На Кавказе нами одержана полная победа».

В десятых числах октября Степан в районе Ломжи-Сувалок пересекает границу.

Студент Шаумян возобновляет занятия в Берлинском университете. Слушает лекции самых значительных немецких профессоров: Вагнера — «Внешняя торговая политика», Вебера — «Германия как индустриальное государство», Зиммеля — «Социология как учение о формах общества», Шмоллера — «Об экономическом и правовом положении современного рабочего класса», Лассона — «Учение Гегеля».

И сам выступает с рефератами в университетских городах Германии и Австрии. Не дает слуху кавказским националистам. Для них он враг номер один. Всегда! Годы ничего не изменят. Хотя... От словесных угроз и проклятий в запальчивости националисты всех марок перейдут к хорошо обдуманному заговору, провокациям, покушениям. Подготовят и осуществят трагический финал..

В Берлине помимо университетских занятий есть, или даже преобладают, дела конспиративные, совсем тайные. Степан строго держится правила: «Что нельзя знать врагу, не открывая другу». Сам не открывает и без крайней нужды не расспрашивает товарищей. Так в случае провала лучше друзьям и самому легче держаться на допросах.

Кое-что проскальзывает лишь в письмах к Ленину. Они все чаще, значительнее. Владимир Ильич их никогда не оставляет без внимания.

3

Назавтра, двадцатого июня 1905 года, в Тифлисе назначена всеобщая забастовка. Требования самые насущные: освободить «политических», упразднить военные патрули, вооружить народную милицию, запретить «обчество патриотов» — наспех сколоченные священником миссионерской церкви Филимоном Городцевым «черные сотни» погромщиков и убийц.

— Вы должны знать, — обращается Степан к бурлящей, возбужденной толпе, — дикая армяно-татарская резня в Баку, Елизаветполе, Шуше, бессмысленные трагические столкновения, то и дело возникающие у нас в Тифлисе, — это ответ даря на русскую революцию. Мы, эсдеки, говорили вам об этом и раньше. Кто верил, кто — нет. Теперь я держу в руках признание самих властей. Секретный доклад недавно назначенного директора департамента полиции Комитету министров. Слушайте, что предлагает для спасения самодержавия господин Лопухин..

К Шаумяну энергично протискивается мужчина почти совсем квадратный, краснойлицый, с перебитым носом. Издает вопит:

— Долой! Не слушайте предателя! Откуда он знает царские секреты? Татыры на Майдане научили, да?!

Степан громче обычного:

— А! Явился кулачный герой господин Хажак! Новонаятая надежда дашнакцаканов!..

Смех. Крики. Хажак быстро опускает руку в карман. На него наваливаются два молотобойца из Главных железнодорожных мастерских, отнимают револьвер. «Проваливай, гад!».

Степан продолжает:

— Отчего же, вопрос интересный. Действительно, откуда поступают ко мне царские секреты? На документе вот написано: «Составлен исключительно для высших государственных установлений»... Есть русская поговорка — свет не без добрых людей. И в петербургском высшем свете случается порядочный человек. Снял копию для нашего Ленина. А уж Владимир Ильич обернул отравленное оружие против его владельцев. В тысячах экземпляров обнаруживал план гнуснейшего заговора самодержавия против народов России. Я читаю на странице второй всеподданнейшего доклада господина Лопухина: «Все оказалось негодным... с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ».

Дальше на странице третьей — продолжение унылого признания, засим программа действия:

«Ослабли пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную, расовую вражду, надо организовывать «черные сотни»... надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народа».

Ответ Ленина простой, короткий. Вам придется по душе: «Мы тоже стоим за гражданскую войну... Да здравствует гром пушек! Да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!»

Тбилиси охвачен всеобщей забастовкой. Замирают порты в Батуми и Потии. Покидают рудники добытчики марганца в Чиатура. Железнодорожники узловой станции Михайлово разбирают пути у Сурамского тоннеля. Прерывается связь Черноморья с Каспийским побережьем. Перепуганный наместник испрашивает разрешения объявить военное положение. Свистят казачьи гайки, трещат залпы. Впереди события еще более кровавые.

В августовский тягостно душный день пять казачьих сотен окружают городскую управу. В зал заседаний, переполненный делегатами тифлиских заводов и Закавказской железной дороги, врываются полицейские. Приказ — «Немедленно разойтись!» Никто не двигается, да и бесполезно. Проходы уже забиты спешными казаками. На делегатов наведены карабины. Стреляют в упор!

На грохот залпов к зданию управы сбегаются толпы горожан. Стрельба, рукопашные схватки. Шестьдесят человек убито. Свыше двухсот тяжело ранено, искалечено. «Луки человеческой крови стояли на тротуарах до вечера», — пишет матери свидетельница расстрела писательница Леся Украинка.

Ночью в нелегальной типографии большевиков вблизи Метехского тюремного замка на трех языках печатается прокламация: «Льется кровь, готовьтесь к восстанию!».

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!» — выстукивают телеграфисты по всей Закавказской железной дороге.

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию», — подхватывает общероссийская газета большевиков «Пролетарий».

Нет, это еще не восстание. Даже не генеральная репетиция. Просто человеческая потребность обуздать, скрутить руки громилам. Против «черных сотен», полиции и казаков — рабочие дружины. Со своим во всех смыслах народным оружием, изготовленным в тайных мастерских Камо.

В руках рабочих бомбы! «Которые, — по горячему сочувственному отклику Ленина, — в Тифлисе 26 сентября нагнали такую панику на казаков и солдат». От обороны к нападению! — немедленно зовет Ильич, ссылаясь на опыт Кавказа и Польши.

Бомбы действуют отлично. Потрясают основы. Заведующий полицией на Кавказе генерал-лейтенант Ширинкин дрожжащей рукой уведомляет наместника: «...Происходящие события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами государственности».

А наместник генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, по законам цепной реакции, не щадит обожаемого монарха. Напрямик выкладывает Николаю Второму: «Несомненно, что все движение имеет явно революционный характер с ярко определенной социал-демократической окраской большевистского тона».

Граф знает об этом из первых рук, слышит из первых уст. От лидера меньшевиков Исидора Рамишвили. В дневнике издателя и главного редактора петербургской монархической газеты «Новое время» А. С. Суворина есть запись:

«Рамишвили бывал у Воронцова и чай пил.

— Люди с такими чистыми глазами не обманывают, — говорила об этом Рамишвили графиня Воронцова».

Сегодня чай у наместника. Завтра банкет в складчину с социал-федералистами и дашнакканам по случаю дарования царем манифеста о «свободах». Банкеты, приемы — до конца октября все вечера расписаны. Покая нет и днем. Демонстрации, митинги, наэлектризованная толпа. Выступай, спорь с большевиками, доказывай в сотый или тысячный раз, что революция уже закончена. Слава всевышнему, нет никакой нужды в бомбах, восстаниях!..

Напрасно Николай начертал на всеподданнейшей записке наместника: «Отказываюсь верить этому невероятному известию». Решительно все подтверждает сообщение графа. Тон задают большевики. Восемнадцатого октября — в день опубликования в Тбилиси манифеста — они вывели на Головинский проспект и Дворцовую площадь тридцать тысяч человек. Девятнадцатого — около семидесяти тысяч. Двадцатого — все семьдесят тысяч. Такой аудитории Степан еще никогда не имел. Выступать приходится каждый день, по несколько раз. Филеры и сами ротмистры все аккуратно заносят в «журнал донесений» — время, место, зловерное содержание.

«Октября, 20 дня... Степан Геворков Шаумян с ограды Дворцового сада... Речь крайне вредная для общества. Подстрекает к ниспровержению государственного строя. Начинает с того, что революционная социал-демократия никогда не верила самодержавию. Заканчивает требованием: «Надо строиться в колонны, надо готовиться всеми силами, всеми средствами, чтобы скорее положить конец двуглавному чудовищу».

На каждой странице «журнала донесений» страхи и ужасы. «Означенный дворянин Орджоникидзе заканчивал свои речи отвратительными призывами: «Долой Николая Второго, дзирс Николюзи!».

«Учитель Самуил Буачидзе обратился к огромной толпе крестьян горной Имеретии: «Да здравствует демократическая республика! Вступайте в «красные сотни», берите в руки оружие!».

Дружинники деликатного, хрупкого с виду Буачидзе — его с легкой руки Владимира Ильича больше знают под именем товарища Ноя — заходят среди бела дня в казначейство города Квирилы, бережно складывают в казенные кожаные мешки, запечатывают двести одну тысячу рублей. И в самом хорошем виде присылают в Центральный Комитет РСДРП. Для закупки за границей винтовок, пистолетов, бомб.

Степан склоняет друзей обзавестись еще одним видом оружия. Формальное разрешение должен все-таки дать наместник.

— Пустяки, это я беру на себя! Кстати, занесу графине какого-нибудь золотого барашка в бумажке... — посвящает Степана в тайну деловых отношений его вновь обретенный компаньон Николай Тамамшев. Фигура весьма колоритная. Бог знает откуда появившись в Тбилиси, он быстро становится одним из самых преуспевающих воротил. Владелец многих торговых предприятий, фабрик, типографии. Теперь ему неудержимо хочется стать... редактором революционной газеты. Предлагает деньги, типографию. На худой ко-

нец согласен делиться славой с Шаумяном: «Ну, так пусть будут два редактора!».

Степан, несколько сгущая краски, предупреждает о весьма возможных последствиях:

«За наши большевистские статьи вас ждет тюрьма, Сибирь! К чему это на старости лет?»

Тамамшев настаивает. В первых числах ноября он подает наместнику ходатайство о разрешении ему издавать ежедневную газету «Кавказский рабочий листок». В качестве редактора-издателя называет «коммерсанта и мецената искусств, Вашего покорнейшего слугу Николая Тамамшева». Вторым ответственным редактором просит «утвердить кандидата философии Берлинского университета Степана Георгиевича Шаумова».

Граф Воронцов-Дашков дает ходатайству законный ход. Из канцелярии наместника в губернское жандармское управление. Консультанты в голубых мундирах решительно и энергично оказывают немалую услугу Степану. Поймут это через несколько месяцев, когда «коммерсант и меценат» Тамамшев переберется из своего особняка в тюремную камеру. Его осудят на год заключения в крепости. У старика хватит и характера и юмора. Он подаст новое ходатайство наместнику!

«Прошу разрешить мне издание газеты «Вперед», если нельзя, то газеты «Назад»!

Сейчас в ноябре Тамамшеву объявляют, что «собрание справок о Шаумове задерживается. Сובлаговолите назвать другого кандидата в соредакторы».

Большевики подсказывают: «Николай Алиава».

В свой замысел Степан посвящает Владимира Ильича, только что вернувшегося из Швейцарии в Россию. Ответ по обыкновению быстрый. И сразу в восьмидесяти тысячах экземплярах. Сообщение в центральной большевистской газете «Новая жизнь»:

«Двенадцатого начинает выходить наша газета «Кавказский рабочий листок».

Шлите статьи, корреспонденцию немедленно, Тифлис, Ртищевская 2, Шаумяну».

Тбилисцы немного опаздывают. Первый номер газеты появляется двадцатого числа. Редакция, как принято, выступает с программным заявлением «Наши задачи»:

«Диктатура пролетариата... вот единственный выход для России».

И мы убеждены, что эта диктатура осуществится. Слишком долго тянется болезнь общественного организма, слиш-

1 Неопубликованные воспоминания старшего сына С. Г. Шаумяна Сурена.

ком глубоки раны, чтобы залечить их такими микстурами, как Государственная Дума 6 августа или 17 октября. Не помогут и такие доктора, как г. Витте и иные с ним... Руки их, привыкшие наносить народу раны, негодны для лечения, их прикосновение только раздражает, только бередит, их лекарства причиняют боль.

Удалить поскорей этих докторов, убрать поскорей всю их аптеку: штыки, сладкие речи, куцые конституции, открыть доступ для свежего воздуха, сломать стены, преграждающие к больному свет, — вот задачи истинной медицины... Нужна твердая рука оператора, чтобы удалить из тела зараженные части, — и тогда болезнь побеждена.

Оператор этот — сознательный пролетариат. Он уже принял за работу и доведет ее до конца. На помощь ему все, кому дорога судьба народа!»

Власти предельно разъярены. За каждой строкой им видится рабочий с бомбой!.. В губернском жандармском управлении два экземпляра газеты бережно укладывают в досье салатного цвета. Вещественные доказательства «противуправительственной деятельности кандидата философии С. Г. Шаумяна».

Свое полное неудовольствие свидетельствуют и меньшевики. Они сочиняют нечто очень похожее на политический донос: «Тифлисское общество должно знать, что газета, именующая себя «Кавказский рабочий листок» — издание экстремистски настроенных частных лиц, подчинивших своему влиянию высокочтимого господина Тамамшева. Названная газета никоим образом не выражает воззрений последователей научного социализма, безусловных поборников свободы!»

Удар по самому чувствительному месту. «Кавказский рабочий листок» и впрямь орган ничейный. Большевики официально газету еще не признали. Неизвестно, что решит конференция Кавказского Союза РСДРП. Разговоры об экстремистских настроениях, заскоках слышны и в кругах, обычно подерживающих Степана.

Он сам подливает масла в огонь. Отвергает привычные кавказским марксистам суждения о том, что между буржуазно-демократической революцией и социалистической обязательен более или менее длительный перерыв — остановка на полпути. Сегодня на страницах газеты чрезмерное требование «полного сосредоточения политической власти в руках пролетариата». Назавтра слишком поспешный призыв: «Необходимо вооружаться, вооружаться и вооружаться... Необходимо разрушить Карфаген!»

И на самом видном месте крупным шрифтом азбука баррикадных боев — «Записки» военного министра Париж-

ской Коммуны генерала Г.-П. Клюзере. Женевский подарок Ленина. Както Степан нагрянул к Ильичу, когда тот в сущности заново переводил на русский язык воспоминания Клюзере. Озаглавил их «Об уличной борьбе». Написал предисловие и биографию автора. Все поместил в газете «Вперед». Еще напомнил на собрании русской колонии политических эмигрантов: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении». Статья Клюзере, де, необходимейшее завещание парижских коммунаров своим прямым наследникам.

Плеханов и Мартов хихикали: «Что это угроздило Ленина рассуждать о военном искусстве, о технике вооруженного восстания? Уж не метит ли эта эксцентричная натура в главнокомандующие?!». Пока простое злоязычие, шпильки за спиной. Потом Георгий Валентинович назидательно объявит: «Не нужно было браться за оружие!».

Степану не придется узнать другого. Строк Надежды Константиновны:

«Ильич... прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают...»

Служащий «Société de lecture» был свидетелем того, как раненое каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столу у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина, а потом ходил все взад и вперед, и сев к столу, что-то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги.

Плотную черноту ноябрьского вечера разрывают выстрелы. Вспыхивает злая перестрелка между двумя густо населенными районами Тифлиса. Армянским по преимуществу Авлабаром и Харпухи, где главным образом проживают татары. С обеих сторон убитые, раненые. Власти нисколько не медлят. Казки и полицейские перекрывают все подходы к месту боины. Рабочим дружинам приходится силой прокладывать себе дорогу. Одними из первых линии огня достигают юноши и девушки из пропагандистского кружка Шаумяна. «Моя пропагандистская коллегия», — шуточно называет их Степан.

«Среди других наук товарищ Степан выделяет основные законы боя на ули-

цах, на баррикадах, — уточняет участница «пропагандистской коллегии» Фара Кнунияз-Ризель. — Практиковались мы и в стрельбе из револьвера».

И револьверами и бомбами рабочие владеют уже совсем не плохо. Справиться с погромщиками им вполне по силам. «Тифлисский пролетариат поднял свою властную руку, и резня окончилась», — пишет Степан, вернувшись под утро в типографию из района перестрелки.

Опять, как в Женеве, склоняется над наборными кассами, правит корректуру, помогает метранпажу, печатникам. Долгой осенней ночи едва-едва хватает, чтобы переверстать газету, поместить статью — Степан ее диктует прямо наборщику — о претотращенной рабочими дружинами резне между Авлабаром и Харлухи, и отпечатать тираж. В десятом часу утра редактор сам раздает делегатам конференции газеты, основательно попахивающие керосином и краской.

Конференция большевистская — единомышленников, долгие годы связанных узами товарищества. И все, конечно, знают грузинскую мудрую поговорку: друга ругай в лицо, а врага за спиной. У Степана друзей больше, чем у кого-либо из делегатов. Ему и достается как никому другому. С первого часа! За «Наши задачи», за режущий уши призыв: «Да здравствует самодержавие пролетариата!»... За упрямое утверждение: не остановимся на полпути, пролетариат уже руководит революцией, его слово решающее.

Из побуждений самых добрых кое-кто из делегатов зовет не лезть на рожон. Умеет же Степан, напоминают осторожные, отлично пользоваться умолчаниями, недомолвками, эзоповским языком подцензурных изданий. Печатали же он в начале лета в журнале «Молот» прелюбопытное теоретическое исследование «Классы в современном европейском обществе». Дошел до положения пролетариата в российской империи и многозначительно оборвал на заманчивом заявлении:

«История никогда не дает своим верным наблюдателям повода и права быть по отношению к ней пессимистами. Создавая в процессе своего развития неизбежное и необходимое зло, она в то же время выковывает оружие, которое должно нанести удар и уничтожить это зло, проложив дорогу свободному и победоносному прогрессу человечества.

Что это за спасительное оружие, — об этом мы в настоящей статье говорить не в состоянии...»

Каждый понимает, большого автору сказать не дали. Безжалостная рука царского цензора!..

Большим белым платком Степан стирает со лба капельки пота. Покусывает

губы. Сдерживается. Не позволяет себе своих обычных разящих реплик. Отбиться, вызвать смех, сочувствие? Что пользы в этом? Серьезность дела требует, чтобы все высказали свои соображения. В его понимании революционер обязан каждый день, каждый час действовать и мыслить. Мыслить и действовать.

Степан берет слово одним из последних. Во всю свою недюжинную силу обрушивается на приверженцев «незыблемых истин». История, логика борьбы, убеждает Степан друзей, подсаживает марксисту его первейшую обязанность в каждый момент революции трезво учитывать реальные факты. Жизнь неизменно богаче формул.

Ни в коем случае нам нельзя цепляться, безразлично по инерции или по лености ума, за прошлые теории. Вечных догм нет. Самая безошибочная теория суммирует главное и общее только приблизительно, исходя из реальной действительности. Развитие революционного учения — и есть наиболее точное соблюдение его принципов. По самой своей природе большевик не может, не станет держаться застаревших формул.

Сейчас зная большевика — непрерывная революция, сосредоточение всей политической власти в руках пролетариата. Самодержавие пролетариата!

В протоколе заключительного заседания конференции появляется запись вполне исчерпывающая: «Кавказский рабочий листок» — газета наша. Принято ед!!»

Уже декабрь. Страна замерла перед очистительной бурей. Не сгорая, так завтра грянет... Степан торопится. Пишет много, доказательно, зло. В каждом номере на привычном месте статьи Шаумяна. Волей-неволей с утра приходится садиться писать и господину прокурору Тифлисской судебной палаты. Он также строго придерживается давно облюбованного жанра. Лаконично — арестовать!.. Пока еще только газету.

Прокурор требует. Судебная палата не находит в себе силы отказать. Отчего же? Из Петербурга уже доставлены «высочайше утвержденные 24 ноября временные правила о повременных изданиях». Четырнадцатый пункт статьи 71 благословляет — на любой номер газеты свободно можно наложить арест. Против редакторов возбудить уголовное преследование.

Свободы осуществляются без помех. Номер седьмой «Кавказского рабочего листка» конфискован. Назавтра в номере восьмом Степан отстаивает требование — «Восьмичасовой рабочий день и государственное страхование рабочих!» С годами статью признают одним из лучших образцов большевистской

публицистики. Станут часто перепечатывать.

Но сейчас Степану важно сравнить русскую революцию с французской 1848 года и другими европейскими революциями XIX века. Коренное и счастливое отличие в том, что «Великая русская революция совершается под руководством Пролетариата. Осознавший свои классовые интересы, вырвавшийся из-под опеки буржуазии и организовавшийся в самостоятельную классовую партию под знаменем международной социал-демократии, российский пролетариат не только проливает кровь, но и является хозяином в настоящей революции».

Этот хозяин и обеспечит для себя восьмичасовой рабочий день и государственное страхование на случай болезни, инвалидности, безработицы. Обязательные первые шаги, «которые делает воцарившееся на развалинах самодержавия временное революционное правительство».

Тверд в своем мнении и господин прокурор. Арестовать! Номер восьмой конфискован.

Обращение к читателям в номере одиннадцатом:

«Пусть либералы продолжают призывать к поддержке «светлых начинаний» правительства. Мы будем призывать, как призывали до сих пор, к борьбе, к решительной и беспощадной борьбе против самодержавия.

...С самодержавием против народа или с народом, с новым, революционным правительством, против самодержавия.

Да здравствует временное революционное правительство!»

Господин прокурор изнемогает. Арестовать! Арестовать! Все номера подряд — двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый!..

У каждого свои возможности. Покупда судебная палата «в экстренном порядке оцепляет типографию, «пропагандистская коллегия» Степана — расторопные юноши и девушки — большую часть тиража уносят.

Газета меняет название. Вместо «Кавказского рабочего листка» скромный «Елизаветпольский вестник». Его намертво прихлопывают на втором выпуске. Официальные редакторов отправляют в крепость.

Два враждующих класса стоят друг против друга. Уже восстала, взылась за оружие рабочая Москва. В Тбилиси всеобщая забастовка. Муха Цхакая, Степан Шаумян, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава представляют большевиков в Центральном стачечном бюро. Наместник глубокой ночью по военному проводу сообщает Николаю Второму: «Революционеры захватили Закавказскую магистраль, пускают поезда

только по своему усмотрению. Тифлис отрезан от всего края».

К железнодорожникам присоединяются служащие почты и телеграфа, городской управы. Прекращаются занятия в учебных заведениях. Объявлена такса на предметы первой необходимости. Торговля производится под наблюдением продуктовой комиссии Центрального стачечного бюро — в сущности Грузинского Совета рабочих депутатов.

В типографии офицера — газеты «Кавказ» — печатаются многие тысячи экземпляров прокламации:

«Слушайте, граждане! Нет правительства, не может быть и обязанности по отношению к нему! Отныне всякий гражданин великой страны обязан НЕ ПЛАТИТЬ ПОДАТЕИ, НЕ БРАТЬ ПАТЕНТЫ... Граждане! Разгорается война, война беспощадная, по всей необъятной Руси! Пылает Москва, где происходит решительная схватка революции с силами реакции, охвачен пожаром Ростов, часть которого очутилась в руках восставшего народа. И так по всей Руси!..

На бой кровавый и святой, граждане! Да здравствует революция!

Да здравствует вооруженное восстание!».

В Тбилиси уже в самом буквальном смысле военное положение. Город как бы расщелен на две части. На центральных проспектах и берегах Куры войска и черные сотни. У железной дороги, на рабочих окраинах боевые дружины, отряды самообороны с давно отслужившими свой срок берданками, дробовиками, охотничьими ружьями. Главная надежда на бомбы собственной выработки.

Командование военного округа стягивает подкрепления. С трех сторон прибывают кавалерийские полки, команды пластун и пулеметчиков, конные батареи. С утра восемнадцатого декабря пушки бьют по Надзаладеви — главному оплоту восставших. Горят дома. Пластун и пехота штурмуют баррикады, завалы. Несутся в атаку казаки...

Пять суток в общей сложности не затихают жестокие неравные бои. Надзаладеви, район Солдатского базара, Дидубе. Дружинники дерутся до последней. Вместе с мужчинами женщины, подростки. Исход решают пушки и пулеметы карателей. Центральное стачечное бюро объявляет о прекращении боев и забастовки с полуночи двадцать девятого декабря. Тбилиси разделяет трагедию всей России.

Николай телеграфирует графу Воронцову-Дашкову: «С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе». Как будто существует сила, способная изменить вечный закон природы: чем темнее ночь, тем ближе рассвет.

Что же теперь? Ленин отвечает четвертого января 1906 года: — Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа... подготовкой и организации сил в главных центрах движения.

Снова нужны бомбы, снова нужна революционная газета. Две стороны единого целого. Действовать и мыслить, мыслить и действовать — жизнь Степана. Впервые Степан — большевик, подпольщик, «ниспровергатель» — едет в столицу России с официальными полномочиями. Вместо «проходного свидетельства», постоянно напоминающего, что «Степан Георгиев Шаумян следует к месту ссылки и по прибытию обязан явиться для регистрации», в нагрудном кармане Мандат. «Сим уполномочивается в качестве делегата Бакинского Совета...».

Едет в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов делегат Баку Шаумян. Считает, сколько еще дней, сколько еще часов прибавит поезд к десяти годам разлуки с Ильичем.

И тогда — десять лет назад был май, пора весеннего цветения. После долгих, бурных заседаний в церкви Братства на Вальзамической улице старого Лондона — такова прихоть судьбы, чтобы съезд русских революционеров происходил в церкви общества фабричанцев — они отправлялись «подышать» на набережной Темзы. Бродили по Гайд-парку. Закрепляли за собой шутовское прозвище «прогулисты»... Десять долгих, трудных, далеко не всем посильных лет!

В памяти встает одно, другое. «Племянник» Степан как бы держит ответ перед «дядей» Ильичем. Вспоминает свое письмо: «... позволяю себе думать, что я и вся наша родня держим наше семейное знамя высоко и что Вы можете быть спокойны за нашу репутацию». Не слишком ли?

Всяко, конечно, бывало. В чем-то ошибались, в чем-то терпели неудачи. По незнанию, по неумению и просто потому, что человек есть человек и имеет свой характер. А знамя свое революционное бакинская родня из рук не выпускала. Ни одного пятна на своей репутации. Испытание продолжительностью в десять лет что-нибудь да значит!

Едет Степан в Петроград с чистым сердцем. Считает каждый день и каждый час. На Каменноостровском в самом притягательном доме Питера с нетерпением ждет своего старого друга Владимира Ильича.

Белой, совсем удивительной для кавказца ночью Степан выходит из вагона. До утра он с интересом побродит по проспектам и площадям, присядет на ступени Исаакия, насладится свиданием с Невой.

Съезд проходит на Первой линии Васильевского острова. В массивных, просторных корпусах кадетского корпуса. В пустующих дортуарах — общежития для делегатов. От дортуаров длинные гулкие коридоры приводят к Актному залу. Там съезд и будет заседать почти весь июнь.

Делегатов и гостей больше тысячи. На одного большевика — пять эсеров и меньшевиков. Сидят большевики сади тесной группой. С поправкой на всероссийский масштаб та же бакинская картина.

Лощеный, пылкий Иракий Церетели распинается — коалиция или анархия! В России нет политической партии, которая одна согласилась бы взять в свои руки полноту государственной власти... В то же мгновение Ленин восклицает: «Есть такая партия!».

Еще раз повторяет, направляясь к трибуне: «Партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком!».

Круской потом рассказывает: «Неренский после этой речи пролежал без сознания три часа...».

Чтобы подтвердить заявление Владимира Ильича, большевики назначают на десятое число демонстрацию. В самый последний момент две «партии свободы» — меньшевики и эсеры — навязывают съезду решение: три дня в Петрограде не должно быть никаких массовых выступлений — митингов, шествий. Экстренно собирается Центральный Комитет. Мнения расходятся. Бушуют страсти. Побеждает точка зрения Ильича — коли признаем власть Советов, то нельзя не подчиниться постановлению съезда. Никогда нельзя давать оружие в руки противника.

Всю ночь с девятого на десятое члены Центрального и Петербургского¹ комитетов, делегаты-большевики — среди всех и Степан — обьезжали заводы, фабрики, военные казармы. Разъясняли позицию партии. Своеобразная проверка влияния и силы ленинцев. Ни один завод, ни один полк не пошел против.

Степана и Авеля Енукидзе демонстрация застает на Знаменской площади. Никакой надежды пробиться. Да и не хочется. Слишком боязно неосторожным движением вспугнуть чувство, вдруг возникшее в груди и горячим клубком подкатившее к горлу. Не двигаться, не говорить, только жадно впитывать в себя! Ничего подобного никто из них не видал. Такого никогда и не было с того часа, как встал державный город на Неве!

Без малого полмиллиона рабочих и солдат неторопливо, с достоинством несут от окраин к Невскому проспекту и

¹ Свой столичный партийный комитет большевики и в годы войны принципиально продолжали называть Петербургским.

Дворцовой площади знамена всех оттенков красного цвета. На кумаче и бархате золотом, белилами и просто разведенным в воде мелом тысячи и тысячи раз, чтобы никто не забыл, не спутал, не отступил, повторено:

- «Вся власть Советам!»
- «Долой 10 министров-капиталистов!»
- «Хлеба, мира, свободы!»
- «Рабочий контроль над производством!»

Весь воскресный день длится своеобразный, необыкновенно точный референдум. Шагая домой на Петроградскую сторону, Ильич радостно говорит своим спутникам Авелю и Степану:

— Превосходное, исчерпывающее разъяснение — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснение того, как разные классы действуют. Хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше. Буржуазия попряталась...

Ленин замолкает, хмурится. — Опять вы меня втягиваете в политику... Оставайтесь без обеда! Или теперь уже, наверное, без ужина... — Вытаскивает из жилетного кармана часы. — Ай-яй-яй! Нет, уж извольте идти со мной! Авось, при дорогих гостях Анна Ильинична не станет строго взыскивать...

За столом тесновато. Население небольшой квартиры Анны Ильиничны за последние недели удвоилось. Сначала приехала младшая сестра Мария Ильинична — «Медвежонок». За ней Ильичи. Вниманием взрослых не без успеха завладевает воспитанник Анны Ильиничны — Гора. Мальчонка и придает Степану решительности. Едва ли до отъезда представится более подходящий случай выполнить поручение детей. «Ильич поймет!» — подталкивает себя Степан. В руках быстренько оказывается крохотный, аккуратно перевязанный пакет.

— Надежда Константиновна! Владимир Ильич! Еще одно разъяснение отношения масс... Возьмите, пожалуйста!

Ильич растерянно протягивает руку. Степан задерживает пакетик. — Погодите... Я!..

С решающей помощью Горы и Иришиной гонимый пакетик вскрыт. Степан приступает к предписанной ему сыновьями и дочерью Маней церемонии награждения значками.

Никто из них не подозревает, что в июне семнадцатого их долги, долгие беседы решительно обо всем последние. Впереди ни встреч, ни разговоров. Хотя в сентябре Степан еще раз приедет для участия в заседаниях Центрального Комитета...

После воскресной демонстрации-референдума и полного провала «наступления» на фронте — шестьдесят тысяч новых жертв, исчерпывающее донесение генерала Брусилова военному министру: «В полках открыто заявляют, что для них кроме Ленина нет другого авторитета». После этого воскресенья «партии свободы» теряют интерес к заседавшемуся в кадетских корпусах съезду. Всесильный сэр Джордж, посол Великобритании в России Бьюкенен все равно не открывает кредита. Его, разумеется, частный совет — «розовых и красноватых болтунов побокую. Ставить на сильную личность... Судари, почему господин Половцев так долго не получает генеральских эполет?».

Двадцать четвертого числа — на последнем заседании съезд все-таки избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Степан на одном из первых мест по числу поданных за него голосов. Тут же выныривает маленький бакинский Керенский — Сако Саакян. «Степан Георгиевич, конфиденциально, между нами бакинцами. Александр Федорович Керенский имеет некоторые виды. Вероятно, будет формироваться новый кабинет. Могло бы состояться свидание. В приватном порядке, тет-а-тет!»

Степан разводит руками. — Увы, опоздали, Сако. Я принял более интересное предложение... выступить на Путиловском заводе. Готов захватить вас с собой.

Саакяну ехать к путиловцам совсем не хочется. Просто ни к чему.

Гурам КАНКАВА

Рассказы Эдишера Кипиани

Эдишеру Кипиани принадлежит несколько сборников, вышедших на грузинском языке. Выпущенная в 1965 году издательством «Литერатура да хеловнеба» книга рассказов «Девочка, которая не видела моря» (после подготовленного 6 лет назад «Зарей Востока» сборника «На склонах Тенебури») представляет собой по существу первое наиболее полное знакомство русского читателя с этим автором, так как в ней собраны почти все значительные и характерные для творчества писателя произведения. Для рассказов, включенных в сборник, при всем их различии и многообразии как по объему, так и по настроению, по месту действия, по обстановке, характерна одна общая черта: в их художественной фактуре явственно ощущается опытная рука журналиста (Эдишер Кипиани не так давно был известен как плодовитый и квалифицированный журналист). И потому журналистский «налет» на его рассказах вполне объясним.

Писатель моментально нащупывает тему и вырабатывает концепцию; хотя порой он и бывает несколько поверхностным, сюжет в его рассказах всегда динамичен и захватывает читателя; главное назначение рассказов Эдишера Кипиани — повествование, рассказ о событии, включение читателя в это повествование, описание или художественное выражение какого-либо значительного, привлекающего внимание и вызывающего раздумья факта внешнего мира.

Это качество — поиски острого и, если угодно, даже значительного сюжета — выгодно отличает автора сборника от большинства пришедших за последние годы в литературу писателей, которые часто забывают о таком мощном оружии художественной прозы, как интересное,

многозначщее повествование, и переключают свое главное внимание на формальные эксперименты или в лучшем случае — освоение мастерства создания подтекста.

В рассказе «Золотые рысы» мы встречаемся с ситуацией, когда редактор газеты без всякой охоты приступает к чтению рассказа, принесенного молодым автором.

«Редактор кончил читать, но не дал понять этого автору, сидел так же не шевелясь и не отрывая глаз от рассказа.

Прочитанное взволновало его, совсем чуточку, но взволновало... и этого было достаточно...

«Честное слово, я от него этого не ждал, — думал редактор, — никак не ждал».

Даже редактор, профессиональный литератор, оказался взволнованным, прочитав безыскусное описание факта, мимо которого нельзя пройти равнодушно. Этот факт сам по себе ставит этическую проблему. Он заставляет читателя заглянуть в самую глубину своей души, совести и возбудить дремлющие в ней лучшие моральные силы. Этот эпизод и его идейный замысел примечательны для лучших рассказов, включенных в сборник «Девочка, которая не видела моря»: автор разговаривает с читателем на языке фактов, очень обыденных и привычных фактов повседневной жизни. И читатель не может остаться глух к этому языку.

Герой упомянутого нами рассказа, как мы узнаем из диалога, не отвез в больницу ребенка, сбитого чьей-то автомашиной, так как испугался, чтобы на основе объективных показателей (след затормозившей машины на асфальте и т. п.) виновником преступления не сочли его самого. Однако мгновение преступной слабости становится источником горьких

моральных мук, которые абсолютно убедительно мотивированы в рассказе внешней ситуацией. С первого взгляда это кажется парадоксальным, но в конечном счете дальнейшее развитие психологического рисунка в рассказе совершенно оправдано — герой внутренне освобождается от мук совести после того, как редактор несправедливо заподозрил его в том, будто бы именно он и сбил ребенка. Эта ситуация психологически правдоподобна, и автору, таким образом, удается направить моральный гнев читателя в желаемом направлении. Связь рассказанной истории с темой атомной войны весьма отдаленная, но в общем тоже естественная (редактор до чтения рассказа правил статью, в которой повествовалось о том, что мучимый раскаянием летчик, сбросивший на Хиросиму атомную бомбу, постригся в монахи):

«Я не чувствую себя виновным», звучали в ушах последние слова странного посетителя. «Почему людям кажется, что если они покаются в своих преступлениях, — им все прощается? — думал он. — Почему они думают, что жертва — будь то бессонница, или голод, или другие муки — принесет облегчение тому, кто по их милости никогда больше не ощутит ни голода, ни бессонницы?»

Этическая идея, лежащая в основе рассказа, органически объединяет обе эти темы.

Эмоциональное воздействие рассказа «Руки» на читателя тоже опирается на силу факта, известного всем, но в повседневной жизни зачастую забываемого. Этот рассказ без промаха попадает в цель. В нем мастерски решается тема «маленького человека». Просто и точно передана трагедия молодой женщины, обделенной привлекательной внешностью. К ней, как к передовой работнице текстильной фабрики, в цех приходит оператор кинохроники, чтобы сделать достойным широких масс то единственное, чем гордится девушка, — ее профессиональную квалификацию. Уже на месте кинооператор предпочитает заснять другую работницу — более выгрышный благодаря красивой внешности «типаж». На пленку запечатлеваются только руки Мелано, героини рассказа, которые даются крупным планом. А лицо... Оно только несколько мгновений мелькает где-то вдалеке. Да и то потом соседка, смотревшая выпуск кинохроники, говорит, что на экране вообще не заметила Мелано. Читатель с жалостью и сочувствием ожидает развязки, предугадывая, что, исходя из «интересов» картины, к рукам Мелано при помощи небольшой, безобидной манипуляции подмонтировали лицо работницы покрасивее... Но писатель не доводит трагедию до этого. Мелано любит на экране своими лов-

кими и умелыми руками, и это возбуждает ей надежду и счастье.

С позиций человеколюбия, гуманизма, сочувствия к людям, попавшим в сложные жизненные ситуации, написаны рассказы «Девятые врата» и «Девочка, которая не видела моря». Первый повествует о семейной драме, которая для детской души становится чуть не трагедией. Схема этого рассказа более или менее традиционная — муж оставляет семью и женится на другой женщине, так как не может совладать со своей страстью. Автору не хочется, чтобы хоть один из его персонажей оказался виноватым, и ему удается добиться этого — происходящее местами мотивировано весьма убедительно, сложная гамма переживаний героев (особенно жены), которая способствует развитию действия, нарисована писателем детально и правдоподобно, но в то же время далеко не все в нем психологически обосновано. Возможно, это и имеет свое оправдание — ситуация настолько привычна и обыденна, что не нуждается в каком-либо специальном психологическом подтверждении. Но в силу такой немотивированности сам сюжет и психологический рисунок оказываются лишены индивидуальности, а следовательно, и впечатляющей силы. Сравнительно более полно и подробно обоснована изменчивость переживаний мальчика: в финале рассказа читатель испытывает даже подлинное волнение. Причиной его без всякого сомнения является то, что судьба мальчика и его чувства, безусловно, индивидуальны, а отдельные детали или эпизоды нарисованы естественными, но не заранее известными, предполагаемыми штрихами. Это обстоятельство обусловлено тем, что ситуация менее обычна и известна, менее стандартизирована жизнью.

«Девочка которая не видела моря», напротив, производит впечатление на читателя именно в силу своего ярко индивидуального характера и нетипичности. Дело здесь отнюдь не только в том, что тема войны, которая составляет органическую часть художественной ткани произведения, разрешена автором именно в ситуации тыла, а не фронта; читателя гораздо больше волнует то, что рассказанное писателем редчайшее явление — трагическая судьба девочки в том виде, в каком мы знакомимся с ней на страницах рассказа — оставляет впечатление подлинного происшествия, и поэтому все остальные мотивы этого произведения тоже приобретают черты новизны и убедительности.

Для писательской манеры Эдишера Кипиани весьма характерным представляется рассказ «Гобой», — как по специфическим особенностям художественного мышления, так и по своему идейно-тематическому арсеналу. Это произведе-

ние типично для рассказов, разрабатывающих так называемую тематику «маленького человека», которая близка и органична для мировоззрения автора.

На протяжении тридцати пяти лет Дмитрий, гобист оперного оркестра, работал на одном и том же месте и играл одно и то же. Однообразие прожитых лет и исполняемого репертуара обратило для него эту профессию (которая по существу заменила ему личную жизнь) как бы в самый источник монотонности и однообразия его жизни. Из-за этой монотонности он все свое существование считал весьма серым и бесцветным, пока одно происшествие не вывело его из этого состояния «транса». Толчком к перемене послужил случайно подслушанный им на улице диалог.

«— Ты знаешь, кто этот человек?

Дмитрий с трудом удержался, чтобы не оглянуться, но шаг резко замедлил, будто кто-то схватил его за ворот. Удивительно, как это он почувствовал, что эти слова относились именно к нему.

— Кто? — спросил приятный женский голос.

Дмитрий напрягся, словно сейчас решалась его судьба. Внезапно стало очень тихо, и в этой тишине он ждал приговора.

— Без этого человека не смогут начать «Данси», — произнес мужской голос, снижаясь до шепота.

У Дмитрия дух захватило, словно гром грянул среди ясного неба. Радость или чувство, большее, чем радость, пробежало по всему телу. А сердце, этот крошечный комочек, так дернулось и с

такой силой заколотилось в груди, чуть не перевернуло худенького Дмитрия. Залившись краской, он робко оглянулся, пытаясь в толпе отыскать говоривших.

Сзади шли молодые люди, улыбаясь ему. Следом за ними — пожилая чета, наверное, муж с женой, они тоже глядели на него приветливо».

В жизни Дмитрия появляется новая эмоция или новое содержание: ему хочется испытать теперь «собственную силу», выяснить предел своих возможностей — как личности и как профессионала. В тот же вечер, впервые за тридцать пять лет, он опаздывает в оркестр. По его вине представление «Данси» началось с опозданием, и дирижер впервые вынужден был обратиться на него внимание, так как в тот вечер гобой слегка фальшивил. Это объяснилось взволнованностью Дмитрия; после этого он окончательно уверовал в свою значительность.

Несколько слов о переводах рассказов в сборнике, выполненных А. Беставашвили. Следует отметить, что перед переводчиком не вставало особых трудностей. Перевод рассказов Эдишера Кипиани, благодаря простоте их стилистического строя и ясному, естественному построению фразы, не выдвигает каких-либо специфических сложностей. И переводчик хорошо разобрался в особенностях повествовательной манеры автора — он сумел адекватно передать настроение оригинала, сохранить ясность художественного мышления, интимность и непринужденность стиля рассказов Э. Кипиани на русском языке.

Л. ТИХОНОВА

Слушая рассказчика...

Сборник рассказов Григола Чиковани «Под небом Одиши» я читала внимательно и даже придирчиво. Не соглашалась с отбором ряда рассказов, досадовала на некоторые слабые переводы, помечала стилистические погрешности, отдельные неточности, пустоты... В самом деле, почему этого автора представляют русскому читателю не лучшими только его произведениями, а и более слабыми, несколько схематичными, поверхностными и даже сентиментальными. Разве не правильнее было бы знакомить нового читателя именно с лучшими образцами его творчества, такими, например, как «Мидега», «Шони», «Тагу», «Грек». И неужели нельзя было дотянуть уровень всех переводов до лучших в этой книге, таких, к примеру, как, скажем, все та же «Мидега» в переводе Ю. Нагибина, «Почтальон» — М. Лохвицкого... И так ли уж трудно было избежать корябющих слух «золистских кудрей», «вострушек», «биения сердца»... И так далее, и тому подобное.

Вот так или примерно так собиралась я писать об этой книге. Но... Но вот она прочитана. Все это отошло на второй план, и мне хочется говорить только о хорошем. Более того, перефразируя известные строки поэта, у меня в душе растут слова самых высоких и светлых песен.

Почему?

Вечер. Погрескивают дрова в камине. За окном — лиловый вечер и хрустящий снег. У детишек раскраснелись щеки, глаза горят. Они слушают интереснейшие истории о преданности родине, о мужестве, о любви, что сильнее смерти. О верности в дружбе.

Так чудится мне, пока я читаю книгу. И словно я тоже среди этих детишек и слышу негрозливый и добрый голос рассказчика. В самом деле, меня не покидает ощущение, что эту книгу не читаешь, а слушаешь. Она воспринимается не столько умом, сколько сердцем, не глазами, а душой...

Очевидно, это происходит потому, что ничто в простом, безыскусственном повествовании не отвлекает нас от главного — от героя, от того, что он думает, чувствует, от того, как он поступает. А

рисует писатель своих героев крупными, скучными мазками. Он лепит характеры яркие, натуры цельные, с сильными страстями. Таковы Джондо и Вардга, два друга, полюбившие одну и ту же девушку, честные и благородные, пронесшие свое чувство через все испытания («Друзья»); таковы и полюбившие друг друга с первого взгляда Цира и Гау, оставшийся верным своей невесте Мзисе («Шони»); таковы Тагу, Синту и Грек из одноименных рассказов; в них верность любви, долгу, делу, высшая справедливость, доброта и бескомпромиссность — основное в характере.

Все это люди с большой душой и добрым сердцем. Как правило, они молоды и красивы, но если даже они не молоды и не красивы внешне, то их духовный мир гармоничен и прекрасен. И автор явно тяготеет к этой категории героев. Он их любит, он ими любит. И в этом сказывается его видение жизни, его эстетический критерий как художника.

Дже сугубо отрицательные персонажи Гр. Чиковани — тоже натуры сильные, все доводящие до конца, как это случилось с разбойником Караманом из рассказа «Смерть в канаве» и Бецикой Звиадаури («Человек в пещере»). Оба они жертвы своей страсти, доведенной до крайности.

Кстати, и это характерно для творчества Григола Чиковани. Почти всегда он показывает своих героев в кульминационный момент их жизни, когда человек проявляется весь, без остатка, когда его чувства, мысли, поступки достигают наивысшего напряжения.

Колхозный почтальон Муниа, любитель поест и выпить, не лишенный тщеславия, показанный писателем в юмористических тонах, как персонаж «характерный», где-то и в чем-то сродни деду Щукару из «Поднятой целины» М. Шолохова, в кульминационный момент поднимается до подлинно трагедийных высот. Он идет в бой и гибнет, как герой, выявляя тем самым красоту своей души.

Все, о чем рассказывает писатель, воспринимается как реально существующее. Это достигается, на мой

взгляд, очерковой манерой, придающей повествованию достоверность и убедительность. Но в то же время, несмотря на эту очерковость, вернее наряду с ней, рассказы Гр. Чиковани близки по своему духу, складу, отношению к герою и событиям, по какой-то их приподнятости и «очищенности», что ли, от всего мелкого, к народной легенде, сказке. В самом деле, то, как любят друг друга герои рассказа «Шони», разве не похоже на сказку? А Синту и ее смерть, в которой воплотилась беспредельная любовь и верность к возлюбленному, вера в то, что Чонти не погиб и обязательно вернется (и так это на самом деле и происходит), разве не легенда? И в этом смысле, мне кажется, из всех иллюстраций в книге более всего созвучен духу рассказов Гр. Чиковани фронтиспис с мчащимся вдаль габузном коней, устремившимся за Синту. Здесь тоже — единый порыв, устремленность и легендарная приподнятость.

Эта очерковость, сказочность, легендарность как-то удивительно сосуществуют в рассказах Григола Чиковани. Видимо, отсюда, наряду с повседневностью, в них всегда присутствует конфликт. И, как правило, острый, все разъясняющий и ставящий на свои места. Эта гяга к нему проявилась у писателя уже в самом раннем его рассказе «Человек в пещере». Да и в любом другом он присутствует — и в «Лестнице», когда выявляется истинное лицо председателя колхоза — карьериста, и во «Второй семье», где столкновение деда и внука кончается победой нового и т. д.

Я упоминала сейчас один из ранних рассказов писателя. В сборнике «Под небом Одиши» нашли отражение плоды его тридцатилетнего пути в литературе. В него включены произведения разных лет — с 1933 и вплоть до 1963 года. Всего шестнадцать рассказов. Они позволяют судить о жизни Грузии с далекого прошлого до наших дней. Но в книге они идут в обратной последовательности: от нашей действительности — в глубь веков. Как будто раскручивается киноплёнка. Кажется, такой образ есть в одном из дореволюционных рассказов Аверченко.

Такой охват исторических эпох, разных социальных формаций, позволяет проследить эволюцию героя, начиная с защитника Грузии от турецких захватчиков до защитника Советской Отчизны от фашистских полчищ в годы Великой Отечественной войны 1941—45 гг. и до героев колхозных полей, наших современников. Но в чем-то главным, основным, герой Григола Чиковани, как мне кажется, мало в чем изменился. Он все такой же цельный, сильный, чистый, преданный родине, верный в любви и дружбе. И все это преимущественно кре-

стьяне, жители села. Это, надо думать, многое определяет в созданных писателем образах, в природе, чертах характера его героев, не разьедаемых рефлексией, не раздвоенных. Отсюда, думается, их душевное здоровье, цельность натуры, сила страстей. И в этом привлекательность книги, ее, я бы даже сказала, полемичность по отношению к требованию сложности, интеллектуальности, противоречивости современного героя.

Это ощущение не покидает, даже когда читаешь рассказы, так или иначе связанные с военными годами. Они — как далекое эхо войны. Одни из них написаны под непосредственным впечатлением, в те трудные годы, и рассказывают о героизме воинов-грузин, их стойкости, мужестве. Другие — показывают ту пору отраженно. Это — «Порванный мяч» и «Мидега». Пожалуй, наиболее лиричные и тонкие из рассказов Гр. Чиковани. История мальчика, оставшегося в семье за старшего, пиващегося воробьями, чтобы сохранить свою долю хлеба для больной матери и братишки, его мужество и граничная гибель — волнует до глубины души.

Рассказ «Мидега», на мой взгляд, наивысшее достижение автора. «Мидега» заставляет вспомнить такие шедевры русской литературы, как «Холстомер» Льва Толстого и «Ю-ю» Куприна. Но при всем том «Мидега» — явление глубоко современное, национальное.

И перевод этого рассказа — тоже один из наиболее удачных в сборнике. Видимо, это не случайно. Лучшие рассказы писателя и переведены на высоком уровне. Они звучат по-русски естественно, органично, в отличие от тех, в которых непринужденная, естественная интонация, свойственная Гр. Чиковани, порою оборачивается некоторым примитивизмом, схематичностью, сентиментальностью. Это особенно ощутимо в рассказе «Майя».

Но и в нем присутствует то, что отличает все другие рассказы сборника — выражение национального духа грузинского народа, национального характера. В книге «Под небом Одиши» живет душа народа, виден склад его ума, показаны нравы и обычаи грузинского народа. Источник, из которого черпает писатель, — это народ, его история. Этот источник прозрачен, чист и незамутнен. Поэтому книге чужды расслабленность, вялость, неуверенность, инфантильность. Все в ней чисто, ясно, сильно. Если герои любят — то полной мерой, ненавидят — так до смерти и все доводят до конца.

В этом пафос книги, несмотря на неизбежные издержки, о которых говорить не хочется, потому что этот пафос, этот

дух книги — плодотворны. Они служат всегда благородной цели знакомить с душой и национальным складом братского народа.

Я не задавалась целью дать всесторонний анализ творчества известного грузинского прозаика. И, очевидно, многое осталось за рамками этой статьи, о чем можно было и следовало еще ска-

зать. Просто мне хотелось поделиться своими впечатлениями, своим восприятием его рассказов — восприятием русского читателя, которому и адресована выпущенная в Москве в издательстве «Советский писатель» книга Григола Чиковани «Под небом Одиши», сказать о том, что нового она для него открыла.

В мартовской книжке (№ 12) немецкого журнала «Фюр Дих» за текущий год, выходящего в Германской Демократической Республике, под рубрикой «Каникулярный глас «Фюр Дих» помещена богато иллюстрированная статья о Грузии.

Ниже мы печатаем перевод этой статьи на русский язык.

Хроника

СОЛНЕЧНЫЙ КРАЙ — ГРУЗИЯ

Хорошо тому, кто до портового города Батуми, расположенного в юго-восточном углу Черного моря, и до близлежащих вершин Кавказского хребта добирается с севера по железной дороге, на дизеле и электровозом, голос которого напоминает звук сирены океанского парохода. Словно вы хотите этим передать свой привет и уважение белоголовым вершинам. Эта поездка, начавшаяся в Сочи, когда утренняя заря застенчиво цеделует глетчеры, заканчивается близ турецкой границы, когда с запада солнце с неустанной улыбкой насаждает на водную гладь золотые свечи. Перед вами налево — десятичасовой панорамный фильм Кавказа, направо — море, у которого когда-то должен был быть мрачный час рождения и которое, видимо, поэтому называется Черным.

Мы едем по Колхиде, той низменной равнине Грузии, которая оттесняет горы и о которой сказано в греческой легенде: «В этой стране цвели растения сверхъестественной красоты, и ее недра хранили золото. Над пышными садами возвышался сказочный дворец богини утренней зари Эос. Огнедышащие волы с медными рогами пахали плодородные поля, и дракон с железными зубами день и ночь охранял клад обитателей Колхиды — золотое руно. На корабле «Аргос» прибыли туда аргонавты в поисках богатства и славы».

Сквозь эту историю как реальность встают завоевательные походы греков против западно-грузинского государства в первом тысячелетии до нашей эры. Страна с высокоразвитой культурой обработки металла и искусством золотой чеканки сорок раз за свою историю подвергалась грабительским нападениям. И цветущая Колхида снова превратилась в джунгли и малярийные болота. Только Советская власть приостановила этот процесс. За последние 30 лет, благодаря упорному труду, для разведения субтропических культур здесь был отвоеван край величии приближительно с ГДР. Сказочна местная растительность. Деревья растут тут в 5 раз быстрее, чем в центральной России. Бамбук за два месяца достигает высоты 18 метров. Наряду с виноградом, лимонами, апельсинами и мандаринами в этом природном питомнике произрастает прославленный грузинский чай.

В проекте Директив XXIII съезда КПСС предусмотрено для Грузии — провести мелиоративные работы в Колхидской низменности на 90 000 гектаров, увеличить объем производства промышленной продукции в 1,6 раза, выработку электроэнергии — в 1,9 раза, производство грузовых автомобилей — вдвое, шелковых тканей — в 1,4 раза, плодоовощных консервов — в 2,6 раза.

Когда вечером сидишь на Батумском приморском бульваре, вслушиваясь в гул приливов и отливов, сливающийся с многоголосым хором миллиардов камней, которые море отшлифовывало тысячелетиями и теперь выбрасывает на берег, вспоминается одна из сказок «Тысячи и одной ночи». Над нами играют лучи огромных прожекторов, которые окутывают побережье и море фантастическим светом. Но делают они это не для развлечения туристов, а для охраны государства, так как на расстоянии всего в две дюжины километров проходит граница...

К. фон ВИЛЛЕРБЕК

До новых встреч

Случилось так, что много раз бывая в Грузии, мне ни разу не доводилось побывать в Тбилиси. И вот несколько дней я в этом поистине очаровательном городе. Смею сказать, Тбилиси один из прекраснейших и своеобразнейших городов мира. И хотя литература грузинская, поэзия Грузии, грузинское искусство не раз показывали мне этот чудесный город, показывали ярко, так, будто я видел его своими глазами, все равно живое впечатление от встречи с городом забываемо, неповторимо. А сколько впечатлений, запавших в душу, осталось у меня от встречи с Мцхета, Гори, Рустави — от встречи с древним и новым, с вековым и молодым, что можно увидеть на каждом шагу в Грузии.

Пожалуй, особенно дороги мне встречи с моими друзьями — грузинскими писателями. Мы не говорили с ними о дружбе, ибо о том, что есть в сердце у каждого из нас, не говорится вслух. Мы говорили о литературе, о искусстве, о традициях и обычаях народа и, конечно, о том что меня сейчас особенно волнует, — о журнале «Дружба народов»

Я относительно молодой редактор этого старого популярного нашего журнала. «Дружба народов» была организована по инициативе Максима Горького, и вот уже в течение более 27 лет журнал знакомит русского читателя, а через русский язык и читателей всех наших республик, наших друзей за рубежом с лучшими произведениями многонациональной советской литературы.

В этом году наш журнал изменил свой внешний вид, так сказать, свою одежду. Иной стала обложка журнала, более живым его оформление.

Недавно вышел второй номер «Дружбы народов», посвященный в основном Грузии, 45-летию установления Советской власти в вашей республике. В нем читатель найдет и новые стихи Иосифа Нонешвили, Алеко Шенгелиа, Хута Берулава, историко-революционные документы, возвращающие нас к первым годам борьбы за установление Советской

власти в Грузии, в том числе письма В. И. Ленина.

В журнале опубликована статья секретаря ЦК КП Грузии Д. Стурца «Облик Грузии любимой», очерки Георгия Гулия «Абхазские мафусанлы», размышления А. Канцедикаса о народном грузинском искусстве, публикации «Андрей Белый в Грузии», беседа Серги Чилая о современной грузинской литературе, статья Константина Гамсахурдиа «Апология Руставели».

Номер украшают работы грузинских художников Д. Хухуташвили, Е. Ахвледiani, Л. Дзадзамдзе, Н. Месхидзе, В. Торатадзе, З. Лежава.

На обложке журнала — работа Р. Тархан Моурави «Тебронэ идет по воду» (по мотивам грузинской народной песни).

Нас связывает давняя дружба с грузинскими писателями К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, С. Чиковани, К. Лордкипанидзе, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, В. Жгенти, М. Мревлишвили, Д. Шенгелая, А. Мирцхулава, С. Чилая, Г. Натрошвили, И. Нонешвили, Р. Джапаридзе, Р. Маргиани, Х. Берулава, К. Каладзе, В. Шинкуба, Н. Тарба, Гафезом, Т. Донжашвили, Ф. Халваши, Г. Маргвелашвили, О. Чиладзе, А. Сулакаури, Н. Думбадзе, Э. Кипиани и другими.

Сейчас мы ждем от них новых произведений.

Мы собираемся широко отметить юбилей Руставели, посвятив ему не только ряд интересных материалов, но и цветные иллюстрации.

Ныне, в преддверии XXIII съезда КПСС, наш журнал, естественно, старается ответить своими публицистическими выступлениями на живой интерес читателей к коренным проблемам развития экономики, культуры и всей многогранной жизни советской страны.

Мы опубликовали острую статью П. Степового «От околицы до околицы» о проблемах сельского хозяйства, о преобразованиях на селе в соответствии с решениями партии и правительства, о людях — новаторах и их борьбе с кос-

ностью, бюрократизмом, очковитательством, очерк писателя А. Буковского о проблемах хозяйствования на селе, статью заместителя директора по экономике комбината «Трехгорная мануфактура» Е. Гургенидзе о борьбе за качество и рентабельность, о материальном стимулировании труда в свете решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС, размышления инженера-энергетика А. Маркина о перспективах энергетической вооруженности страны вплоть до двухтысячного года.

В ближайших номерах журнала появятся новые интересные материалы к предстоящему съезду: статьи Ю. Полушина, В. Канторовича, П. Степового, В. Комиссарова.

В этом году мы дадим целый ряд произведений, непосредственно посвященных двум историческим датам в жизни нашего народа — 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Прежде всего мне хотелось бы назвать новый роман Саввы Дангулова «Дипломаты», повествующий о первых годах Советской власти, о В. И. Ленине и его ближайших соратниках — Дзержинском, Свердлове, Чичерине, о зарождении советской дипломатии. Повесть М. Прилежаевой «Удивительный год» рассказывает о В. И. Ленине и Н. К. Крупской в период шушенской ссылки и содержит в себе немало новых интересных и доселе неизвестных ма-

териалов. Непосредственно отвечают этим великим датам и новые произведения И. Шамякина, А. Стельмаха, И. Мележа, И. Чандея, Ш. Байшеналиева, Н. Хазри, А. Гилязова, К. Лордкипанидзе и многих других наших авторов.

Мы пытаемся делать наш журнал более интересным, современным, острым. Наряду с цветными вклейками мы будем иллюстрировать повести, рассказы, очерки, привлекая к этому лучших художников из наших братских республик. Очень хочется шире давать в журнале живую эмоциональную информацию о культурной жизни нашей страны, об интереснейших фактах и явлениях, происходящих как у нас, так и за рубежом. Вот, например, один факт. Будучи в Париже, я присутствовал на вручении премии французской академии автору перевода «Витязя в тигровой шкуре» на французский язык тбилисскому врачу Цуладзе. Разве этот факт не говорит о многом! Разве не интересно о нем рассказать нашим читателям! А сколько таких фактов ежедневно происходит в нашей жизни! Недавние мои поездки по Украине, Белоруссии, Азербайджану, Грузии, Армении убедили меня в том, что во всех республиках у журнала есть много верных, настоящих друзей. Их советы, пожелания, критика несомненно помогут нам, работникам журнала, еще более широко и ярко представлять русскому читателю нашу многонациональную советскую литературу.

Тбилиси, март 1966 г.

Ежи ЗАГУРСКИ

Исповедь грешника

Семь лет назад ко мне обратился директор театра в Кракове Мечислав Котлярчик с великолепным предложением — чтобы я перевел фрагменты из «Витязя в тигровой шкуре» («Вепхисткаосани») на польский язык для постановки на сцене драматургического переложения этого шедевра. Я загорелся этой работой, но отдавал себе отчет в том, что столкнусь с многими трудностями. Правда, уже существовали отрывки, переведенные на польский язык, в том числе целое вступление в переводе Тувима, но они давали только туманное представление о произведении, хотя и разжигали любопытство. Я не приверженец косвенных переводов, а грузинский язык был мне незнаком. У меня не было даже оригинального текста «Вепхисткаосани», а из русских переводов был тогда доступен только перевод Нуцубидзе и в какой-то мере Заболоцкого, являющийся изложением произведения для школьной молодежи и отказывающийся от соответствующего эквивалента для шахири, который собственно был не переводом, а парафразой, переведенной позже моим коллегой Игорем Сикирициным.

Директор Котлярчик считал, что для единства словесной ткани нужно поручить работу одному лицу, в данном случае мне, и что материала, которым мы тогда располагали, достаточно для театра.

Приступив к работе, я очень скоро пришел к заключению, что мне многого не хватает... Тогда возник замысел поехать в Грузию, чтобы на месте познакомиться с колоритом страны, тональностью речи и взять добавочные материалы. Этот замысел я реализовал летом 1959 года и благодаря сердечной помощи коллег — грузинских поэтов и правительства — смог обеспечить себя в Тбилиси замечательными фотомагательными материалами; я вернулся, вооруженный как советами, так и тек-

стами великолепных переводов Петренко и полного — Заболоцкого под редакцией Чиковани. От министра культуры я получил оригинал с прекрасными рисунками Гудиашвили, купил пластинки с грузинской музыкой и, вооруженный таким образом, вернулся в Польшу, где в результате в Краковском театре произведение было поставлено в моем переводе — фрагменты, связанные моим текстом, — что и явилось драматургическим переложением шедевра.

Если еще прибавить, что я в принципе противник переложений для сцены (инсценировок), то можно себе представить, какой во мне был разлад. Я стал уже двойным грешником: перевел не с оригинала и перенес произведение в другой вид литературы — из эпопеи на сцену. А сейчас передо мной — угроза третьего греха. Именно этот текст, сыгранный в театре, расширенный и дополненный, и тоже со связующим текстом, но уже не приспособленный для сценических диалогов, а в форме эпической, появится в 1966 году в книге, которая выйдет в литературном издательстве в Кракове с иллюстрациями Ежи Скажинского. К счастью, текст был пересмотрен ученым-ориенталистом доктором Яном Брауном, хорошо знающим грузинский язык; так зародилась надежда искупить свой грех, а также и предыдущую провинность. Именно после издания этой книги моим заветным замыслом является перевод всего «Витязя в тигровой шкуре», но уже не мной одним, а совместно с доктором Яном Брауном. Такое товарищество, в котором Браун будет отвечать за соответствие оригиналу, а я — за поэтическую часть, представляется мне единственным выходом в ситуации, где смелый замысел не под силу осуществить одному человеку, что бывает в случае, если шедевр написан на языке труднодоступном.

Поэтому незадолго перед дорогой я

покаялся в тех необходимых вольностях, которые до сих пор совершал и которые я называю грехами. Но я о них не жалею. Ведь если бы я не вступил на эту запретную тропинку и не бродил вслепую в чаще шаири и его обоих вариантов — «магали» и «дабали», никогда я не посетил бы уже во второй раз Грузию и не испытал бы так непосредственно ее очарования. А эти поездки не только дали мне основу для уверенных действий в работе над Русставели, но также стали стимулом для моего собственного творчества. И это равным образом в сфере лирики и драмы.

Вынес я отсюда цикл стихов под общим названием «Тамада», которые вошли в том моих стихов «Вот течение», вышедший в прошлом году. Вынес также стимул к написанию драмы

«Ожерелье Серафимы», которая была напечатана в 1961 году в 12 (декабрьском) номере польского ежемесячника «Диалоги», посвященного современной драматургии, в том самом ежемесячнике, в котором наш известный писатель Ян Парандовски опубликовал свою «Медю». Как видно из самих названий, две грузинские женщины стали в отнoсительно короткий срок мотивом двух польских пьес.

Если бы мы приезжали чаще, то наверняка грузинская тематика, которая и так относительно хорошо представлена в нашей литературе, разрасталась бы еще больше, обогащая нашу поэзию, прозу и драматургию тем колоритом, которым одаряет эта чудесная страна — мать очаровательных дочерей и мужественных сынов.

Перевод с польского

Подписано к печати 22 апреля 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70X108,1»

Заказ № 1010

Тираж 1900

УЭ 00755

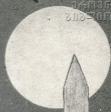
Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ქართული „ლიტერატურა გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

ԿՈՍՄՈՆԱՎՏ № 6

п. 8.

6 34114

ИНДЕКС
76117

Цена 40 к.